

КИР БУЛЫЧЕВ

Великий
Гусляр

Часть четвертая. Гусляр-2000

...Но странною любовью

Корнелий Иванович Удалов шел со службы домой. День был будний, погода близкая к нулю, вокруг города толпились тучи, но над Великим Гусярком в тучах находилась промоина и светило солнце. Виной тому был космический корабль зефиров, который барражировал над городом, не давая тучам на него наползать.

У продовольственного магазина «Ильдорада» продрогший зефир, из мелких, покачивал чью-то детскую коляску, чтобы успокоить младенца, которого мамаша оставила на улице, уйдя за покупками. Младенец попискивал, но плакать не смел.

Удалов испугался, что зефир опрокинет коляску.

— Ты поосторожнее, — сказал он.

— Я очень стараюсь, — ответил зефир, — хотя ребенок выведен из душевного равновесия. Но в любом случае я очень благодарен вам за совет и внимание, Корнелий Иванович.

Они всех нас по именам знают! Никуда от них на денешься!

Когда Удалов свернул на Пушкинскую, он увидел еще одного зефира, постарше, который собирал пыль и собачий помет в пластиковый мешок.

— А где дворник? — спросил Корнелий.

— Фатима Максудовна кормит грудью своего младшенького, — ответил зефир. — Я позволил себе ей помочь.

Зефир и сам уже был покрыт пылью. Работал он старательно, но неумело.

— Ты что, никогда улиц не подметал? — спросил Удалов.

— Простите, — ответил зефир. — У нас давно нет пыли.

— Ну и тоскливо, наверное, у вас?

— Почему вы так полагаете?

— Во всем у вас порядок, всего вы достигли.

— Нет предела совершенству, — возразил зефир.

— И чего тогда к нам примчались?

— Мы несем совершенство во все углы Галактики.

— Ну-ну, — вздохнул Удалов.

— А жаль, — сказал зефир, — что мы порой, время от времени, кое-где сталкиваемся с недоверием.

Удалов пошел дальше и у входа в свой дом обогнал небольшого зефира, который волок сумки с продуктами.

— Это еще для кого? — спросил Удалов.

— Надо помочь, — ответил зефир, втаскивая сумки на крылечко и открывая упрямо головкой дверь. — Профессор Минц занемог. Мы встревожены.

Зефир обогнал Удалова в коридоре, ловко открыл ноготком дверь к Минцу и, подбежав к столу, закинул на него сумки с продуктами и лекарствами.

— Ей-богу, не стоило беспокоиться, — хрипло произнес Минц. Он сидел в пижаме на диване, горло было завязано полотенцем, и читал журнал.

Он шмыгнул носом и виновато сообщил Удалову:

— Простуда вульгарис. Прогноз благоприятный.

— Это вы его в магазин посылали? — спросил Удалов.

— Не совсем так, — ответил Лев Христофорович. — Один зефир забегал ко мне днем, узнать, как выглядит подвенечное платье, и увидел, что я простыл...

— Чего?

— Подвенечное платье, — повторил Минц. — Они решили сделать подарок невесте Гаврилова.

— Ну уж это перебор! Гаврилов третий раз женится. Пускай у предыдущей жены позаимствует.

— Ты живешь старыми ценностями, — возразил Минц. — Нынче молодежь серьезнее относится к атрибутике. Они решили венчаться и полагают, что память об этом событии, включая подвенечное платье, сохранится на всю жизнь.

— Значит, получил у тебя информацию, потом проникся сочувствием и пошел за лекарствами в магазин?

— Разумеется, — сказал зефир. — А как бы вы поступили на моем месте, Корнелий Иванович?

— Я бы вызвал врача, — буркнул Удалов.

— Но вы же знаете, Корнелий Иванович, — в голосе зефира прозвучал легкий укор, — что скажет врач. А я сделаю все то же самое, но лучше.

И тут Удалова прорвало.

— Какого черта! Какого черта вам нужна вся эта благотворительность?

— Корнелий! — попытался остановить его Минц. — Ну зачем такая агрессивность!

Зефир подождал, пока в комнате утихло, и ласково произнес:

— Мы решили все проблемы у себя на родине и теперь несем добро на другие планеты. Мы всех любим, мы хотим счастья всем существам в Галактике.

Удалов уже не раз слышал эти слова и не мог понять: ну почему же они его раздражают? Другое дело — был ли в них подвох. Но за последний месяц все жители Великого Гуслияра убедились, что подвоха нет. Как назло, нет.

Удалов сдержанно вздохнул, наблюдая за тем, как ловко зефир, взобравшись на стул, режет на тарелке огурчики и помидоры, готовя салат для больного профессора, которому нужны витамины. Потом он отправился к себе.

Дома тоже было несладко.

Ксения сидела у телевизора, один зефир занимался стиркой, а другой, незнакомый, пылесосил большую комнату.

— Ксения, — сказал Корнелий Иванович. — Ну нельзя так все пускать на самотек.

— Я их что, просила, что ли?

— Ты не возражала, — сказал Удалов.

Зефир выключил пылесос, чтобы не мешать беседе супругов и, закинув лысенькую головку, произнес:

— Мы же рады помочь.

— Есть мнение, — сказал Удалов, — что потом вы предъявите нам счет за услуги. Такой, что век не расплатиться.

— Ах, Корнелий Иванович! — Зефир сложил лапки на пузе. — Вы же взрослый, умный и опытный человек. Ну чем вы смогли бы нам заплатить?

— Сама постановка вопроса некорректна, — послышался новый голос, и, запрокинув голову, Удалов увидел третьего зефира, который, как муха, ползал по потолку и протирал его белоснежной тряпкой.

— Мы из золота давно делаем унитазаы, — сообщил первый зефир.

— А вот некоторые говорят, — сказала невестка Удалова, которая вернулась с занятий в речном техникуме, — что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

За невесткой, подобно африканскому невольнику, шагал зефир, неся на голове куль вещей из химчистки.

— Не нагружала бы ты его так, — сказал Удалов. — Ты посмотри, он уже посинел.

— Он сам того хотел, — сказала невестка.

— Я сам... — пискнул зефир и упал, придавленный сумкой.

— Меня возмущает, — сказала невестка, — как они нас морально порабощают.

Удалов с трудом поднял сумку. Зефир был неподвижен, из полуоткрытого ротика вырывались приглушенные стоны.

— Этого еще не хватало! — Ксения оторвалась от телевизора, потому что серия кончилась.

— Я сам, — прошептал зефир.

Его товарищи окружили пострадавшего и вынесли из комнаты уже безжизненное тело.

— Эх. Нехорошо получилось, — сказал Удалов.

— Нормально, все нормально, — ответил зефир, который держал сгинувшего собрата за ноги и потому покидал комнату последним. — Когда мы идем делать добро, мы знаем, насколько это опасный и неблагодарный труд.

— Ты не прав! — крикнула вслед ему Ксения. — Я каждый раз вам спасибо говорю.

Небольшой зефир протиснулся в форточку и закрыл ее за собой.

— Я достал сухую мяту! — радостно сообщил он Ксении.

— Иди тогда на кухню, там один из ваших обедом занимается.

— Ксения, это эксплуатация! — крикнул Удалов.

— Я только помогаю им выполнять желания.

Удалов хлопнул дверью и побежал к профессору Минцу.

Там картина изменилась. Хоть Минц все также сидел на диване, теперь перед ним стояла шахматная доска, и по ту сторону доски сидел немолодой зефир.

— Плохи мои дела, — сказал зефир.

— А вы не поддавайтесь мне, — ответил Минц.

— Не поддаваясь, я рискую испортить вам настроение, а в вашем физическом состоянии это недопустимо.

Удалов от двери сказал:

— Слушайте, мне все это смертельно надоело!

Он отпрыгнул в сторону, потому что из коридора к нему подкрался зефир и принялся чистить ботинки.

— Все прочь! — приказал Удалов. — Вы хоть человеческий язык понимаете?

— Уходим, — ответил зефир-шахматист, и все зефиры немедленно испарились.

Удалов сбросил со стула пачку журналов, уселся и спросил:

— Ты скажи мне, скажи, что происходит?

— Оптимальный вариант вторжения из космоса, — ответил Лев Христофорович.

— Ну кто так вторгается! — воскликнул Удалов. — Почему они нас не угнетают, не уничтожают? Почему все происходит наперекосяк. Я о таком не читал!

— Мы настолько привыкли к тому, что наша история состоит из вторжений, уничтожений и угнетений, — ответил Минц, глядя в окошко, где все еще летал кругами космический корабль, — что не допускаем мысли о ином поведении и иных целях. Хотя именно об этом много лет назад талдычили советские писатели-фантасты.

— На то они и есть советские фантасты, — возразил Удалов.

— Мы вас воспитываем добрым примером! — крикнул от двери изгнанный зефир.

— Вы думаете, что нам нужны добрые примеры?

— Они всем нужны.

Удалов сжал виски ладонями. Нет, все это не укладывалось в его голове. И он не был исключением. С тех пор как над Великим Гусяром появились космические корабли зефиров, многие задавались вопросом: «Зачем нам такое счастье?»

В первые дни после высадки инопланетян горожане нарадоваться не могли на инопланетных гостей — и помощники, и добровольцы, и спасатели! Все помнили о том, как сорвался с высокого тополя и погиб зефир, который пытался снять оттуда плупого котенка.

— Пожалуй, — заговорил Минц, шмыгая носом и похрипывая, — им надо было брать за все плату. Хотя бы символическую. Мы бы

легче к ним привыкли. Зря они упорствуют в том, что добрые дела — цель их существования. Добру должен быть предел.

Минц имел в виду ужасную историю, случившуюся вчера. Один пенсионер, ветеран, придушил зефира, который принес ему перед сном шлепанцы.

С утра город затаился в ужасе. Должны были последовать репрессии. Но репрессий не было.

Руководство зефиров принесло искренние извинения пенсионеру в том, что покойный зефир спровоцировал его на резкие действия, и подарило пенсионеру новый холодильник «Филипс» с доставкой на дом.

— Чувствую я, — сказал Удалов, — что надвигается роковой момент.

— Вы уверены? — спросил из коридора зефир-шахматист.

— Улетайте от нас, по-доброму прошу! — сказал Удалов. — Не можем мы отвечать добром на добро. Не умеем. Не приучены.

— Нет, — возразил шахматист. — Мы согласны на жертвы. Но мы верим в добро.

Удалов вздохнул и вышел на улицу.

Темнело.

За столом для домино сидело несколько соседей Удалова. Они держали в руках костяшки, но игру не начинали. Вокруг, на траве, в кустах, на ветках тополя, расположилось несколько зефиров, болельщиков.

— Давайте, друзья, начинайте! — крикнул один из зефиров.

— Гру-бин чем-пи-он! — закричал другой зефир из группы поддержки.

— Нет, я так больше не могу! — завопил Грубин и, вскочив, метнул костяшки в толпу своих болельщиков.

— Да гнать их в шею! — закричал Синицкий. — Они моему внуку все уроки делают и даже на контрольных подсказывают. Школа уже достигла стопроцентной успеваемости!

И тогда могучий Погосян тоже кинул в пыль костяшки, обернулся, неожиданно подхватил под мышки двух зефиров и выбежал на середину двора.

Одного за другим он швырнул их в черное небо в направлении космического корабля.

— И чтобы не возвращались! — кричал он им вслед.

Взлетев в небо, зефиры были вынуждены включать ранцевые двигатели и улетать к своему кораблю.

И тут, словно поддавшись единому порыву, все жители города от мала до велика стали хватать зефиров и закидывать их в небо.

— И чтобы не смели возвращаться! — несло им вслед.

Через полчаса корабль зефиров полыхнул белым огнем из своих дюз и взял курс к неизвестной звезде.

...С тех пор прошло три недели.

Удалов возвращался с работы в автобусе и случайно подслушал такой разговор:

— А может, зря мы их повыкидывали? — спросил один мужчина другого.

— Теперь и придаться не к чему.

— Я уж вчера своей благоверной врезал. Так, для порядка, чтобы суп не пересаливала.

— При них суп никто не пересаливал, — вздохнул первый мужчина.

А третий, постарше, вмешался в разговор и сказал:

— Хрен с ним, с супом. Но есть у меня сосед, еврейской национальности, все на скрипке играет.

— И больше не к чему придаться? — спросили его из другого конца автобуса.

— В том-то и дело, — ответил мужчина.

Перерожденец

Удаловы купили дешевый круиз в межсезонье. Над Средиземным морем хлестали дожди, непогодило даже над островом Капри, где творил когда-то писатель Горький, у которого, говорят, недавно отняли в Москве улицу и передали гражданке Тверской. Удалов о такой революционерке даже не слышал.

Ксения ждала, когда будет мальтийский порт Ла-Валетта, потому что там есть кожаные куртки: сыну и внуку нужны качественные изделия. Удалов дождливые дни просиживал в салоне или у пустого бассейна. Изредка позволял себе пропустить по маленькой с Василием Борисовичем, который отдыхал в каюте полулюкс. Василия Борисовича конкуренты звали Питончиком и всё ждали, когда его пристрелят. Может, потому он и потянулся к простому пенсионеру из города Великий Гусяр.

Сидя у бассейна, они переговорили на многие темы. Питончик все больше ругал демократов. За что — непонятно, потому что при коммунистах был таким мелким чиновником, что брал трешки в подворотне, а в демократическую эпоху смог завести себе женщину-референта с ногами, которые начинались от бюста, а о ее бюсте один певец сочинил песню «Как я трогал горы Гималаи».

Удалов, налетавшись по галактикам, тяготел к демократам, так как полагал, что демократы ратуют за демос. Питончику он о своем тайном убеждении не говорил — зачем расстраивать руководящего работника?

На теплоходе «Память „Нахимова“» было пустынно, как на пляже в Сухуми в разгар сезона. В бассейне резвилась только Дилемма Кофанова — известная рок-певица, которую Удалов раньше не знал. Все думали, что ее имя — псевдоним. Только Питончик, который знал все про всех — почему и оставался до сих пор в живых, сообщил Удалову, что Дилемма — ее настоящее имя. А вот фамилия ее — Вагончик. Именно фамилию она и скрывала.

Василий Борисович долго смеялся, прикрыв губы ладонью, — он был человеком смешливым, но знал, как это опасно. Имея телохранителя, Дилемма тем не менее тянулась к Питончику, потому

что у нее была замечательная интуиция, которая подсказывала, что Питончик при желании может заплотить всех ее поклонников, не поморщившись.

И такой человек, по мановению руки которого к борту подъезжал «Мерседес» и которому послы бывшего Советского Союза наносили визиты в черных фраках, имел слабость! Он был жертвой современных суеверий — верил в астрологию, летающие тарелочки, телепатию, колдовство, черную и белую магию, заряженную воду и переселение душ. Переселение душ занимало Питончика более всего. Вытянув вперед волосатые ножки, так что чистые пяточки нависали над бассейном, и потягивая сок гуайявы, Василий Борисович рассуждал:

— Оказывается, — подумай, Корнелий — мы с тобой уже жили на этом свете, но совсем в другом качестве. Может, был ты рабом при постройке древнеегипетских пирамид, а я, скажем, советником фараона. И все время приходилось мне тебя, прости, пороть за нерадивость.

Василий Борисович раздул ноздри и сощурил махонькие желтые глазки. Видно, у него было своеобразное воображение: в нем жил несостоявшийся тиран и диктатор.

— А рассказывают, — произнесла Дилемма Кофанова, — что человек при перерождении сохраняет свои способности.

Она подплыла к бортику бассейна. Ее купальная шапочка была оклеена небольшими резиновыми райскими птичками, и грима на лице почти не наблюдалось, отчего только очень близкие знакомые могли бы угадать, с кем имеют дело.

— На этом основан принцип выбора далай-ламы, — развил тему Василий Борисович. — По самым отдаленным населенным пунктам Тибета рассылают курьеров, чтобы выяснить, не родился ли там мальчик в момент смерти предыдущего далай-ламы. Причем он должен обладать рядом особенностей.

— Родинкой на лбу, — сказала Дилемма.

— Родинкой, размерами, формой носа и так далее. Если все совпало, то мальчика берут в монастырь и воспитывают. Пока не подойдет время его настоящей инаугурации. Понятно?

Василий Борисович спрашивал строго, как с подчиненного, и потому Удалов отвечал покорно, как подчиненный.

— Понятно, — сказал он. — Мальчика воспитывают.

— Конечно, не все тебе понятно, — вздохнул Питончик. — Это уже не мальчик, а новое воплощение далай-ламы.

— Главное не это, — сказала Дилемма и подплыла так близко, что Удалов испугался, как бы Питончик не ткнул ее пяткой в лобик. — Главное, — сказала она, — в том, что каждый из нас уже жил и наслаждался природой и различными ласками.

— В прошлой жизни ты сидела дома и не каталась по морям, — строго сказал Дилемме Питончик.

— О нет! Я была маркизой! За мою честь благородные люди — дворяне, графы — обнажали шпаги, лилась кровь... Море крови!

Пришел бармен, черненький, завитой. Спросил, что принести. Даже у Корнелия спросил, ибо был выучен в новых традициях, когда деньги решают все. Так как было прохладно, заказали согревающих напитков, и Василий Борисович продолжил интересный разговор:

— У меня есть знакомый, директор института, не будем говорить какого...

Он сделал паузу, и остальные поняли, насколько секретный этот институт.

— Он мне точно сказал, что там открыли, как угадать, кем человек был раньше.

— Ой! — сказала Дилемма и чуть не выронила бокал в бассейн.

— Но это теория? — спросил Удалов.

— Что я, на теоретика похож, что ли? — обиделся Василий Борисович. — Точно уже разработано. Закладывают все данные в машину, считают двадцать секунд, и вот тебе ответ: настоящий тип уже проживал триста лет назад и провел свою жизнь в тюрьме «Кресты» за карманные кражи и грабежи приютов.

— Это вы о ком? — испугалась Дилемма. Она даже оглянулась, опасаясь, что жулик-перерожденец пробрался в бассейн.

— Уже есть программа опытов, — сообщил Василий Борисович полушепотом. — Для ведущих государственных чиновников. В Японии это принимает массовый характер.

— Говорите, говорите! — умоляла его Дилемма.

— Больше ни слова, — ответил Питончик, как отрезал. — Здесь всё имеет уши.

Бармен тут же высунулся из своей дверцы — уши у него были тонкие, прозрачные. Но имелись в виду другие уши.

Разговор продолжился вечером, когда Дилемма отпела три песни в концерте для немногочисленных обитателей салона «Малахов редут», отмахнулась от липучих поклонников и велела телохранителю принять водки и идти в каюту. Так что они остались в углу салона втроем, сильно выпивши, и Василий Борисович был весел. Кошачьи глазки Питончика сверкали непринужденным весельем, и, предвкушая неудержимый интерес собеседников к его тайне, он заранее наслаждался тем, как помучает их, прежде чем раскроет ее...

Сдался он только в половине двенадцатого.

— Ребята из ФСБ мне нашептали, — сказал Питончик. — Есть новые результаты. Опровергают все самые неожиданные ожидания... Хуже не придумаешь.

— Василий Борисович, — посмел перебить Удалов, — а с какой целью проводится эта государственная программа? Ведь кто есть, тот есть. Не сажать же его в тюрьму за преступления его предыдущей оболочки?

— Ах, как сказал! — обрадовалась Дилемма. — Предыдущая оболочка! У меня тоже была.

— У тебя была шкура, — грубо ответил Василий Борисович, потому что чувствовал свою силу и мог поизгаляться над ближними. — А программа проводится с понятной целью. Чтобы знать, чего в будущем ждать от ответственного товарища.

— Все равно я не понимаю, — вставила Дилемма. — Мало ли у кого какой характер?

— На большом посту последствия могут быть роковые.

— И как же комиссия...

— Вот в этом вся штука. — Питончик налил из бутылки «Белой лошади» себе в фужер, добавил шампанского, потому что любил гулять изысканно, хлопнул и заел омарчиком. — Комиссия на самом высоком уровне. Если наш перерожденец неуправляемый, опасный, то его стараются тихо подвинуть, пока парламентская дума не узнала и не предложила в президенты. Вы омаров пробовали? Очень советую, велите принести, если с валютой свободно.

— Я могу себе позволить! — окрысилась Дилемма.

Люди познаются в мелочах. А в мелочах Василий Борисович производил впечатление прижимистого гражданина.

— Простите, — спросил Удалов, — а какой-нибудь пример можно узнать?

— Я тебе пример, а ты — в «МК», и там сенсация. А потом меня нечаянно машиной инкассатора переедут. Это бывает...

— А мы — никому! — сказала Дилемма. — Ни слова.

— Вы имен личных не употребляйте. Так, чтобы только пример, — просил Удалов. — Например, один товарищ или одна гражданка...

— Эх, все равно рискую, ох, рискую...

Питончик помолчал. Хлопнул еще стакан виски с шампанским. Золотой перстень с изумрудом загадочно сверкнул, кинув лазерный луч по салону. Дилемма подобралась, как пантера, — за таким изумрудом можно прыгнуть и с десятого этажа.

— Привожу пример, — сказал Питончик негромко. — Есть один человек в столице. На руководящем посту. И стал он вызывать опасения специалистов своей гигантоманией.

— Как так? — удивилась Дилемма, которой такое выражение было неизвестно.

— В масштабах столицы он начал баловаться Днепрогэсами. И чем дальше, тем больше. За пределами разумного. Ну, допустим, есть в столице триста разрушенных церквей. А он строит на пустом месте собор выше Эйфелевой башни. Гору сроеет — поставит на ее месте пику, которая пронзает Луну. Даже зоопарк превратил в бетонный готический замок на десять кварталов. А в центре города сделал яму...

— Знаю, знаю, — сказала Дилемма. — Вы имеете в виду...

— Ни слова! — прошептал злобно Питончик. — Мне за клевету пропадать не хочется.

Он собственноручно влил в плотку певицы стакан виски с пивом. «Конотопская лукавая» — так именуется этот коктейль в кругах теневого бизнеса. А Удалов, чтобы замять неловкую паузу, спросил:

— Ну и какие результаты?

— Собралась комиссия, взяли у него волосок. И обнаружили, что он и на самом деле перерожденец...

— А кем он был раньше? — задыхнулась от нетерпения Дилемма.

— Фараоном Хеопсом, — ответил Питончик, глядя в потолок, по которому бегали цветные пятна от прожектора.

— Кем? — спросила еще раз Дилемма.

— Египетским фараоном. Соорудил пирамиду рабским трудом сограждан, не обращая внимания на царившую вокруг нищету и угнетение трудящихся.

— Он врет, да? — спросила Дилемма Удалова. Но Корнелий Иванович не был в том убежден и потому с сомнением покачал головой. Где-то он слышал про такого жестокого фараона.

— Вы не отвлекайтесь, — приказал Питончик. — Что от меня узнали, больше нигде не скажут. Топ-секрет!

— Ну и что? — спросил Удалов. — Предположили...

— Дурак! Не предположили, а доказали! Убедительно доказали. Теперь эти разработки японцы у себя пускают. У них даже дворника не возьмут на службу, пока не выяснят, кем он был в предыдущем рождении.

— А конкретно? — спросила Дилемма.

— Конкретно — собрали Совет безопасности, вызвали туда человека и сказали: «Ты можешь храмы и автостоянки сооружать, крупнейшие в мире. Но учти, что мы ждем от тебя угрозы. Так что отныне тебе, товарищ хороший, запрещено возводить в Москве пирамиды и усыпальницы. Чуть что — мы тебя, как Хеопса, замуруем в твою пирамиду, и доживай там свой срок».

— И что? Что? — Карие глаза Дилеммы ярко пылали.

— Поплакал он. Все же натура у него хеопсовская. Потом смирился. Важнее должность сохранить. Ей соответствует погребение на Новодевичьем.

Василий Борисович помахал пальцами, призвал официанта и заказал еще бутылку виски и побольше пепси-колы.

— А кого еще проверяли? — спросила Дилемма.

— Мы политиков не трогали, — сказал Питончик с лукавой пьяной усмешкой.

— А если из правительства? — спросила Дилемма.

Но Питончик повернулся, захватив недопитую бутылку, потому что не могло быть у него такого пьяного состояния, чтобы он своего не взял, и побрел к себе в каюту. Так что Удалов узнал в тот вечер много, но недостаточно.

Больше к разговору о перерождениях не возвращались, так как у Питончика появились интересы, связанные с дочкой одного министра из соседнего полулюкса, которая спала с телохранителем Дилеммы. В результате разразился скандал с мордобоем, а Удалова никто больше не замечал, и с ним почти не здоровались.

Корнелий верил и не верил информации, сообщенной ему Питончиком, и в нем роились дополнительные вопросы. Только задать их было невозможно.

До самого последнего дня.

В последний же день, когда лайнер гордо подошел к причалу Одесского порта, судьба в последний раз столкнула бывших собеседников на трапе. Как в трагедии, где в последней сцене выходят все жертвы и мерзавцы, чтобы выяснить отношения.

Первой спускалась Дилемма в оранжевых волосах и зеленом плаще. Пограничники при виде нее сделали под козырек. Телохранитель пронзил их волчьим взглядом. Затем спускался Удалов с супругой. Уже на набережной он догнал Дилемму и негромко сказал ей вслед:

— До свидания, Дилемма Матвеевна. Рад был с вами познакомиться. Спасибо от публики за ваш талант.

Дилемма обернулась на голос. В момент расставания что-то дрогнуло в ее сердце. Она улыбнулась, сверкнула карими глазами, взмахнула ресницами и сказала:

— А славно мы с вами надрались в тот вечер!

Ксения ахнула: Удалов ей не во всем признается.

— Не бойтесь, мамаша, — сказала ей Дилемма. — У нас с вашим мужем доверительные отношения, но не интим.

— Вот именно! — раздался голос сверху. Там спускался Василий Борисович. Сам Питончик. — Мы славно посидели.

Оказывается, и он мог быть сентиментальным. Удалов расплылся в улыбке.

— Рад с вами попрощаться! — крикнул он.

Они все остановились у трапа на причале. Синий «Мерседес» медленно двигался вдоль борта.

— Ну вот, за мной уже приехали, — с некоторой ностальгией в голосе сказал Питончик.

— Тогда скажите скорее, а то всю жизнь буду мучиться, — страстно взмолилась Дилемма. — Скажите, чей перерожденец тот человек, который так грубо с женщинами обращается? Я буквально торчу, когда его по телику показывают!

— Все в жизни не так просто, кошечка, — сказал Василий Борисович, ласково, но твердо хватая короткими пальцами эстрадную звезду за подбородок и поворачивая ее к себе с намерением, видно, впиться на прощание губами в розовые губки гражданки Вагончик. — Ты думаешь, если человек заявляет, что намерен вымыть свои сапоги в Индийском океане, значит, он в предыдущем рождении был Александром Македонским?

— Да, — прошептала Дилемма, не пытаясь вырваться.

— А когда проверили на генетическом уровне, оказалось, что в предыдущем рождении наш с тобой герой был чукчей!

— Ах! — вырвалось у Удалова.

— Вот именно. И этот товарищ чукча всю жизнь мечтал вымыть ноги в теплой воде. А так как советская власть дала чукче начальное образование и поведала о стране Индии, а вот горячую воду в те края не провела, то и образовалась у чукчи мечта, не реализованная ввиду ранней гибели чукчи на клыках моржа.

Сказав так, Питончик страстно впился устами в губы певицы, и Ксения Удалова резким движением оттащила мужа к таможене и пограничному контролю.

А синий «Мерседес», на котором, как подумал Питончик, приехали за ним, притормозил возле целующихся Дилеммы с Питончиком, бесшумно и быстро опустились тонированные стекла, и изнутри засверкали ярко-белые вспышки. Оказывается — стреляли. Оказывается, за Василием Борисовичем приехали не друзья, а враги.

Питончик опустился на мокрый холодный асфальт, увлекая за собой Дилемму. Которой, впрочем, было все равно, потому что погибла и она.

Закричала Ксения, ахнул Удалов — к счастью, в тот момент они уже были в нескольких шагах от места трагедии.

На похороны Удаловы не попали — у них уже были заказаны на тот день билеты до Вологды.

У Корнелия осталась на сердце тяжесть.

Многое пришлось ему в жизни видеть, но такого зверства — ни разу.

Поэтому можно понять, почему он ни с кем из друзей не поделился сведениями о перерожденцах. Словно возникла черная шторка в памяти — а за ней прятались беседы, которые он вел на теплоходе.

А приподнялась эта шторка в тот неприятный день, когда Усищев предложил гражданам Великого Гусяра избрать в каждом подъезде по доносчику, чтобы он информировал правительство города о настроениях и неправильных словах.

В тот день Удалов пошел с профессором Минцем погулять по набережной. Многие жители города пошли в тот день погулять по набережной или даже в парк. Наиболее осторожные уехали в лес, к озеру Копенгаген. Усищева все принимали всерьез.

Удалов с Минцем гуляли себе по набережной, раскланивались со знакомыми, но разговаривали вполголоса. И тут Минц неожиданно дал толчок размышлениям своего друга.

— Иногда мне кажется, что Усищев в прошлой жизни был унтером Пришибеевым. Был такой герой в сатирическом рассказе Чехова. Любил все запрещать и пресекать. А при том — жулик и пройдоха, если я не путаю его с каким-то другим унтером.

— Ты хочешь сказать, что он жил раньше? — вырвалось у Корнелия, и тут же с кристальной ясностью перед его внутренним взором предстала сцена в салоне теплохода «Память „Нахимова“», пьяный взгляд Василия Борисовича и горящие карие глаза несчастной Дилеммы.

— Есть такая теория, — сказал Минц и запустил в речку Гусь плоский камешек. Надвигалась зима, и ближе к берегу река уже начала покрываться ледком, отчего камешек подпрыгнул, звякнул по льду и только потом сгинул в черной ноябрьской воде. — Но научно не подкрепленная.

— Значит, может, мы с тобой уже пожили свое?

— Не исключено, — улыбнулся печально профессор. — И даже померли.

— А мне один покойный человек говорил, что в одном нашем институте уже измерительная аппаратура работает, а японцы даже на работу без проверки не берут.

— Какой еще проверки? — воскликнул Минц.

— Чтобы избежать опасности. Если человек в предыдущем рождении был партизаном, то его ни за что нельзя брать на работу стрелочником. Рано или поздно происхождение скажет свое, и он подорвет вверенный ему поезд.

— Где ты набрался этой чепухи?

— Я же говорю — целые институты этим занимаются. А мы здесь прозябаем!

Удалов не хотел обидеть профессора, но, конечно, обидел. Тот замолчал и стал смотреть на серые облака.

— В Москве даже опыт с одним большим начальником провели, — сказал Удалов, дотрагиваясь до рукава своего друга. — Он отличается гигантизмом за народный счет. То собор, то монумент, а людям жрать нечего...

— И что же? — спросил Минц.

— А то, что он оказался перерождением египетского фараона Хеопса.

— Маловероятно!

— Что маловероятно? Есть постановление правительства — ему запрещено впредь возводить на территории России пирамиды и обелиски.

Минц усмехнулся. Он все еще был настроен скептически.

— А еще один человек, который хотел ноги в Индийском океане вымыть, оказался... — заговорил Удалов.

— Только не говори, что он перерожденец Александра Македонского.

— Нет, он перерожденец чукчи, который по теплой воде тосковал.

— Почти смешно.

— А вы проверьте. Вы ученые, вам все карты в руки.

— А что? Вот я направлюсь на той неделе в Барселону на конгресс по генной инженерии, там и поговорю с кем надо.

На том они и расстались, а ночью Удалову кошмарно снилась несчастная Дилемма Кофанова, распростертая у его ног на мокром и холодном асфальте одесского причала.

Возвратившись вскоре из Барселоны, профессор Минц сразу заглянул к Удалову. Он был возбужден, капельки пота блестели на

склонах лысины, дыхание было неглубоким, но частым.

— Идем ко мне! — повелительно сказал он, едва поздоровавшись.

Ксения хотела было велеть Удалову сначала доесть компот, но по виду соседа поняла, что случилось Нечто. И промолчала.

Внизу Минц, раскрыв портфель, вывалил из него не только бумаги, кассеты и перфокарты, но и несколько разного вида приборов.

— Мы живем в утробной глуши! — закричал он тонким голосом. — Вокруг люди открывают и закрывают Америки, а мы не знаем, кто из нас перерожденец!

— А они знают?

— Ты был прав, Корнелий, и мне стыдно, что я так провинциален.

— Значит, он и впрямь из Хеопсов? — спросил Корнелий.

Минц не сразу вспомнил, потом хлопнул себя по лысине и засмеялся:

— Хеопс, точно Хеопс. Но это еще цветочки...

— Лев Христофорович, а как о других?

— Корнелий, возьми себя в руки. Конференция международная. Их интересуют свои персонажи. Мадам Тэтчер, например...

— И кто она?

— Ну, сам должен был догадаться. Конечно же, королева Елизавета Первая.

— Ага, — согласился Удалов, который не представлял себе, чем прославилась королева Елизавета Первая. — А другие?

— Скажем, президент Клинтон...

— Да плевал я на президента Клинтона... в переносном смысле.

— А больше не помню... Да, мне говорили о режиссере Михалкове.

— И что?

— Забыл. Что-то иностранное, но — забыл.

— Сейчас ты скажешь, что и Аллу Пугачеву забыл?

— Нет сведений. Да отстань ты от меня с мелкими конкретными примерами! Ты, видно, не до конца осознал суть открытия. Ведь каждый человек может рождаться не один раз и не два, а может, даже десять. В истории человечества был не один Наполеон. Но в большинстве своем они не успевали взобраться на вершину власти, и

их кушали другие соперники. Так что и пирамида у нас одна, а не сто...

— Понял, — сказал Удалов. — Первую Аллу Пугачеву надо искать в образе Шахерезады.

— Умница! — похвалил его Минц. — А теперь скажи, как у нас в Гусяре. Что нового, что плохого?

— Ой, не говори! Боюсь, что до выборов не доживем. Лютует Усищев, забирает власть. А как его выберем — сожрет.

Минц сочувственно кивал головой.

Потом он положил на стол тяжелый черный шар размером с крупное яблоко.

— Это генератор, — сообщил он. — От него исходит энергия, соединяющая поля.

— Какие поля?

— Между перерожденцами существует общее поле. Чтобы отыскать его и расположить в нем перерожденцев, требуется этот шарик.

— Понятно, — сказал Удалов. — Значит, ты раздобыл ту самую машинку?

— Ту самую, — согласился Минц. — Вот ее вторая часть.

Вторая часть представляла собой конус, с широкой стороны которого помещался овальный экран чуть больше ладони; на узкой части горел зеленый огонек.

— А вот это, — сказал Минц, — способ увидеть того, чьим перерожденцем ты, Удалов, являешься.

— Меня не трожь! Ничего интересного, — возразил Удалов.

— А я и не надеялся увидеть в твоём прошлом еще одного путешественника по Галактике, обыкновенного героя Вселенной.

Видно, Минц шутил. Во всяком случае, Удалов предпочел счесть его слова за шутку.

— Значит, будем разыскивать, чей ты перерожденец, Лев Христович, — нашелся Удалов.

— Ах, оставь, Корнелий, — отмахнулся профессор.

— Почему же, ты личность известная, можно сказать, гениальная.

— Это все в прошлом.

— А мы прошлым и интересуемся.

— Нет-нет, от меня проку не будет, — взъярился профессор.

— Но может быть, ты перерожденец самого Леонардо да Винчи! У меня на этот счет почти нет сомнений, если не считать шишки.

И Удалов не без лукавства, хотя и безобидного, указал на небольшую шишку, которая испокон веку виднелась над правым ухом профессора.

— Я тебя не понял, — насторожился профессор.

— В это самое место, как говорит наука, — ответил Удалов, — Исааку Ньютону угодило яблоком.

Минц попытался рассмеяться, но получилось неубедительно. И Корнелий понял, что себя профессор Минц проверять на перерожденчество не станет. А если и станет, то тайком от общественности. Потому что после неудачной шутки Корнелия Минцем овладел ужас: а вдруг он — перерожденец какого-то совершенно не известного и даже неинтересного человека, как бы подкидывш Истории?

— А вот такая проблема меня волнует, — сказал неожиданно Минц, — так это будущее родного нашего городка.

Удалов даже рот открыл от удивления. Будущее родного городка к проблеме перерожденцев отношения вроде бы не имело.

— Удалов, Удалов! — вздохнул профессор. — Несмотря на твои подвиги и жизненный опыт, дальше собственного носа ты посмотреть не в состоянии. А я мыслю масштабно. Меня сейчас не интересует, кем были в прежней жизни Франсуа Миттеран или Алла Пугачева. Это банально. Мне не столь важно, падало ли яблоко на голову мне или другому Ньютону. Это тоже лежит на поверхности. Это подобно старой детской шутке.

— Какой?

— Назови часть лица.

— Нос.

— Поэт?

— Пушкин.

— Девяносто шесть процентов людей отвечают точно так же — берут то, что лежит на поверхности мозга, и предлагают человечеству. Моя же гениальность заключается в том, чтобы отыскать новые пути.

— И сказать «ухо» и «Лермонтов»? — спросил Удалов.

— Нет, голубчик. Чтобы сказать «бровь» и «Сафо».

Тут Удалову пришлось сложить оружие, потому что он не знал, кто такой Сафо.

— Каждое изобретение, — продолжал Минц, расхаживая по тесному кабинету, заложив руки за спину и выпятив и без того круглый живот, — должно служить человечеству. И если мы с тобой сейчас увидим в этом приборе, что я — перерожденец Ломоносова, это ничего нового никому не даст. Я и без того известный ученый. Однако если нам удастся заглянуть в прошлое товарища Усищева, то это может спасти наш город.

— Конечно, — прошептал Удалов и кинул опасливый взгляд на окно.

Для тех, кто не в курсе, можно пояснить, что до выборов в Великом Гусяре оставалось шесть дней. А на власть в городе претендовал некто Усищев, существо, рожденное новой жизнью, возникшее в городе неизвестно откуда в качестве владельца ларька у базара, затем проникшее в городскую управу, а потом оказавшееся во главе «Гусярнеустройбанка», основателями которого стали некоторые из отцов и матерей города, а вкладчиками — обитатели. Собрав все деньги, Усищев заявил, что расплачиваться не в состоянии ввиду антинародной политики московского правительства в Боснии и Герцеговине. Народ Гусяра сильно шумел и писал на Усищева письма в разные инстанции. Но местные инстанции в большинстве случаев свои деньги не потеряли, а возместили их с прибылью, что же касается горожан попроще, то Усищев придумал для них достойное развлечение. Он доступно объяснил народу по радио, что во всем виноваты демократы и когда мы с ними окончательно расправимся, доходы всех жителей Гусяра утроятся. И все на радостях забыли о том, что их доходы лежат в сейфе у товарища Усищева.

Как и в каждом русском сообществе, не все дружно выступали за то, чтобы Усищев стал господином Великого Гусяра. Некоторые даже возмущались и называли его жуликом. Так что товарищу Усищеву пришлось выписать охрану из подмосковных Люберец, чтобы оградить себя от демократического террора, а кроме того — перетянуть на свою сторону городскую милицию, обещав построить для милиционеров плавательный бассейн, а для их детей школу фигурного катания. Не говоря уж о материальной поддержке. К тому же в город прибыли, но пока затаились шестнадцать воров в законе

кавказской национальности, которые должны были помочь в день выборов, чтобы не допустить к урнам провокаторов.

Усищев, конечно же, не шутил. Корреспондент «Гуслярского знамени» Миша Стендаль напечатал статью «Если ты украл железную дорогу...» В ней говорилось о нравах в США, где большие бандиты неподвластны закону. И вот уже третий день Миша лежит в больнице с переломанными ребрами, а Усищев в той же газете «Гуслярское знамя» выступил с отповедью одному хулигану, который поднял руку на нечто святое...

Из города началась эмиграция. Но эмиграцию Усищев пресекал — он не желал править пустым городом. Для этого он мобилизовал посты ГАИ.

Вот в какую обстановку попал Удалов по возвращении из круиза по Средиземному морю, а Минц — с барселонского конгресса.

— Для меня твое сообщение, Корнелий, — сказал Минц, — стало важным толчком. Оно возродило во мне надежду на то, что мы сможем разузнать, чей же перерожденец наш бандит, грабитель и будущий уничтожитель города Великий Гусляр.

— Ты с ума сошел! Он же нас в зубной порошок сотрет.

— Если народ себя спасти не может и не хочет, в дело вступают друзья народа. Мне нужен волос Усищева.

— От усов?

— С любого места.

Удалов задумался. Задание было бы невыполнимым, если бы не одна тонкость, вспомнившаяся Корнелию: выходя по утрам из «Мерседеса» у здания «Гуслярнеустройбанка», занимавшего бывшую детскую музыкальную школу имени Римского-Корсакова (он проходил некогда в этих краях морскую практику и за это соорудил крепкое двухэтажное здание на свои кровные деньги), господин Усищев, прежде чем приступить к своим обязанностям, заходил в парикмахерскую № 1, расположенную в соседнем доме, и брился с одеколоном «Кристиан-бруталь» у старого мастера Терзибашьянца.

— Иди отдыхай, набирайся сил перед акцией, — посоветовал Минц.

Но Удалову не хотелось отдыхать. К себе-то он пошел, но не спать, а думать: вот, к примеру, удастся им узнать, что в предыдущем рождении товарищ Усищев был Иваном Грозным. А дальше что?

Обнародовать? Или в Москву писать? А из Москвы возьмут и ответят: «Срочно направляйте. Нужен Родине!»

На следующий день в 10:25 Удалов без стука вбежал в лабораторию профессора.

Вбежав, он раскрыл ладонь. На ней лежала парикмахерская бумажная салфетка, в которой содержалось немного подсохшей пены со щетиной.

Минц, занятый подготовкой визита к Усищеву, спросил:

— Ошибки быть не могло?

— Наблюдал из угла, — ответил Удалов. — Лично подобрал в бумажку.

— Ну тогда иди на улицу, гуляй, а я попытаюсь узнать, с кем мы имеем дело.

Удалов погулял по соседству, дошел до музея, вернулся, посидел на скамеечке и тут услышал голос друга:

— Сколько времени?

— Половина третьего.

— Я почти догадался! — крикнул профессор.

— Так из каких он будет?

— Не могу сказать. Слишком страшно.

— Неужели Гитлер?

— Интереснее... Но и страшнее.

— А что делать будем? — Удалов не был трусом, но тут его охватила предстартовая дрожь.

— Если не боишься, пойдём со мной, — предложил Минц.

— Пошли.

Через минуту вышел Минц со своим толстым портфелем. Он шутил, что возьмет его с собой, когда поедет за Нобелевской премией.

По дороге Удалов несколько раз пытался выпытать у профессора, что за тайну тот несет в себе, но профессор был загадочен, задумчив и печален.

— Ужасно! — повторял он время от времени. — Ужасно!

Мурашки пробежали по телу Удалова.

Они так решительно подошли к «Гуслярнеустройбанку», что люберецкие молодцы, которые охраняли вход, еле успели скрестить перед пришельцами автоматы.

Удалов в удивлении посмотрел на фасад.

Фасад школы был такой же, как прежде, только профиль Римского-Корсакова сбили, а вместо него поместили профиль Усищева. Подпись же пока оставили старую: «Великий русский композитор».

— Нам к товарищу Усищеву, — строго сказал Минц.

Люберецкие потому и приехали на охрану Усищева, что не знали никого в Гусяре. Неужели в городе нашелся бы житель, который осмелился остановить, не пустить Минца и Удалова? Не было такого жителя...

— Гуляй, папаша, — сказал охранник.

Возмущенный Минц, которого никогда еще не встречали так в Гусяре, рассердился и хлопнул хама портфелем по руке. Автомат упал, а второй охранник развернулся, чтобы прошить очередь двух старых хулиганов.

К счастью, тут на шум распахнулось окно на втором этаже, выпянула усатая рожа главного разбойника и сказала:

— Отставить пальбу! Пропустить ко мне глубокоуважаемых товарищей ветеранов, моих дорогих избирателей. А вот ты, Василий, считай себя уволенным. Если любой старый еврей может у тебя автомат вышибить — твое место на кладбище...

— Шеф, я же не ожидал!

— Тогда твое место на помойке, — сказал Усищев и выстрелил в своего охранника со второго этажа. Охранник упал бездыханным, и его алая кровь оросила автомат, а также ботинки Удалова, который кинулся внутрь музыкальной школы.

Потрясенные случившимся, старики поднялись на второй этаж. Усищев их не встретил, но они узнали, что он всегда сидит в голубой гостиной, в классе арф. Большинство арф уникальной работы было уже продано им в Бангладеш, но одна — правда, без струн, — осталась для интеллигентного антуража.

Толстый, гладкий, усатый, тонкорукий Усищев сидел за столом, уставленным его коллекцией — изображениями обнаженных девушек работы советских фарфоровых заводов.

Присесть гостям Усищев не предложил, но Минц, уже преодолев потрясение, подошел к столу, поставил на угол портфель и сказал:

— У нас к вам, товарищ Усищев, важная проблема, которая касается вашего происхождения.

— Мое происхождение не обсуждаем! — вдруг испугался Усищев.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал Минц. — Мы знаем, что такая выдающаяся личность, как вы, уже жила на свете...

И он популярно изложил завтрашнему диктатору Великого Гуслияра теорию перерождения душ. О перерождении душ диктатор раньше не слышал, и если бы не солидность профессора Минца, он бы в нее не поверил. Но когда Минц произнес:

— Может, среди ваших предшественников и Наполеон попадется, — Усищев клюнул на это заявление, расплылся и спросил:

— А что, можно уточнить?

— Это не просто, — ответил Минц.

— Сколько просите за Наполеона? — спросил Усищев.

— Аппаратура зарубежная, настройка тонкая...

— Сто баксов? — спросил Усищев.

— Послушайте, Усищев, — рассердился Минц, — мы с вами не на базаре. Какие могут быть сто баксов, если вы получите с завтрашнего дня право писать на табличке: «Бывший Наполеон, а ныне товарищ Усищев»?

— Ладно, можно и без товарища, — смирился Усищев. — А сколько?

— Завтра всероссийское телевидение сообщит: «Городом Великий Гуслияр с недавнего времени руководит новый Наполеон». Как вы думаете, не появятся ли здесь руководители некоторых партий с предложением вам баллотироваться в президенты?

— Да ладно! — отмахнулся Усищев. Его руки, неловко приделанные к тугому телу, были тонкими и ломкими, а пальцы — словно когтистыми.

— Так что обойдется это вам в двенадцать тысяч долларов чеком на швейцарский банк, а также по новой квартире нам с Удаловым, как только вас изберут всеобщим благодетелем.

— Не пойдет!

Начался торг. Он продолжался минут десять. Минц и Усищев вспотели. Спорили они искренне, отчаянно, а Удалову все хотелось

крикнуть: «Лев Христофорович, да обдурит он вас, по глазам видно! Посмотрите в эти черные точки! Ни копейки не даст!»

Наконец сошлись на трех тысячах и двух квартирах.

Минц вынул из портфеля и расставил на столе приборы. Усищев смотрел со смешанным чувством страха и надежды. Ему хотелось быть Наполеоном, но он опасался подвоха и боялся, не слишком ли много обещал заплатить за сомнительную тайну.

Середину стола занял черный шар. Ближе к себе Минц поставил конус, обратив его острым концом к Усищеву, а экранчиком к себе.

— А это не опасно для здоровья? — спросил Усищев.

— К здоровью ваша наследственность отношения не имеет, — отрезал Минц. — Но должен предупредить, что у перерожденца существует тесная внутренняя связь с его предшественником. Насколько тесная, мы еще не знаем.

— А что я Наполеон, это уже точно?

— Проверим — будет точно.

— Ну давайте! — приказал Усищев и поправил буденновские усы. — Время не ждет. Чем черт не шутит... Может, и Александр Македонский... Чувствую я в себе иногда Александра, прости, Македонского.

— Замрите, закройте глаза, — велел Минц.

На экране конуса Удалов увидел вовсе не Усищева и даже не Наполеона... Там было нечто туманное.

— А нельзя так сделать, чтобы я из себя стал, как Наполеон? — спросил Усищев, не открывая глаз. — Мне это по телевизору хотелось бы показать. Постарайся, накину!

— Это мы и постараемся сделать. Если есть ваше желание.

— Ясное дело — хочу, чтобы стал, как этот самый... с которого я произошел.

Изображение на экранчике стало принимать все более отчетливую и устрашающую форму.

Удалов открыл рот, чтобы закричать, но Минц зашипел на него, как кобра.

Жужжание в конусе и черном шаре усилилось.

И тут Усищев начал приподниматься над столом, упершись в него тонкими лапами. Он уменьшался, причем скорее прочего уменьшалась голова, вернее, уже головка... Черные точки глаз

сверкали отчаянно и злобно, и все более ссыхался он, все быстрее уменьшался...

— Он этого хотел, — мрачно сказал Минц.

Большой черный таракан немного постоял, озираясь, в центре стола, а потом кинулся в атаку на Минца. Нападение было столь яростным, что Минц с Удаловым прыгнули в стороны, а таракан Усищев, не рассчитав сил, упал со стола и, осознав, видно, что придется переносить свою деятельность в иной мир, шустро кинулся в угол.

— Вот и все, — сказал Минц, отключая приборы. — Человеком меньше, тараканом больше...

— Что ты наделал! — закричал Удалов. — Ты же убил городского руководителя!

— Никто не погиб, ничто не погибло. Сейчас он организует выборы в тараканьем царстве... А мы с тобой давай поспешим отсюда, а то какой-нибудь лакей с «калашниковым» заглянет и удивится.

Они вышли из музыкальной школы беспрепятственно. И пошли домой.

А по дороге Удалов попросил объяснений. Он не все понял.

— Мы все, все ученые, допустили ошибку, о которой нас уже предупреждал Будда, — сказал Минц. — Мы почему-то решили, что перерожденцы всегда были людьми. Был Наполеон — стал Гитлер. Был Ломоносов — стал Капица. А почему? Любая живая тварь может переродиться в иное существо... Вот и я попался. Несколько часов изучал волоски — щетинку кандидата Усищева, но никакой человек из них не получался. Молчит экран и показывает какие-то полоски...

Минц остановился, поглядел, как летят с криками на ночной покой вороны, раскачивая голые ветви деревьев и роняя на землю снег.

— К счастью, я гениален, — продолжил Минц. — А раз так, я решил посмотреть, а точно ли мы имеем дело с перерождением человека? Но тут одного волоска было недостаточно. Мне пришлось усовершенствовать установку, наладить более тесную связь между перерожденцем и оригиналом, чтобы исключить любую ошибку... Остальное ты видел.

— Но почему он превратился в таракана?

— Ах, Удалов, наука имеет еще столько тайн! Но он так хотел стать Наполеоном, что я не смог отказать ему в этой мечте. Кто мог

подумать, что он — Наполеон, но среди тараканов?

Они дошли до ворот.

Попрощались.

— Ты что-то печален, друг мой, — сказал Минц.

— Да нет, пустяки...

— Лучше откройся мне.

— Тараканов жалко. Жили они, размножались — и тут получили тирана. Представляешь, какой он там среди них порядок наведет?

— Удалов, ты меня удивляешь. А людей тебе не жалко?

— Жалко, но бессловесных тварей больше.

— Не печалься, — сказал на прощание Минц. — Вырастет у нас еще другой диктатор. Похуже прежнего. Так что — потерпи...

Роковая свадьба

Август завершался солидно, как в старые времена. Листва еще не пожелтела, но помутнела и пожухла, зато небо было бирюзовым, нежным, а по нему плыли облака пастельных тонов.

В понедельник Удалов возвращался с садового участка, вез сумку огурцов, два кабачка, банку собственноручно засоленных помидоров. Еще на конечной автобус заполнился такими же огородниками, у рынка многие сошли, вместо них втекал городской, в основном молодой народ. Этот народ не обращал внимания на прелести августа и не хотел единения с природой, он хотел единения друг с дружкой.

Мускулистый от щиколоток до шеи парень ограждал свою спутницу от других пассажиров. Девушка ему досталась фарфоровая, ясноглазая, вроде бы задумчивая, хотя ясно было, что задумываться ей нечем.

В годы удаловской молодости таких девиц еще не рожали и не разводили. Главной частью девицы были ноги, сооружения архитектурной ценности. На них уже можно было вешать дощечку: «Памятник архитектуры конца XX века. Охраняется общественностью». Над ногами, на уровне удаловского подбородка начинались прочие детали тела — талия, наглая грудь, а потом нечто розовое, голубое и золотистое.

Удалова покачнуло на девушку, и парень на него зарычал. Он был коротко стрижен, и наверно, в стрижке отрезали ему затылок, но обошлось без кровотечения, там была сплошная кость.

Автобус остановился у парка. Парень подтолкнул девушку, та прыгнула с подножки, пошатнулась на своих колоннах, но устояла. Парень тут же подхватил ее за талию и прижал к себе. Так они и ушли.

Удалов сошел на следующей остановке.

Навстречу шагал соседский мальчонка. Он вырос на глазах, два раза уже развелся. Так быстро бежит время. Было бы преувеличением назвать Колю Гаврилова умственно отсталым, но у него было в жизни одно желание — постоянно доставлять себе удовольствие. Это сужало его горизонты.

Сейчас Гаврилов получал удовольствие. Даже усы шевелились. Он вел под руку длинноногую блондинку. В ее прозрачных голубых глазах отражалось небо. Удалов представил ее на освещенной сцене с лентой через плечо: «Мисс Кандалакша».

Где-то Удалов эту блондинку уже видел.

Ага, в автобусе. Только на ней должна быть другая надпись... Что-то о памятнике архитектуры. Когда же она успела перебежать к Гаврилову от мускулистого парня?

При виде Удалова Гаврилов крепче прижал к себе блондинку, а та потерлась грудью о плечо кавалера. Красиво потерлась. У нее все получалось красиво.

Наверное, она — близняшка той, что была в автобусе...

Удалов хотел было свернуть во двор, но тут его внимание привлекло зрелище куда необычнее прежнего.

По той стороне гулял старик Ложкин, пенсионер районного значения, на поводке он вел тигра средних размеров. Тигр был настоящий — иначе бы с его пути не разбежались нечаянные кошки и собаки. Удалов хотел было поздороваться, но раздумал, потому что понимал: если Ложкин отзовется своим пронзительным голосом, тигр обязательно сорвется с поводка и набросится на Удалова.

Удалов обратил взор к облакам и принялся бочком-бочком продвигаться к воротам дома № 16.

И тут пронзительный голос Ложкина все же догнал Корнелия Ивановича.

— Куси его! — кричал Ложкин. — Пришел Удалову конец!

Удалов оглянулся и в ужасе присел. Потому что тигр был готов к прыжку.

Длинное осиное тело хищника прижалось к пыльному асфальту, глаза сузились, пасть была чуть приоткрыта, чтобы розовому языку было сподручнее облизывать клыки. Тигр усмехался. Тигр уже представлял себе, как он разорвет пополам, растерзает тело Корнелия Ивановича.

— Ты чего, охренел, что ли, сосед? — послышался голос с неба. Словно архангел Гавриил затрубил в медные трубы.

И в самом деле — сверху пришло спасение.

Супруга Корнелия Удалова Ксения спускалась оттуда медленно и неотвратно.

Радость спасенного Удалова была столь велика, что он не сразу сообразил, каким же образом его жена научилась летать, причем не махая руками, так как в руках у нее были сумки с покупками.

Ксения опустила как раз между тигром и мужем.

— Кыш! — приказала она ужасному хищнику.

Тигр пополз задом наперед, норовя спрятаться за Ложкина.

— Ксения, — сказал Ложкин. — Ты не права. Я же только пошутил.

— Он сожрать меня хотел, — сказал Удалов. Он увидел наконец, как же летает его жена, — оказывается, у нее к спине был прикреплен небольшой пропеллер. Где-то он читал о таком средстве. Но где — забыл.

— Найдется на тебя правый суд, наперсник разврата, — пригрозила Ксения.

— Но кто же мог подумать, что он испугается? — оправдывался Ложкин.

— Мой Корнелий возвращается с приусадебного участка, — сообщила Ксения. — Мой Корнелий не совсем в курсе, как у нас развиваются события. Ты что, не заметил? Его же неделю как не было.

Тигр лежал за Ложкиным, отвернувшись к стене, и делал вид, что его там и не лежало.

— Пошли, — приказала Ксения мужу.

Корнелий пошел за женой. Он не оборачивался, хотя тигр мог и прыгнуть. Но тигр не прыгнул. И Ложкин больше не смеялся. Ксению он побаивался. Да кто Ксению не побаивается?

Во дворе никого не было. Перед дверью Ксения завела руку назад и отстегнула пропеллер. Не дожидаясь вопроса, пояснила:

— Называется «Малыш Карлсон».

— Ага! — вспомнил Удалов. — Не страшно?

— Третий день летаю. Привыкла. Удобно. Сумки таскать не надо.

Только дома, разувшись, Удалов собрался с духом и спросил жену:

— Докладывай, Ксения, что без меня происходило?

— Да как тебе сказать...

Удалов прошел на кухню за женой. На кухне стояла новая машина, видно, комбайн. Правда, Ксения раньше такими вещами не баловалась.

— Это еще что такое? — спросил Удалов.

— А ты руки мой, не спрашивай, — ответила Ксения резко, словно чувствовала себя виноватой.

— Это же, наверное, бешеных денег стоит, — сказал Удалов.

Ксения не ответила. Она открыла сверху этой хромированной машины отверстие чуть побольше среднего размера кастрюли. Кинула внутрь несколько нечищенных картофелин. Машина уютно заурчала.

— Иди, иди, — сказала Ксения.

Удалов не шел, смотрел.

В нижней части кастрюли распахнулась стенка, и изнутри одна за другой выехали две тарелки с супом. Суп был наваристый, густой, от него пахло мясом.

— Когда ты руки наконец вымоешь! — закричала Ксения, и Удалов пошел в ванную, ломая голову над тем, где в кастрюле скрывались другие продукты.

— Я видел, — сказал он, возвратясь, — что ты клала картофель.

— Остальное синтезировалось, — ответила Ксения.

— И мясо?

— И мясо.

— Из картошки?

— Конечно, из картошки. Не из капусты же!

Ксения даже покраснела от гнева. Вот-вот сорвется с орбиты.

Удалов поспешил сменить тон.

— Ксюша, — попросил он. — Ты мне расскажи, если можешь, что в городе случилось, пока меня не было?

Ксения посмотрела на мужа недоверчиво. Почему не сражается? Почему не укоряет за траты?

— Меня многое удивляет, Ксюша, — продолжал в том же духе Удалов. — Наличие девушек, тигров и пропеллеров. А вот теперь и эта... картофелечистка.

Ксения подобрела. Пошла в прихожую, принесла оттуда газету «Гуслярское знамя».

— На, смотри.

Удалов прочел объявление.

ДЕЛОВОЙ ОТДЫХ В СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ!

Туристическое агентство «Голден гууз» организует шоп-туры с отдыхом в Великий Гусляр светлого будущего. Автобусные экскурсии, полупансион, осмотр достижений, обед в трехзвездочном ресторане. Посещение собственной могилы, а также мест погребения ближайших родственников за отдельное вознаграждение. Стоимость краткого тура 100 долларов США или по эквиваленту. Удовлетворение гарантируется. Звонить по телефону 2-34-57 с 10 до 17, кроме субботы и воскресенья. Адрес агентства: ул. Шарлотты Корде (бывшая Большая Маратская), 2.

— Этого быть не может! — воскликнул Удалов. — Путешествие в будущее недопустимо!

— Почему же недопустимо? — спросила Ксения.

— Потому что будущего еще нет. Куда ты полетишь?

— Они лучше знают. Организаторы.

— Что-то ты путаешь, Ксения.

— Корнелий, ты меня не раздражай. То тебе расскажи, то ты верить не желаешь. А что я по небу летаю, это нормально? А бабы надувные — это нормально? А тигр надувной — это нормально?

— Как так надувные?

Такого удара Корнелий вынести не смог. Пошатываясь, он добрел до двери и спустился к соседу, профессору Минцу, за консультацией. Ксения его не удерживала.

* * *

Минц сидел дома, решал головоломку — как сложить из тысячи кусочков латиноамериканский пейзаж. Третьи сутки сидел, не разгибаясь.

— Лев Христофорович, — позвал его Удалов, войдя в незапертую дверь. — Что происходит? Дай мне объяснение.

Минц кивнул, но внимание его оставалось прикованным к облачному небу на головоломке. В пальцах он держал кусочек облака и примерял его к разным местам.

— Лев Христофорович, — продолжал Удалов. — Ты знаешь, что в нашем городе шоп-туры в будущее продают?

— Да, читал, — ответил Минц. — Но это антинаучно. В будущее путешествовать нельзя. В прошлое — пожалуйста. В будущее — нельзя.

И он положил на место кусочек облака.

— Но если нельзя, — сказал Удалов, — тогда почему надувные существа? И вообще, разве это возможно? Я сам видел, как они обнимались.

Другой, может, и не понял бы Удалова, но Минц умеет читать в душах между строк.

— Меня это тоже смутило, — сказал Минц. — Я наблюдал. И твоя жена на базар сегодня летала. А девушки производят впечатление, но уж про Ложкина с тигром я и не говорю.

— Нельзя город на неделю оставить! — рассердился Удалов. — Совершенно распустились. А не может это оказаться провокацией?

— И чьей же провокацией, коллега?

— Есть враги у свободной России. От Латвии до НАТО.

— И они нам надувных женщин подсовывают?

— Вот именно!

— Говорят, много предметов оттуда привезли. На площади Землепроходцев толкучка образовалась.

— Ты думаешь, что Ксения там не была?

— И Ксения не была, и Ложкин ста долларов свободных не имеет. Тигры и прочие копии хищников и других животных по полсотни идут, девушки подороже... погоди, Удалов, давай я президенту Академии наук позвоню.

— А поможет?

— Вряд ли.

— А если тряхнуть стариной?

— Сами разберемся?

— Сами.

Минц совершил было движение к двери, но остановился.

— Нет, — сказал он. — У меня головолломка не догадана.

— Из-за головолломки ты отказываешься от научного расследования?

— Но ведь путешествие в будущее невозможно!

— Тогда я пойду один, — сказал Удалов.

Уже во дворе Удалов услышал сзади тяжелую поступь грузного Минца.

— Не беги так! — окликнул Минц Удалова. — В мои годы приходится быть солидным.

Удалов улыбнулся. Нет, его друг еще не потерян для науки и для человечества. Странная и подозрительная история будет раскрыта.

Они вышли на улицу.

— Куда сначала? — спросил Удалов. — В туристическое агентство?

— Нет, — ответил Минц. — Гуси подождут.

— Какие гуси?

— У агентства, что характерно, английское название, — сказал профессор. — И означает оно — «Золотой гусь». Подозрительно?

— Не знаю, — сказал Удалов.

Они направились на площадь Землепроходцев, где, по словам Ксении, располагалась толкучка товаров из будущего.

Но опоздали.

Площадь была почти пуста, лишь у гостиных рядов таился в прохладной тени мужик с большим полосатым баулом. Перед ним стояли, принимая красивые позы, две девицы — те самые. У ног лежал крокодил. Несколько мальчишек глазели на крокодила, а пенсионер Пупыкин норовил заглянуть девушкам под туники, чем их веселил.

— Вы из будущего? — спросил Удалов.

— А что, не видно? — обиделся мужик. — Купи женщину. У меня последний автобус уходит.

— Я там куплю, — сказал Удалов. — Завтра отправлюсь и куплю.

— Блондинок там уже не осталось, — уверенно сказал мужик. — Там только брюнетки. Блондинок еще вчера разобрали.

— Послушай, сто рублей дам! — взвыл пенсионер Пупыкин.

— Она мне самому в двести обошлась, — отмахнулся мужик. — Бывают же такие скопидомы!

Пупыкин протянул руку к бедру девушки. Та хихикнула, но отодвинулась.

— А крокодилы почему? — спросил Удалов.

— Крокодилов по полсотни баксов отдаю. А вы животными интересуетесь? У меня слон есть, недорого. Если у вас садовый огородный участок, то оказывает большую помощь. Хотите посмотреть?

— Хочу, — сказал Удалов и огляделся — где же мужик прячет слона?

Мужик вытащил из полосатой сумки темный шарик размером с теннисный мяч.

— Посторонись! — велел он зрителям.

Все послушно отшатнулись.

Мужик уронил шарик на землю, возникло дрожание воздуха. Оно сгустилось и посерело. Потом оказалось, что перед ними стоит средних размеров слон, очень грустный, неподвижный, лишь кончик хобота покачивается над упавшей на землю надувной девушкой, которая не успела или не сообразила отскочить.

Пупыкин и Удалов кинулись поднимать девушку, хотя, конечно, опасались слона. Но мужик слона потянул за хобот, и тот легко и послушно отошел в сторону и встал над крокодилком.

— Ну что, берешь слона? — спросил мужик.

— И почему у вас теперь слоны? — спросил Минц.

— Триста рублей, за такие деньги вы теперь курицу не купите.

К ним спешил милиционер.

— Гражданин, гражданин! — укоризненно кричал он. — Ну что же мне с вас, штраф, что ли, брать? Сказано же, что рынок закрыт, а слонов водить не разрешается.

Мужик щелкнул пальцами, слон растворился в воздухе и покатился мячиком под ноги Минца.

— И правда, — сказал мужик. — Последний автобус уйдет, я до своей деревни не успею.

— Сто двадцать, — сказал Пупыкин. Он вытащил из кармана несколько десятков и тряс ими перед носом у мужика.

— Эх, себе в убыток торгую! — закручинился мужик, но деньги взял и стал пересчитывать, словно это играло роль. А Пупыкин начал метаться между двумя одинаковыми девушками, не зная, какую выбрать.

— Быстрее соображай, пенсионер, — сказал мужик. — Ты левую бери, она постарше.

Мужик засмеялся и щелкнул пальцами. Одна из девушек превратилась в мячик.

— Мою тоже упакуйте, — потребовал Пупыкин. — Я же не могу прийти в мой дом в такой компании.

— Это дело пустяковое. Ты сам учись.

Мужик показал Пупыкину, как щелкать пальцами. Удалов тайком тоже щелкнул и, сам того не желая, превратил в мячик чужого крокодила. Пупыкин побежал прочь, пошатываясь на кривых ножках.

* * *

Тогда Минц с Удаловым пошли в бывший Маратовский переулок. И в самом деле, над одной из дверей двухэтажного барака была приколата картонка с надписью «Голден гууз».

Молодая женщина с невыразительным длинным лицом и ярко нарисованными губами сказала:

— А я уж закрываться хотела. Вы насчет кризиса?

— Мы хотели бы побывать в будущем, — сказал профессор Минц. — Согласно объявлению.

Женщина громко вздохнула, опускаясь на стул.

— Паспорта с собой?

— Нет. А можно без паспорта?

— Ну подумайте: пожилой человек, а такую ахинею несет! Вы же отправляетесь за рубеж, за вас обяжутся. Вам известно, что в будущее допускаются лишь лица с гусярской пропиской?

— А из района можно? — спросил Удалов, вспомнив мужика.

— Из района можно. Попрошу явиться завтра к десяти. Паспорт, сто долларов наличными, одеться прилично, но скромно. Вот список товаров, допущенных к вывозу.

Женщина протянула Удалову отпечатанный на машинке лист бумаги.

— А теперь идите, — сказала она. — Мы закрываемся.

* * *

Вернувшись домой, Минц все же позвонил президенту Академии наук.

Президент как раз ехал с совещания и говорил из машины по радиотелефону.

— Толя, — сказал Минц. — Здравствуй, тебя Лев беспокоит.

— Узнаю, узнаю, беспокойное сердце, взволнованный голос! Что тебя сегодня тревожит, старый конь?

— Скажи мне, Толя, только честно, — попросил Минц, — путешествие в будущее возможно?

— Теоретически?

— И практически.

— Вряд ли, — сказал президент Академии, — а что, у тебя уже получилось?

— Значит, ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— А то, что у нас в Великом Гусяре туристическая контора организует туры в будущее.

— Смешно, — сказал президент. Но голос у него был серьезный.

— Причем это не просто туры, — сказал Минц. — Это шоп-туры. Понимаешь?

— Теперь уже с трудом, — признался президент.

— Я сегодня наблюдал, какие товары привозят из будущего мои земляки. И это впечатляет.

— Ты меня пугаешь, Лев.

— Толя, неужели в других городах это явление не наблюдается?

— Не только в других городах, но и в других странах. Нигде в мире.

— Провокация?

— Но чья? Кому выгодно отправлять в будущее жителей Великого Гусяра?

— Может быть, нас хотят отравить? — произнес Минц, но тут же сам себе возразил: «Если они нас отравят, то как же они родятся на свет?»

— Что за товары? — спросил президент.

— Станный набор. Надувные женщины...

— С какой целью?

— Может, с эротической.

— Для мастурбации?

— Прости, Толя, но они такие убедительные, что даже разговаривают. Кроме того, в нашем городе появились надувные слоны и тигры.

— Прости, но это какой-то детский сад.

— Индивидуальные средства для полетов под кодовым названием «Малыш Карлсон»...

— Кухонные комбайны, которые картошку в мясо превращают, — подсказал Удалов.

— Кухонные комбайны, — повторил Минц. — И многое другое, о чем мы еще не успели узнать.

— Ясно, — сказал президент. — А что им нужно?

— Молодец, — одобрил вопрос президента Минц. — Нас тут снабдили списком вещей, которые рекомендуется брать с собой в шоп-тур для обменных операций. Погоди, погоди... «Фрукты и овощи свежие, кедровые орешки... ткани хлопчатобумажные и шелковые...» Не вру я! Слушай, не перебивай... «Драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, нефрит, агат...» Хорошо, пойдем дальше: «Книги с иллюстрациями в хорошем состоянии, выпуска до 1945 года, изделия из натурального меха...» Да тут больше ста позиций!

— Любопытно, — заметил президент. — Судя по твоему чтению, практически каждый житель города, независимо от благосостояния, может набрать дома материалов для шоп-тура... для обмена, для бартера! Лев, ты должен будешь сделать для меня лично и для науки одну вещь...

— Мы с моим другом Корнелием Ивановичем Удаловым завтра с утра берем паспорта и отправляемся.

— И сколько стоит путевка?

— Не надо, Толя, я знаю, что на науку у нас дают скудно.

— На науку — скудно, а на разведку — сколько надо. У меня есть один академик во внешней разведке.

— По сто долларов, — сказал Минц.

— Двести долларов перевозжу сегодня телеграфом, тебе и товарищу Удалову. Завтра жду от тебя звонка. На всякий случай с утра будем держать в боевой готовности парашютную бригаду.

— Только не это! — взмолился Минц. — Мы не знаем, кого спугнем и во сколько это нам обойдется.

— В зависимости от твоего доклада, Лева, — сказал президент. — Россия не забудет твоего подвига.

— Пока еще я ничего не совершил, — скромно ответил Минц.

Он попрощался с президентом и объяснил Удалову, что был у Толи научным руководителем на кандидатской диссертации. Много лет назад.

* * *

Вечером Удалов отведал пищи из кухонного комбайна. На этот раз Ксения набрала на кнопках рагу из зайца под бургундским вином и омаров под майонезом. И все из той же картошки.

Омары Удалову понравились. Наевшись, он взял у Ксении пропеллер, попробовал полетать по квартире, ушиб голову о люстру — к счастью, люстра осталась цела. Удалов упал, но не огорчился. Только сказал:

— К Максимкиному приезду спрячь эту штуку.

Ксения не ответила, но поняла, что Удалов беспокоится, как бы «Малыш Карлсон» не попал в руки внуку, который отдыхал с родителями на острове Кипр.

Удалов долго не засыпал, сидел у окна. По улице брели парочки, возвращались из парка. Удалову казалось, что многие девицы не настоящие, а надувные, но из-за плохого освещения он не был уверен в своих наблюдениях.

Ксения мирно спала — русские женщины быстрее привыкают к необычным судьбы. Ну где бы вы увидели в Европе, чтобы женщина на шестом десятке, купив на толкучке пропеллер, стала бы летать с ним над городом? А у нас это бывает.

Взгляд Удалова упал на хозяйственную сумку, которую Ксения собрала ему в шоп-тур. Когда она узнала, что Удалов отправляется в будущее с государственным заданием и на государственные деньги, как бы в командировку, она обрадовалась и надавала ему поручений, записала их под номерами на бумажке — оказывается, Ксении было отлично известно состояние рынка будущего и знакомы цены. Она еще и не побывала там — и может, не побывает, — но разбиралась в особенностях экономики будущего лучше любого футуролога.

Удалов старался следить за ее инструкциями, но голова была переполнена информацией, и потому он мало что запомнил из поучений жены. Даже бумажку затерял. А Ксения так старалась! Сложила в сумку отрез крепдешина, палехскую шкатулку, хохломские ложки, пепельницу из малахита, янтарные бусы и множество вещей, которые не очень нужны дома, но выбрасывать их нельзя.

Заснул Удалов перед рассветом и во сне высоко летал, погружаясь в облака.

* * *

Минц вышел с портфелем.

— Боюсь, — сказал он, — что у меня никуда не годный бартер.

— Я поделюсь, — пообещал Удалов.

Перед агентством «Голден гууз» было людно. Отправляли группу. Вчерашняя женщина проверяла сумки, а нервный кавказец, сидевший в конторе, собирал деньги и шустро прятал их в сейф. На паспорта Минца и Удалова он взглянул мельком, словно они его на самом деле не интересовали.

— На улице ожидай, — говорил каждому кавказец. — На улице ожидай.

Получалось словно песня.

Выходя, они столкнулись с Мишей Стендалем.

Миша Стендаль — сотрудник газеты «Гуслярское знамя», раньше органа горкома, а теперь — владения коллектива редакции из шести человек во главе с товарищем Малюжкиным.

Миша склонился к уху Удалова и громко прошептал:

— Никому ни слова. Я выполняю редакционное задание.

— Слушаюсь, — ответил Удалов.

— Миша! — воскликнул Минц. — А вы что здесь делаете?

— Конспирация! — прошептал Удалов. — Он тоже на задании.

Женщина со скучным лицом появилась рядом, хотела о чем-то спросить, но Минц ее опередил своим вопросом:

— В какой год вы намерены нас отправить?

— В отдаленное будущее! — ответила женщина так, словно ее обидели.

— А год вам неизвестен?

— Говорят, что лет через сто, — сказала женщина. — Точнее меня не информировали. И попрошу на улицу, на построение!

На улице, у дверей в агентство, женщина выстроила всех шоп-туристов. Одиннадцать человек. Два или три лица Удалову были знакомы, не более того.

Женщина прошла вдоль строя.

— Участники шоп-тура, — сообщила она, — должны строго соблюдать правила поведения в чужом обществе. Запрещается вступать в разговоры с жителями будущего, навязывать им свои товары и услуги за пределами вещевого рынка. Любая попытка остаться в будущем или продлить срок своего тура будет наказываться денежным штрафом в десятикратном размере. Всем ясно?

— Простите, — сказал профессор Минц, вытирая платком вдруг взопревшую лысину, — а в десятикратном размере от чего?

— От максимума, — ответила женщина.

Алый рот ее совершал куда больше движений, чем следовало или было необходимо.

Кавказец выпянул из дверей и сказал:

— Можно запускать, Чикита.

— В какой год нас отправляют? — спросил у него Минц.

— Главное, — ответил кавказец, — живым вернуться, не заблудиться. Будешь слушаться, будешь живой и богатый.

Удалов тем временем смотрел на своих спутников. Семь мужчин, четыре женщины. Женщины все деловые и профессиональные на вид. Это было видно по джинсам и крепким объемистым сумкам. Из мужчин трое были молоды, Миша Стендаль в расцвете сил, а трое, включая Удалова и Минца, приближались к закату жизни.

Больше разглядеть Удалов не успел, они быстро шли по полутемному коридору, кавказец возглавлял шествие, а длиннолицая дама его замыкала. Потом в глаза ударил свет — они оказались в зале, похожем на актовый зал типовой школы. В углу были свалены стулья. Они были покрыты красным ситцем с выцветшими белыми буквами лозунгов.

Посреди зала стоял автобус Павловского завода. Кавказец занял место за рулем, женщина подталкивала, торопила туристов, повторяя,

что времени в обрез, если опоздаем, придется возвращаться несолоно...

Обшивка с сидений была сорвана, некоторые сели на пружины, другие на голую фанеру.

— Крепче держитесь, — приказал кавказец.

Женщина с красным ртом прошла к двери в зал, возле которой был выключатель. Она повернула его, и свет в зале погас. Стало почти совсем темно. Автобус взревел и начал покачиваться. Поехал. Иногда его подбрасывало на колдобинах.

Удалов с трудом удерживался на сиденье, так что вглядываться в темноту не было возможности.

Затем стало светло, даже ярко. Оказалось, автобус выехал на залитый солнцем луг. Ласковое солнце катилось по бирюзовому небу. Пели птицы, хотя в августе они у нас молчат.

— Вылезаем! — приказал кавказец.

Женщина с длинным лицом ждала их внизу, снаружи. От этого создавалось ощущение какого-то розыгрыша, дурной шутки. Правда, перемену в окружающем пейзаже объяснить было нелегко.

— Скорее, товарищи, скорее, господа! — звала женщина. — Мы теряем драгоценное время.

— Корнелий, запоминай, все запоминай! — прошипел Минц.

— Говорят, американским шпионам выдают кинокамеры размером в горошину, — сказал Миша Стендаль. — Жалко, что я не шпион.

Туристы, волоча сумки, поспешили за женщиной по утопанной тропинке, которая провела их сквозь кусты и влилась в улицу. Улица была чистой, широкой, дома прятались в зелени. По мостовой неслись машины неизвестной конструкции, по тротуарам шли люди, большей частью в широкополых шляпах, в длинных плащах или халатах.

Удалов рассматривал этих людей, жителей отдаленного будущего, но жители не обращали на него никакого внимания.

Он обратился к встречному жителю будущего и спросил:

— Вы не скажете мне, какой сегодня у нас год?

— Две тысячи ноль девяносто шестой, — ответил житель и прошел, не останавливаясь.

— Запрещено! Запрещено задавать вопросы! — шипела Чикита. — Вы что, хотите, чтобы всю программу нам прикрыли? Вы

не представляете, с каким трудом мы на этот контракт вышли! И никто раньше вопросов не задавал. Сказано — не задавать, и не задавали. А вы почему задаете?

— Потому что я любознательный.

— Без пяти минут любознательный? — съязвила Чикита, которой к тому времени удалось оттеснить Минца внутрь группы, и по ее знаку остальные шоп-туристы взяли Минца и Удалова в кольцо, чтобы скрыть от встречных и облегчить экзекуцию.

— Но почему нельзя спрашивать? — вел арьергардный бой Удалов.

— А потому, что сейчас ты про год спрашиваешь, а потом спросишь, чего нельзя.

— А чего нельзя?

— Нельзя узнавать, будет война или не будет, когда ты помрешь и какой смертью... Мы...

— Но вы же сами в проспекте обещали нам могилы показать!

— Там проведена соответствующая подготовка. Там все схвачено. А вот самодеятельности мы не допустим.

— Не допустим, — поддержал Чикиту ее помощник.

Впрочем, и туристы были солидарны с начальством, потому что, конечно же, приехали сюда не из-за места на кладбище, а за товаром.

— И какая вам радость, — сказала уже спокойнее Чикита, чувствуя, что бунт на борту утихает, — какая радость узнать, что помрете через три дня?

— Почему я умру через три дня? — заинтересовался Минц.

— Да не вы, Минц, а обыкновенный без пяти минут человек!

Но Минц тут закручинился и отошел на последнее место в группе, опустив голову, словно услышал смертный приговор. Удалов счел необходимым ободрить его:

— Крепись, друг, наша кукушка еще продолжает куковать, — сказал он.

Постепенно Минц успокоился, и группа восстановила темп движения.

Улица становилась оживленнее и уже. Народу встречалось много, некоторые искоса поглядывали на туристов.

— Впрочем, можно понять, — сказал Минц, и Удалов услышал его. — Мы им надоели. Если путешествие во времени такое обычное

дело, что уже проводят шоп-туры, то, значит, местные жители этих туристов видели тысячами!

— Минц, разговорчики! — прикрикнула женщина.

— По-моему, она в охране служила, — сказал Удалов.

Кавказец свернул на узкую грязную улицу. Здесь дома сдвинулись тесно, кое-где через улицу тянулись провода и шнуры. Наполовину надутый слон сидел, прислонившись к стене дома. Перед туристами раскрылась небольшая площадь. Площадь была пуста, на ней стояло множество столиков.

— Можете расхватывать, — сказала женщина. — И раскладывайте свое барахло.

На площади появилось три человека в униформе, вернее всего полиция. Удалову захотелось спрятаться или сдать властям. Но полицейские не обратили на него внимания. Они прошли вдоль столов, глядя, что выкладывают на них туристы. Подобно прочим прохожим, полицейские были одеты в длинные, до земли, плащи, на головах — широкие шляпы конусом, закрывающие не только голову, но и плечи.

Некоторые предметы полицейские брали в руки, разглядывали, проверяли непонятными приборчиками, прикрепленными к их пальцам. С крайнего стола полицейский схватил нечто темное и заявил:

— Конфискуется.

— Как конфискуется? — возмутилась владелица. — Это же в списке было!

— Выдать компенсацию, — сказал полицейский семенившей за ним красногубой женщине.

— Будет сделано, — откликнулась та. Потом погрозила кулаком шумевшей туристке.

Удалов разложил на столике свой товар. Минц смог подложить в общий котел лишь янтарные запонки и банку маринованных грибов.

Когда проверка и раскладка завершились, появились и покупатели.

Покупали в основном мужчины, одетые в различного рода форменные мундиры. Были они деловиты, словно пришли не на базар, а на тактические учения. Впрочем, обнаружилось, что и наши туристы готовы к такому разговору и знают не только набор товаров,

которые можно получить, но и их ценность. Так что споров и не возникало.

За шелковый халат с драконами, который Ксения почти не надевала, Удалову сразу предложили надувную девушку — на выбор.

Удалову стало любопытно. Не то чтобы он хотел получить девицу — вы же представляете, что бы случилось, если бы он привел такую домой, — но все же сама возможность обзавестись юной красавицей была соблазнительна.

— Посмотреть можно? — спросил он.

Покупатель бросил на землю несколько мячиков, из них, как в сказке, выросли три брюнетки, все три полногрудые, с ямочками на щеках, курчавые.

Они одинаково улыбались Удалову.

Одежды на брюнетках почти не было — так, нечто вроде купальников цыганского образца.

Конечно, Удалов хотел получить брюнетку. Он все же был мужчиной. Конечно, он немного завидовал холостяку Пупыкину, который отнес домой мячик и играет теперь им в меру своих сил. Но брюнетку брать нельзя. Ни в коем случае.

Удалов краем глаза уловил усмешку, посетившую лицо его друга, и неожиданно для себя спросил:

— А мужчины у вас есть?

— Такие же? — удивился покупатель.

— О нет! — хором воскликнули брюнетки и полезли к Удалову обниматься. — Мы лучше! — уверяли они. — Не нужны тебе мальчики, наш повелитель.

— Эй! — крикнул покупатель своему знакомому, который торговался возле столика, где держали оборону две гусярские женщины. — У тебя тринадцатого-бис не найдется?

Тут Удалов увидел, что возле того столика стоит мускулистый спортсмен в одних трусиках. Гусярка критически осматривает его.

— Нет! — остановил покупателя Удалов. — Это я так, узнать хотел. Мне бы лучше чего-нибудь из животного мира.

— А мы? — спросила брюнетка. Она нежно погладила Удалова по руке.

— Богом прошу, — обратился Удалов к покупателю. — Убери их, а то соблазнюсь.

— Соблаз니스ь.

— Нельзя. Жена убьет. У нас в семье с этим строго.

— Почему строго? — Покупатель так удивился, что в мгновение ока превратил галдящих девиц в черные мячики. И так ловко, что мячики подпрыгнули по очереди точно ему в руки. Рассовывая их по карманам френча, покупатель повторил вопрос: — Почему строго?

— Да потому что ревнует она. Не поверите, шестой десяток разменяла, а все равно ревнует. Ей кажется, что я еще ой-ой-ой!

— А вы не ой-ой-ой? — спросил покупатель.

— Свое в основном отлетал, — признался Удалов.

— Господин! — окликнул покупателя Миша Стендаль. — Вы ко мне не подойдете?

— Сейчас, минутку, — ответил тот. Шелковый халат притягивал его, как магнит. — А удава вы не желаете? Есть крупный удав очень красивой расцветки. Последний экземпляр наблюдается в Лондонском зоопарке.

Удалов не успел ответить, как услышал сверху голос:

— Как там Ксения? Все еще ревнует тебя к каждой березке?

Он поднял голову.

На фоне серого неба, пользуясь пропеллерами системы Карлсона, летали отдельные горожане. Одна из женщин помахала Удалову рукой и тут же пропала за коньком крыши.

Покупатель в форме забыл об удаве. Он вытащил из кармана портативную рацию и начал в нее шептать.

Буквально через четыре секунды над площадью возник полицейский на реактивном стуле. Полицейский принялся барражировать на небольшой высоте.

— Чего вы испугались? — спросил Удалов.

— Да поймите вы, чудака-человек, — задушевно заговорил полицейский. — Нельзя нашим людям с вами общаться. Каждая минута пребывания вас здесь ставит под угрозу нашу цивилизацию. Что, если вы повредитесь или погибнете? Что за судьба ждет тогда ваших нерожденных внуков?

— А кто со мной оттуда разговаривал?

— Наверное, кто-то из правнуков. Мы проверим и примем строгие меры.

И он улетел — видно, принимать меры.

— Возьмем удава? — спросил Удалов.

— А что ты с ним будешь делать?

— Вместо собаки пускай дом охраняет. Тихо. Стремительно.

— Ох, загадит он тебе квартиру, — предупредил Минц.

— Обижаете, — сказал покупатель. — Удав тоже надувной, синтетический. У нас окружающая экология больше не гадит.

Удалов отдал халат, а Минц заодно спросил у покупателя:

— И давно у вас путешественники во времени появились?

— Да уж вторую неделю, — ответил покупатель.

— И раньше не было?

— Раньше возможностей к этому не имелось.

— Тогда странно мне, — заметил Минц, — равнодушие, с которым ваши жители к нам относятся. Словно давно привыкли.

— Это наши проблемы, — отрезал покупатель. Почему-то отвечать на этот вопрос ему не хотелось.

— Не совсем ваши, — возразил Минц. — По сути дела, вы — наши потомки. Не чужие люди.

— Не знаю, не слышал, — отмахнулся покупатель.

— Мне нужен настоящий информант, — сказал Минц шепотом. — Пока что я вижу в этом заговор. Но чей?

— Эй! — окликнул уходящего покупателя Удалов, желая помочь профессору. — Скажите, вас Америка, случайно, не покорила?

— Это еще почему? — удивился покупатель.

— Ну, может быть, покорила вас Америка и теперь через вас хочет нас покорить.

— И что же она будет тогда с вами делать? — отозвался другой покупатель, пожилой, с заостренной бородкой и в черных очках.

— Угнетать, — сказал Удалов. — Высасывать соки.

— А что, дома этим заняться некому? — спросил старик.

— Дома желающие есть, — согласился Удалов. — Но мы к ним привыкли.

Старик предложил Удалову купить у него конусообразную шляпу. Сказал, что очень помогает от озоновых дыр. Удалов сказал, что в Великом Гусляре дыр пока не замечено.

— Не сегодня-завтра, — пообещал старик. Ему хотелось приобрести у Корнелия палехскую шкатулку, и потому он отдал ему очередной мячик. На этот раз мячик превращался в палатку с

надувным матрасом и подушкой. Идеальное средство отдохнуть на рыбалке.

Тем временем центр событий переместился к Мише Стендалю. А так как его столик стоял совсем рядом, то Удалов был в курсе дел.

Миша принес с собой бочонок меда, но отдавать его дешево не намеревался. Уже несколько человек подходили к нему, предлагали животных, технику и девушек, но Миша сказал, что ему требуется флаер, то есть летательный аппарат из фантастического фильма.

К его меду приценивались разные люди, но флаера они предложить не могли, может, и не было у них флаеров. И тут к Мише подошла пожилая женщина, скромно одетая, без шляпы. Она сказала, что мед ей нужен как лекарство, но флаера у нее отродясь не было, единственное, чем она может пожертвовать, это своей служанкой. Она вынула из сумочки очередной мячик, и тот, стукнувшись о мостовую, превратился в скромного вида девушку. Она была не столь красива и длиннонога, как те близняшки, что уже шастали по Великому Гуслиару, но ее тихое очарование не осталось незамеченным Удаловым.

— Вот это совсем другое дело, — сказал Удалов. — Таковую и я бы взял... в служанки.

— Ты что несешь! — возмутился Минц. — Ты подумал о реакции твоей семьи?

Миша хлопал голубыми глазами. Снял очки, протер их. Девушка глядела на него робко и преданно.

— Боюсь, что он провалит редакционное задание, — сказал Минц.

— Интересно, а каким оно было? Неужели он обещал Малюжкину самолет привезти?

Пожилая женщина, которая намеревалась расстаться со служанкой, была сообразительна. Она перехватила взгляды Стендаля.

— Конечно, — сказала она, — Галочка мне все равно как дочка. Я только пошутила, что с ней расстаюсь.

— Я готов отдать вам мед! — воскликнул Миша.

— Вашего меда не хватит на один ноготок Галочки, — произнесла подлая старуха.

И не успел Стендаль возразить, как старуха жестко и решительно щелкнула пальцами, Галочка ахнула и превратилась в мячик.

Стендаль ринулся было за мячиком, но мячик отпрыгнул от него и покатился в руки к владелице.

— Но может быть, вы возьмете что-нибудь еще? — спросил Стендаль.

— Ах, что мне у тебя взять, молодой человек? — спросила старуха. — Нечем тебе меня соблазнить.

— Но у меня есть оренбургский платок из чистой шерсти, можете его в обручальное кольцо продеть.

— Не поняла, — сказала старуха. — Где вы увидели на мне кольцо?

— А вот моржовый клык с вырезанным на нем узором охоты на полярных медведей в исполнении неизвестного чукотского мастера.

— Ах, оставьте! — И старуха пошла прочь.

— Погодите!

Тут в дело вмешался Минц. Он широко шагнул и схватил Стендаля за рукав.

— Миша, — сказал он, — эта женщина более тебя заинтересована в сделке. Не спеши и не суетись.

— А если она уйдет домой? — Миша весь дрожал и был бледен.

— Потерпи. Она вернется, если ты не будешь за ней носиться.

Старуха дошла до конца рынка, притормозила и посмотрела на Мишу через плечо. Миша тянулся к ней, но Минц держал его крепко.

Старуха остановилась, словно в нерешительности. Тут появился один из милиционеров, только переодетый в штатское. Удалов узнал его по родинке на правой ноздре. Переодетый милиционер сказал Стендалю:

— Могу помочь.

— Сколько? — спросил Минц, не отпуская Стендаля.

— Моржовый клык, — ответил милиционер. — Собираю моржовые клыки.

— Согласен! — воскликнул Стендаль раньше, чем профессор успел его остановить.

— Эй, госпожа Аникина! — воскликнул милиционер. — Пожалуйста назад.

Старуха резко подбежала к Стендалю и, словно все было оговорено заранее, схватила бочонок с медом, кинула в Стендаля

мячиком, а милиционер унес моржовый клык, расписанный охотничьими сценами из жизни чукчей.

— Ну что ж, давай возвращай красотку к жизни, — сказал Удалов, видя, как робеет, внутренне дрожит Миша Стендаль. — Пальцами сможешь щелкнуть?

С другой стороны, где за столиком стоял человек с лицом отставного полковника ДОСААФ, донесся хриплый голос:

— Если бы не возраст, сам бы женился и всем посоветовал. Это же надо жену иметь, которую можно двумя пальцами на полку отправить, а когда соскучился или проголодался, так же вернуть.

— Это неэтично, — отозвалась женщина, стоявшая через стол, — мы вам не мячики, чтобы в кармане носить.

— Так то ж игрушка надувная! — откликнулся молодой парень, бритый, в черной майке. — А нам, русским людям, подавай женщину мясную, плотную, энергичную.

В этой дискуссии никто не заметил, как Стендаль щелкнул пальцами и служанка Галочка материализовалась рядом с ним. Не только материализовалась, но вступила в разговор, так как явно отличалась умом и сообразительностью, не то что девицы для утех, которых привезли в Гуслия раньше.

Она быстро освоилась и подошла к профессору Минцу.

— Мне приятно познакомиться с моими будущими современниками, — звучным глубоким голосом произнесла она. — И вы, в частности, производите на меня благоприятное впечатление. Мне хотелось бы сблизиться с вами на интеллектуальной почве. Я надеюсь многое у вас почерпнуть.

Стендаль сначала побледнел от ревности, потом покраснел от стыда.

— Ты ее недооцениваешь, — прошептал ему Удалов. — Можно сказать, что тебе наконец повезло.

У девушки оказался замечательный слух.

— Я согласна с вами, уважаемый...

— Корнелий Иванович.

— Вот именно! Корнелий Иванович! Мне хочется надеяться, что моему потенциальному возлюбленному и даже, не боюсь этого слова, супругу, со мной повезло. Но я должна предупредить заранее — других жен я в доме не потерплю. Даром что меня считают надувной.

Эта тирада одних заставила улыбнуться, других рассердила.

— Вот именно, что надувная! — воскликнула одна из шоп-туристок. — Надувают нашего брата почему зря. Потом захватят у нас власть и будут помыкать. Смотреть на них противно!

Торговка сплюнула, но надувная девушка не обиделась, а возразила ей:

— Скажите, пожалуйста, чем я хуже вас? Или очи мои не сияют, словно звезды? Или груди мои не округлы и упруги, словно антоновские яблоки? Или бедра мои не столь круты, как хотелось бы моему возлюбленному? Или лоно мое не привлекает взоров? Или ноги мои не прямые, как у скаковой лошади?

Торговка была толстой, корявой, неухоженной женщиной, и потому она сразу обиделась.

— Кукла надувная, за десять копеек! — возопила она. — Вы только поглядите, люди добрые, кто на меня нападает! Кто меня, мать двоих детей, оскорбляет при людях! Ты хоть знаешь, что такое ребенок?

— Если мой будущий муж или возлюбленный захочет, — скромно возразила Галочка, — я немедленно рожу ему богатыря.

— Синтетического! — догадалась торговка. — Пластмассового!

Галочка отвернулась от противницы и положила руку на плечо Мише.

— Миша, не слушай наветов. В нашем времени все равны. Неважно, как человек произошел на свет, главное, чтобы он был хорошим человеком и достойным членом общества. Ты меня понимаешь?

— Еще как понимаю, — ответил Миша.

Галочка потянулась к щеке Миши и ласково, нежно поцеловала его.

Миша даже побледнел от счастья.

— И если ты хочешь, — прошептала надувная девушка так громко, что слышал весь рынок, — то пойдем со мной в трехзвездочный отель «Гусь», потому что я страстно мечтаю тебя любить и ласкать!

Девушка часто дышала...

Миша позволил увести себя. Минц пытался было окликнуть его, но Удалов сказал:

— Пускай идет. Его счастье или его беда... Он взрослый. Вышел из комсомольского возраста.

Торговка громко издевалась и хохотала вслед возлюбленным. В конце концов к ней подошел местный милиционер и предупредил о правилах поведения в общественных местах. Торговка замолчала.

— Она свое дома возьмет, — сказал Удалов.

Местный народ лениво заходил на рынок, лениво бродил от столика к столику, кое-что брали. Милиционеры — те, что сначала приходили, — теперь уже все переоделись в штатское. Ходили, как покупатели, как бы направляли действие, помогали вести ченч, то есть обмен.

Удалов выменял себе зонтик, который становился меньше грецкого ореха, у Минца хорошо ушел однотомник Белинского издания начала века с золотым тиснением по переплету. Стендаль не возвращался, — интересно, куда его повела надувная кукла?

Минц старался заговорить с покупателями и зеваками из будущего, но люди отвечали ему односложно, словно побаивались гостя. Но тем не менее даже такие скудные ответы представляли интерес.

— Скажите, пожалуйста, какой у вас общественный строй? — слышал Удалов голос профессора.

— Свободный, — отвечал один покупатель.

— Демократический, — отвечал второй.

— Меня он устраивает.

— Сколько было мировых войн? — спрашивал Минц.

— На провокационные вопросы не отвечаем, — говорил покупатель.

День приближался к обеду.

Бритый молодой парень из шоп-группы долго выбирал себе подругу, наконец ему понравилась губастая, глазастая, рыжая, курчавая, она его возбудила. Он даже не стал доторговывать, а понес купленный мячик в гостиницу.

Без пяти два на площади появился полицейский командир. За ним двигалась повозка, нагруженная разного цвета и размера мячиками и шариками.

За повозкой шествовали вереницей полицейские, переодетые покупателями. Командир загребал с повозки несколько мячиков,

вываливал их на стол продавцу, в обмен безмолвно забирал привезенный товар. Все молчали. Во-первых, с местной полицией не спорят, это закон шоп-туриста, во-вторых, каждый понимал, что любой обмен в пользу гостей. Десять мячиков — это десять солидных предметов из далекого будущего. Каждый можно толкнуть в Вологде долларов за двести как минимум. Поездка окупилась.

Вываливая на столик мячики, командир говорил каждому продавцу одинаково:

— Благодарю за визит. Попрошу в гостиницу, где вас ждет вкусный обед с прохладительными напитками.

Туристы потянулись к автобусу. Они оживленно беседовали и сговаривались в гостинице обменяться товарами, если кому чего не подходит.

Дама с красным ртом уже ждала в автобусе.

— После обеда полчаса личного времени, — сообщила она, — затем экскурсия на кладбище. Для желающих.

— Зачем? — не понял Минц.

— Посмотреть на свое захоронение и захоронения ближайших родственников и соседей.

Удалов закручинился. Ему не хотелось смотреть на свою могилу, но отказаться от визита он не посмел.

— У нас не хватает одного молодого человека, — сказал Минц. — Но вернее всего, он ушел в гостиницу поиграть с мячиком.

— Ничего с ним не случится, — равнодушно ответила дама. — Здесь нет преступности.

Обед оказался сытным, но скучным, недосоленным и пресным. Прохладительные напитки были чуть теплыми, чай — просто теплым.

Потом они поднялись в двойной номер. Удалов вывалил мячики и шарики на кровать.

— Может, не стоит их сейчас оживлять? — спросил Минц. — Если тебе достался слон, то получится трагедия.

— Но на удава я могу полюбоваться? — спросил Удалов.

— Любуйся, — согласился Минц. — Только осторожно.

Удалов стал рассматривать шарики в надежде угадать, какой из них содержит в сложенном виде удава. Даже легонько мял их руками. Шарики были тяжелыми, словно сделанными из каучука. Один прохладнее прочих. Может, в нем змея?

Под дверь в комнату вполз листочек бумаги.

— Смотри, — сказал Корнелий. — Выходят на связь. Может, это Миша Стендаль просит помощи?

— Осторожнее, — предупредил Минц. — Мы в чужой стране.

— В своей, — возразил Удалов. — Но изменившейся.

— И мы знаем о ней не больше, чем о Бангладеш, — сказал Минц.

— Прочтем? — Удалов сделал шаг к листку бумаги.

— Давай, — согласился Минц. — Читай вслух.

Сам отошел к окну и стал выплядывать наружу — но что увидишь с шестого этажа, кроме зеленого парка и пролетающих над землей средств передвижения неясного вида?

Удалов подобрал листок.

— «Могу поговорить за умеренное вознаграждение, — прочел он вслух, — расскажу тайны. Если согласны, то на кладбище у могилы Корнелия Удалова буду стоять за деревом. Доброжелатель».

— Ох не нравится мне это, — сказал Удалов, в сердцах отбрасывая листок, который полетел над кроватью и приземлился в руки Минцу. — И на кладбище я идти не хотел. Какого черта мне смотреть на свою могилу? Мазохизм это какой-то! Ну кто в наши дни смотрит на свои могилы?

— А я пойду, — сказал Минц. — Я думал убежать от них, пройти по улицам, заглянуть тайком в библиотеку. Для этого и шляпу выменял. Чтобы от них не отличаться. Но боюсь, что моя акция была обречена на провал, так как мы буквально окружены их агентами и переодетыми полицейскими. Теперь же у меня проявился просвет. Что у тебя осталось из ценных вещей?

— Янтарное ожерелье, — сказал Удалов. — Я его спрятал.

— А у меня... — Минц залез двумя пальцами в верхний карман пиджака. — Где же мамино колечко? Ага, здесь! И царская десятка! Думаю, за этот ченч мы с тобой узнаем все, что нужно.

— Иди без меня, — упрямылся Удалов. — Мне еще пожить хочется.

Но конечно же, Минц его уговорил. В каждом человеке таится любопытство перед лицом собственной смерти. Скажите мне: «Хочешь ли узнать, какого числа и какого года ты помрешь?» — я закричу: «Ни в коем случае! Подарите мне неизвестность!» А тебе

скажут: «А подглядеть хочешь?» Ты ничего не ответишь, но, внутренне содрогаясь, пойдешь и станешь подглядывать в скважину.

Удалов сказал себе, что только дойдет до кладбища, погуляет там, посмотрит на могилы соседей — может, даже им поклонится... хоть и это не очень красиво. Живут твои соседи, зла против тебя не таят, а ты цветов несешь к ним на могилу...

Вошел кавказский человек из агентства и велел выходить на экскурсию. Удалов положил в карман мячик с предполагаемым удавом и спустился вниз.

Остальные тоже стояли у автобуса, были они настроены мрачно, бледны и смущены неправильностью своего поведения перед лицом вечности. А когда подошла дама с длинным лицом, неся девять букетиков из искусственных цветов, и раздала их, все брали букетики с благодарностью.

— А где Стендаль? — спросил Удалов. — С ним все в порядке?

— А что может быть не в порядке с молодым человеком, который купается в море любви? — искренне ответила женщина.

— А когда выкупается? — спросил Минц.

— Присоединится к группе.

Залезли в автобус.

Минц велел внимательно смотреть по сторонам, чтобы доложить Академии наук, но Удалов все забывал, потому что мысли возвращались к скорой встрече с собственной кончиной.

Дорога на кладбище вела через городские окраины. Они были различными. Кое-где сохранились старые гуслярские дома, ведь сто лет для хорошего дома — срок небольшой. Кое-где поднимались дома новые. Как ни странно, они производили впечатление запущенности и заброшенности. И народу было немного, и дети не шалили на детских площадках. Может быть, подумал Удалов, эти люди отвезли с утра малышей по детским садикам, а сами углубились в созидательный труд?

Большую лужайку подстригала машина. За то время, пока проезжали мимо, Удалов успел полюбоваться, как она ровно стрижет траву, складывает сено в кубики, а кубики завязывает в пластиковые пакеты. Только Удалов хотел похвалить машину, как заметил, что на следующем газоне стоит такая же машина, сломанная. Сломанная, потому что из ее выходного отверстия до половины высунулся куб

сена, но так и не вышел до конца. Словно не состоялись роды. Сено пожелтело, как пожелтели и кубы сена, разбросанные по газону. Некому было их собирать.

— «Только не сжата полоска одна», — сообщил Удалов.

— По моим наблюдениям, — сказал Лев Христофорович, — наш с тобой, можно сказать, родной городок значительно вырос за последние сто лет, но затем пришел в упадок.

— Вы тоже так думаете?

— Посмотри на дорожки. Трава между плит. Посмотри на стены домов. Когда их красили в последний раз? Посмотри на детскую площадку — она заросла крапивой. Сомнений нет — эта цивилизация переживает упадок.

— Но как же тогда их достижения? — спросил Удалов.

— Достижения... А ты уверен, что это достижения современные, а не успехи вчерашнего дня?

Удалов не был уверен.

Автобус остановился у ворот кладбища. Ворота были приоткрыты. Туристам велели слезать и расписаться в книжечке кавказца, что каждый должен фирме «Голден гууз» десять долларов либо в рублевом эквиваленте за посещение кладбища и ознакомление с родными могилами.

Расписывались без спора, и каждый думал: «Черта с два я тебе отдам эти деньги, грабитель проклятый!»

У ворот стоял сторож в черном фраке и конической шляпе.

— Из какого периода прибыли? — спросил он, блеснув глазом из-под шляпы.

— Разве не видишь? — озлобилась женщина с красными губами. — Плановая группа.

— Сейчас проверим.

— А разве не всем сюда можно ходить? — спросил Удалов.

По дорожке навстречу шла местная семья, все в шляпах, очках, с лопаточками и граблями. Сразу понятно, что совершали уход за могилой.

— Туристы из прошлого только в организованном порядке, — ответил сторож. Он отыскивал в черной потрепанной книге группу из Великого Гусляра образца августа 1996 года. Но что удивило Удалова — отыскивал ее не в конце, а где-то в недрах книги. И до, и после списка

шли другие фамилии, другие группы. Можно подумать, что записали гусярцев весьма заранее. Минц тоже обратил на это внимание.

— Возможно, всё predetermined, — сказал он тихо, — только мы с тобой остаемся лопухами.

Столь крепкое словцо для Минца — исключение. Но он тоже оказался взволнован, и если бы...

— Если бы не информант, — произнес он грустно, — никогда бы на кладбище не поперся.

Эти слова примирили с ним Удалова.

Первой шла женщина с красными губами. Она повторяла:

— Участок тридцать четыре и далее до тридцать восьмого, второй поворот налево, а оттуда направо до большой аллеи.

К счастью, день был приятным, не жарким, солнце катилось к закату, золотые косые лучи резали листву и замирали на верхушках крестов. Сначала кладбище показалось Удалову незнакомым — а оказывается, это ихнее, родное городское кладбище, только безумно разросшееся за последние сто лет.

Через двадцать минут они перешли к погребениям начала двадцать первого века.

Здесь деревья были выше, и стояли они гуще.

В целом там царило запустение, словно некому было заходить сюда с цветами или просто посидеть.

Сначала шли могилки незнакомых людей, потом вдруг... — как удар молнии!

Небольшая плита, каменная, серая — видно, из гранита. На ней надпись:

«Удалов Максим Корнелиевич».

А чуть дальше — как взгляд метнулся! — словно за грибами пошел Удалов — чуть дальше две могилы рядом:

«Удалова Ксения Сергеевна»...

«Ложкин Николай Иванович»...

«Нет, тут я должен быть!»

А неподалеку кто-то завопил как резаный — это был отставной полковник ДОСААФ.

— Брат мой! — кричал он. — Братишка Василий! На кого ты меня оставил!

Этот крик заставил Удалова отрезветь и прийти в себя.

«Ничего особенного, — сказал он себе. — Ксения на самом деле жива, и я к ней вернусь... Но где же место моего погребения? Что случилось со мной?»

— Простите, — Минц обратился к сторожу. — Вы не посмотрите в своем списке, есть ли здесь моя могила? Меня зовут Минцем, профессор Минц, Лев Христофорович.

— Не может быть! — откликнулся сторож. — Неужели мне довелось лично лицезреть нашего знаменитого земляка? Разрешите пожать вашу руку!

Сторож снял коническую шляпу и склонился к руке Минца. Тот смутился, руку вырвал, чтобы старик не смог ее поцеловать.

— Ну что вы, — сказал он, багровея, — я обыкновенный естествоиспытатель. Не более выдающийся, чем Павлов или Менделеев...

На звук его голоса остальные туристы оборачивались, даже забывали о своих могилах.

— О нет! Выше берите, выше, вы наш Фарадей! — громыхал сторож.

— Нет, только не Фарадей! — Почему-то сравнение смутило и даже потрясло Льва Христофоровича. — Я только хотел узнать, где я похоронен?

— В Пантеоне. Разумеется, в Пантеоне Свободной Земли! — сообщил сторож. — Не здесь же, на этом заброшенном провинциальном кладбище...

— А я? — спросил Удалов.

— А вы, простите, кто будете?

— Удалов Корнелий Иванович.

Сторож принялся водить пальцем по странице, перевернул... И Удалов вдруг вспылал странной тщеславной надеждой: сейчас сторож сообщит, что захоронения Корнелия Удалова на этом кладбище не наблюдается, а похоронен он в Галактическом центре в районе звезды Сириус как ведущий во Вселенной специалист по межпланетным отношениям... А разве не так? Разве он не положил жизнь ради дружбы разных цивилизаций?

— Есть Удалов Корнелий Иванович, — обрадовался сторож. — Вон там, за кустами должен пребывать.

Удалов огорчился. Не с чего было огорчаться, а огорчился.

Прошел за куст и увидел свою могилу.

— А когда я умер? — спросил он.

— Ну как вам не стыдно об этом спрашивать? — обиделся сторож. — Мы же все даты заклеили, как только узнали, что путешествие во времени к нам открыто. Неужели мы имеем право выступать в роли Господа Бога?

И тут Удалов понял, что сторож не лжет — под фамилией была наклейка, замазанная под цвет плиты.

Тут, видно, не выдержали нервы у полковника. Он тоже догадался, что самую жгучую тайну от него скрывают, — потому рванулся к своему скромному, с красной звездой над профилем, черно-мраморному памятнику и стал сдирать ногтями наклейку. Но начал не с той стороны — слева. Из-за этого показались цифры даты его рождения, а узнать о смерти турист не успел. Из-за кустов выскочили два милиционера. Видно, ожидали подобного инцидента, поэтому и затаились. Полковнику заломили руки назад и потащили — не грубо, но уверенно — к выходу. Полковник почти не сопротивлялся. Как военный человек он догадался, что бой проигран, но не проиграна кампания.

Остальные стояли и глядели на сражение.

Минц прошептал Удалову:

— Пошли посмотрим дальше.

И они согласно шагнули в кусты.

Их не сразу хватились — сначала надо было утихомирить полковника.

Минц с Удаловым сначала быстро шли по тропинке, потом Минц углядел проход в кустах за старым монументом, с детства знакомым Удалову, только сильно одряхлевшим, который принадлежал жене купца Якимова. Собственный же монумент Якимова был снесен еще в тридцатые годы XX века.

— Ты думаешь, он нас найдет? — спросил Удалов.

— Он должен за нами наблюдать.

— Я и наблюдаю, — сказал кладбищенский сторож. Как-то он успел их обогнать и спрятаться за кустом. — Времени у нас в обрез. Показывайте, что можете предложить.

Минц и Удалов показали остатки сокровищ.

— Мало, — сказал сторож. — Пиджаки тоже отдадите.

— Если ваш рассказ нас заинтересует, — сказал Минц.

— А как же не заинтересовать? — удивился старый сторож. — Я вам готов тайну выдать. Я же головой рискую.

Они присели за памятником, так чтобы их не видно было с дорожки.

Сторож рассматривал трофеи, но отвечал охотно. Хотя неизвестно, насколько правдиво и насколько исчерпывающе.

Первый вопрос Минца прозвучал для Удалова странно:

— Когда появились путешествия во времени, кто их устроил и кому они нужны?

— Путешествие во времени существует только в городе Великий Гусяр, — ответил сторож. — Начались путешествия на той неделе, и не сегодня-завтра их прикроют. А устроили их наши городские власти.

— Почему? Почему их прикроют?

— Потому что путешествия во времени категорически запрещены, и если бы не крайняя нужда, наш город никогда бы не пошел на нарушение вселенского запрета.

— Но путешествовать в будущее нельзя! — повысил голос Минц.

Сторож прижал палец к губам и ответил шепотом:

— А кто сказал, что это путешествие в будущее?

— Я. Потому что еще вчера я жил за сто лет до вас.

— Чепуха. Эти путешествия организованы нами, проводятся нами, значит, они — путешествия из будущего в прошлое, что, как известно, и теоретически, и практически возможно и даже широко практиковалось в городе Великий Гусяр.

— Значит, они только для нас — путешествия в будущее? — повторил Минц. — Славно придумано.

— Так и доложите своему другу президенту Академии наук, — заметил сторож, чуть усмехаясь.

— А это вы откуда знаете?

— Из библиотеки, — смиренно ответил кладбищенский сторож. — Из вашей желтой и продажной прессы. Со страниц ваших газет, сообщивших о якобы имевших место в Великом Гусяре контактах с будущим. Но учтите, что вы будете разоблачены и поставлены на место.

— В это я верю, — сказал Минц. — Так зачем вам нужны путешествия во времени? Зачем было устраивать эти так называемые шоп-туры?

— Для торговли, — коротко ответил сторож, и Удалов понял, что на этот вопрос он почему-то не желает отвечать. Тогда он сам спросил:

— Расскажите, какой у вас общественный строй.

— Нормальный, — сказал старый сторож.

— И в самом деле свобода?

— Своего рода демократия.

— Почему своего рода? — уцепился за сторожа Минц.

— Потому что живем мы небогато, ресурсы, разграбленные вами и вашими детьми, восстанавливаются с трудом, а кое в чем и не восстанавливаются.

— А с нашей помощью вы хотите восстановить?

— Можно и так сказать.

— А эти... агентство «Голден гууз»? — спросил Удалов.

— За деньги на вашей Земле можно сделать многое. Это самое обычное агентство, оно получает процент и честно исполняет свои обязанности.

— И их не удивляет, что они возят людей в будущее?

— Они неплохо работают, — сказал сторож. — Мы ими довольны.

Тут вмешался Минц. Он молчал — видно, формулировал очередной серьезный вопрос, так что сторож, который чувствовал угрозу со стороны лысого толстяка и совершенно не опасался Удалова, сразу насторожился.

— Но можно ли отправиться в более отдаленное будущее? — спросил Лев Христофорович. — Допустим, через двести, триста лет... Ведь там тоже могут потребоваться наши товары?

— Нет, — сказал сторож. — Все наши попытки заглянуть в будущее были прерваны. Там стена.

— Значит, только к вам, в Великий Гусяр, и только сегодня...

— Кстати, — улыбнулся кладбищенский сторож. — Это тоже будет небезынтересно узнать господину президенту Академии наук и всему военно-промышленному комплексу, который, Лев Христофорович, после вашего необдуманного звонка в Москву уже

сутки стоит на ушах и не знает — то ли ждать третьей мировой войны, то ли всеобщего и полного разоружения.

— Но этого не будет?

— Ни того, ни другого.

Удалов старался не слышать приближавшиеся с разных сторон крики и шуршание в кустах. Видно, их хватились и искали.

— Минц, — сказал он профессору, — задавай последний вопрос и будем сдаваться — нас уже почти настигли.

— Что вам от нас нужно? — спросил профессор. Он так смотрел на сторожа, словно хотел загипнотизировать его. Но тот укрылся от Минца под своей конической шляпой.

— Ответить я вам не смогу, — сказал он. — Это равносильно выдаче государственной тайны, но вы догадаетесь обо всем через два дня.

— Но намекнете?

— Пиджак отдадите?

Минц начал снимать пиджак.

— Поторапливайтесь, — сказал сторож, — я их нюхом чую! Мои же сотрудники.

Сторож подхватил пиджак, спрятал его под плащ и сказал:

— Отгадку ищите в моей конической шляпе.

И он разразился дьявольским хохотом.

На хохот из кустов выпрыгнули милиционеры, но при виде сторожа вытянулись во фронт и первый из них сказал:

— Простите, господин генерал-майор, но мы искали шоп-туристов из прошлого.

— Ничего страшного, — с доброй улыбкой ответил генерал-майор, он же кладбищенский сторож, — получайте моих милых гостей, пускай отдыхают и возвращаются к себе домой. Удовлетворенными и обеспеченными всем необходимым. Как вы видите, друзья, мы, к сожалению, не смогли сохранить те дары природы, которые были истрачены, погублены или проиграны вами, но в имитации природы мы достигли больших высот. Все у нас имеется в копиях. Практически все. Иначе бы не выжить...

Сторож грустно засмеялся, и милиционеры вторили ему.

С кладбища заехали в гостиницу, за молодыми людьми.

Те вышли усталые, но довольные, как туристы после похода. Их спутницы — рыжая хохотушка у лысого бритого парня и очаровательная скромница у Миши Стендаля — шли рядом и на полшага сзади, как стреноженные и усмиренные кобылки.

Остальные туристы встретили их шутками, но шутки были не злыми, потому что все были удовлетворены путешествием.

Автобус провожали сторож, переодевшийся в форму генерала милиции, и несколько покупателей в штатском, в том числе бабушка, расставшаяся со своей служанкой Галочкой.

Кавказец сидел за рулем, женщина с алым ртом уселась на свободное место рядом с Удаловым. Тот решил, что и от нее можно узнать чего-нибудь полезное. Для себя и для Академии наук.

— Устали? — спросил он сочувственно.

— Сегодня день был спокойный, — ответила женщина, — без скандала.

— И вас устраивает этот договор?

— С местными властями? Конечно, устраивает, тем более что мы не отчитываемся налоговому управлению.

Удалов смотрел на Стендаля и Галочку. Нежно обнявшись, они сидели по ту сторону прохода. Стендаль учил Галочку петь песню о желтой подводной лодке. Галочка во всем слушалась его. Как грустно сознавать, подумал Удалов, что она — всего-навсего надувная копия человека... И Мише никогда на ней не жениться.

— И надолго у вас контракт? — спросил Удалов у женщины из агентства «Голден гууз».

— Кончается, — призналась женщина. — А жалко. Я сама бы кое-что себе приобрела, но с вами разве успеешь? Как глупо на кладбище ездить...

— Это не вы придумали?

— Это ихний генерал придумал, который сторожем на кладбище служит. Ну тот, с которым вы в кустах шептались. Я думаю, что он нарочно эту экскурсию провел, чтобы с вами пошептаться.

— А вы раньше на кладбище были?

— Вчера. Осваивали площадку.

Удалов вздохнул. Не хотел спрашивать, но язык сам спросил:

— Вы случайно не заметили, в каком году я умру?

— Там уже вчера все было заклеено, — ответила женщина.

— Разумеется, — согласился Удалов.

Все было неправильно. И сторож в чине генерала, и тайные беседы под сенью памятника Якимовой от неутешных детей, и выдача товаров перед обедом — словно кто-то хотел сказать: «Ну, поторговали, а теперь сворачивайте свои игрушки, берите что дают и отправляйтесь домой».

Минц, сидевший сзади, вздохнул так тяжело, что звук донесся до Удалова.

— Тоже так думаешь? — спросил Удалов, обернувшись.

— Как и ты, — сказал Минц.

— И что скажешь президенту?

— Посоветую не вмешиваться, — ответил Минц. — Чувствую, что нам их не достать.

— А что он про шляпу говорил?

— Его слова требуют внимательного анализа, — ответил Минц.

Полковник запел песню «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц». Песня была бравая, военная, может, даже довоенная.

Некоторые стали подпевать. Кавказец, который сидел за рулем, тоже стал подпевать.

Сошли у агентства. Было уже темно.

* * *

Удалова охватила тревога.

Нечто чужое, как при инопланетном вторжении, присутствовало в воздухе Великого Гусляра. Пошатывались тени за заборами и кустами, пробежала собака служебной масти, далеко-далеко послышался шум танкового мотора... Когда Удалов с Минцем отошли от агентства шагов на пятьдесят и распрощались на углу с полковником и бритым парнем, который увлекал к своему ложу рыженькую девицу, в щели штакетника блеснул фонарь, уперся лучом в лицо Удалова, затем переметнулся к Минцу.

— Сдаемся, — сказал Удалов. — Конечно же, сдаемся, желательно получить пощаду.

— Получите, — засмеялся президент Академии наук, выходя из-за фонарного столба. Он был в маскхалате, на голове фуражка с государственным гербом. — Как дела, орлы? А то нас тут комары закусают.

— У вас машина есть? — спросил Минц.

Из кустов и из-за забора послышался смех. Возможно, давно уже президенту Академии наук не задавали такого нетактичного вопроса.

— Подожди здесь, сейчас мы закончим операцию, — сказал президент.

— Зачем, Толя? — спросил Минц. — Мы же все выяснили.

— Мне хотелось бы сначала изолировать всех, кто там побывал, а особенно организаторов.

— Организаторы ничего не знают, — ответил Минц. — Работали на проценте. Туристы тем более не виноваты.

— Надо изъять товары, — просто сказал президент.

— Погоди до завтра, Толя, — попросил Минц.

— Но они их пустят...

— Не пустят. Поверь мне, ничего не пустят. Все не так, как ты себе представляешь.

— Ты можешь ошибаться, Лева, а мне уже три раза из Минобороны звонили, из аппарата президента, спать не дают.

В кустах послышался прерывистый звонок.

— Вот видишь, — сказал президент. — Опять волнуются.

— Если ты веришь в мою гениальность, — скромно сказал Минц, — то придется тебе отозвать омовцев. Пускай отдыхают.

Президент заскрипел зубами.

Потом сказал:

— Выходите, молодцы.

Из разных щелей и укрытий выскочили молодцы в бронежилетах и черных чулках на рожах.

Из-за церкви Параскевы Пятницы выехал бронетранспортер, в который попрыгали черные чулки, а президент Академии наук пригласил Минца в джип «Чероки», который выскочил из недавно выкопанного блиндажа.

— Мы вдвоем с товарищем, — решительно сказал Минц.

— Товарищ погуляет, — ответил президент. — Есть вопросы, которые я не имею права обсуждать даже с лучшими твоими товарищами.

Минц успел перегнуться, высунуться из дверцы и крикнуть Удалову:

— Побеседуй с Мишей Стендалем. Это обязательно! Не упусти Мишу Стендаля.

Удалову хотелось домой. Он устал путешествовать на туристическом автобусе, стоять на базаре и глядеть на собственную могилу с заклеенной датой. Он хотел домой, хотел присесть посреди двора и посмотреть, что в тех мячиках и шариках, которые ему подсунула тамошняя полиция.

Но Удалов не стал возражать. Ведь Минц просит. Да еще так сильно просит, значит, беседа с Мишей Стендалем может открыть глаза на какие-то важные тайны, о которых Удалов по простоте своей не додумался.

Так что Удалов с тоской поглядел вслед красным огонькам джипа и стал ждать.

И ждать пришлось совсем недолго. Через минуту подошел Стендаль. Он вел за руку оробевшую Галочку.

— Что за шум? — спросил он.

— Академия наук интересуется, — ответил Удалов.

Это Стендаля не удивило. Словно Академии наук давно пора было заинтересоваться шоп-турами.

— А мы задержались, — сказал Стендаль. — Мы в подъезде целовались.

— Простите, — сказала Галочка. — Мужчины вашего времени — это просто сладостное открытие!

— Вы меня тоже простите, — ответил Удалов. — Но мне давно уже хочется спросить: вот у вас много разных... извините, надувных женщин и животных. Вас что, выдумывают, в компьютерах выводят или как?

— Или как, — лукаво улыбнулась Галочка. — Честно скажу, все у нас по-честному, все копируется. И даже моя копия существует на самом деле.

— Но можно сделать много копий?

— Разве это так важно?

— Это неважно, — поддержал Галочку Миша. — Я полюбил одну женщину. Только одну. Я ее обнимаю. Я на ней завтра намерен жениться.

— О нет! — вырвалось у Корнелия. — Нельзя же.

— Почему? — спросила Галочка, и голос ее зазвенел, как лист кровельного железа.

— Потому что вы ненастоящая! Вы надувная... Вы кукла, в конце концов.

— А вам не приходило в голову, гражданин Удалов, — сказала Галочка, — что вы тоже надувная кукла. Как вас надули при советской власти, так и забыли выпустить воздух после ее завершения.

— Галочка! — упрекнул невесту Миша.

— Две недели и двадцать лет как Галочка, — ответила надувная девушка из будущего. — И цену человеческой натуре знаю. Вы бы только посмотрели, что у нас расхватывали — шарики с так называемыми надувными женщинами! Потому что все вы стремитесь к дешевым удовольствиям. Если не удастся затащить во двор слона или бегемота, то дайте мне крокодила. Но учтите, что крокодилы кусаются, а мы, надувные куклы, можем подарить страстные ласки, а можем дать пощечину или даже рубануть топором по черепу. Не верите — проверьте! Вы забываете, мой дорогой Корнелий Иванович...

«Откуда она знает, как меня зовут? Неужели это все Миша? Глупый, глупый Миша, ты попал в руки к провокаторше из будущего...»

— Не отворачивайтесь, Корнелий Иванович! Я и мои подруги — детища высокой цивилизации, не вашему пещерному уровню чета. Даже в копиях мы дадим сто очков вперед самой распрекрасной вашей красавице. И учтите, ваш Миша будет со мной счастлив, и я рожу ему немало детей — сколько он захочет. У меня внутри все для этого предусмотрено.

— Вот так-то, Корнелий Иванович, — сказал Миша. — Приглашаю вас завтра на свадьбу.

— Миша!

— Вот именно. Я уже позвонил домой Марии Тихоновне, нашей директорше загса. Она сказала, что ждет нас к двенадцати.

— Не может быть! — удивился Удалов. — Должен быть проверочный срок.

— Мария Тихоновна меня уже пятнадцать лет мечтает на ком-нибудь женить и образумить. Станет ли она рисковать проверочным сроком?

— А документы?

— А документы существуют для того, чтобы их исправлять.

— Адье, — сказала Галочка и умудрилась лизнуть Удалова в щечку. Язык у нее оказался в меру шершавым и в меру мокрым. «А черт их знает, может, и рожать будут... Породу нам улучшат».

— Мы в вашем Гусяре породу улучшим! — крикнула Галочка, обернувшись на ходу. — Хватит рожать кривоногих!

— Это у кого кривоногие? — произнес Удалов.

Подумал: у Максимки ноги как ноги, и вообще у них в семье никто не жаловался. Может, коротковаты немного...

Удалов пошел домой.

У Минца горел свет. Перед подъездом в кустах таились два воина в черных чулках на рожах, но Удалов не стал их замечать. Только сказал им:

— Спокойной ночи, ребята.

Те кашлянули в ответ, в разговор им вступать не положено.

Удалов пошел спать — все равно в темноте трофеи на дворе не испытаешь. А завтра могут и конфисковать. Так что Удалов тщательно запрятал шарики и мячики, включая удава, в нижний ящик Максимкиного письменного стола, которым сын ни разу не пользовался с тех пор, как окончил школу двадцать лет назад.

На столе стояла тарелка и лежала записка:

«Котлета в холодильнике. Ушибла ногу о колокольню. К.»

Удалов решил было, что жена пошутила, и когда ложился, а Ксения заворочалась, забормотала во сне, то спросил:

— А с ногой что?

— Хотела напрямик пролететь в молочный, — сонно ответила Ксения. — Не рассчитала. Но ведь не упала, и то слава богу.

— И то слава богу, — согласился с женой Корнелий.

В доме царила тишина, во всем мире царила тишина, только слышно было, как далеко и таинственно прогревают моторы танки, как дышат в кустах и на крыше военизированные сотрудники

Академии наук, а снизу от Минца доносятся голоса. Идет совещание...

* * *

Утром все обошлось.

Минцу каким-то образом удалось уговорить президента и сотрудников покинуть город или затаиться так, что их не было слышно и видно.

Удалов проспал и поднялся только в одиннадцать. Он покормился из комбайна, к которому уже стал привыкать, потом спустился к Минцу.

Минц встретил его в халате.

Он спросил:

— Что же ты свои цацки не притащил? Может, испытаем?

— Не хотел при Ксении. А вдруг там девушка?

— Если девушка, отдашь Ксении, пускай на рынок снесет.

— Стыдно девушками торговать. Среди них такие интеллигентные встречаются.

И Удалов рассказал Минцу о вчерашней беседе с Мишей и о приглашении на свадьбу.

— Во сколько свадьба? — спросил Минц.

— В двенадцать.

— Тогда я предлагаю тебе, Корнелий, не спешить с игрушками и трофеями. Сходим на свадьбу, посмотрим, как она пройдет. У меня с ней связаны особые интересы, тем более после твоего рассказа о Галочке.

— Черный костюм надевать? — спросил Удалов.

— Не думаю. Мише приятнее, если свадьба пройдет непринужденно.

Так и не переодевшись, они пошли к загсу, чтобы присутствовать.

Ясно было Удалову, что Минц не случайно повел его на свадьбу, эта свадьба была связана с тайными ночными перемещениями войск в Гусляре, потому он и спросил напрямик:

— Лев, о чем вы с президентом договорились?

— По моим расчетам, все решится через час, — сказал Минц. — И если я прав, то все наши попытки воспользоваться путешествием во времени в интересах государственной безопасности бессмысленны.

— Не понимаю.

— А вот дойдем до загса, поймешь.

Они дошли до желтого государственного особняка без десяти двенадцать, раньше новобрачных.

Но вскоре появились и новобрачные. Галочка была в белом платье. Очаровательна и свежа. У Миши видны синяки под глазами — наверное, очень бурной выдалась предсвадебная ночь.

И тут же с другой стороны переулка появилась целая процессия.

Шел бритый парень, его рыжая подружка, их мамаша, отец, друзья, только не было, естественно, родителей невесты. За ними медленно следовала машина «Волга» с двумя обручальными кольцами на крыше.

А вот Николай Гаврилов, бывший подросток из дома № 16, привез свою невесту на мотоцикле. За мотоциклом бежала мать Гаврилова, которая была недовольна очередным браком сына, потому что после очередного развода приходилось оставлять бывшей жене одну из комнат или покупать кооператив — Гавриловы из-за этого жили в бедности.

К двенадцати накопились три пары, и если кроме Удалова и Минца (не говоря о женихах) кто-то и знал, что эти невесты вовсе не люди, а надувной товар из будущего, хоть у них неплохо подвешен язык и сексуальные приметы на месте, то никто и виду не подавал.

К загсу подошла Мария Тихоновна, яркая блондинка неопределенного возраста, разговорчивая и доброжелательная.

— Ого! — воскликнула она. — У нас большой день! Полная площадь народу!

Удалов оглянулся. И впрямь народу прибавилось, подтягивались зрители, привлеченные слухами и сплетнями.

В толпе зевак Удалов увидел и президента Академии наук, переодетого цыганкой, и двух его охранников, изображавших негритянскую правительственную делегацию.

Значит, все же поглядывают, наблюдают. Впрочем, так и надо.

Мария Тихоновна сняла замок с дверей, зашла первой, остальным велела ждать в приемной и пока заполнять анкеты.

Все расселись за столы и принялись писать.

Правда, как выяснилось, невестам пришлось придумывать себе фамилии, но они это сделали быстро и с шутками.

Только мать Гаврилова плакала.

Кого-то послали за шампанским, кто-то спохватился, что нет цветов, и нарвали золотых шаров в саду у Савичей, за что заплатили Ванде в долларах.

В помещение загса набилось человек тридцать.

Подошел торжественный момент, когда анкеты сданы, взносы уплачены, в зале наступает тишина и даже перешептывания смолкают.

Три пары стояли перед столом Марии Тихоновны.

На часах было без минуты час.

— Сегодня, граждане, выдающийся день в жизни Великого Гуслияра, — сказала Мария Тихоновна. — Сразу три очаровательные пары подошли к моему так называемому алтарю... — Тут она смутилась, потому что в наши дни шутки с религией вряд ли допустимы, и добавила: — Хотя я надеюсь, что после гражданской церемонии вы обвенчаетесь и церковным браком.

По тесно и душно набитому помещению пронеслось шуршание полностью согласных гостей и новобрачных.

— Но закон есть закон! — продолжала Мария Тихоновна. — И я попрошу подходить ко мне пары по алфавиту. Первыми к столу подойдите Гаврилов с невестой и их свидетели.

Мать Гаврилова продолжала тихо плакать.

Профессор Минц вытащил видеокамеру и снимал церемонию. Камера была новая, японская, маленькая, но профессиональная. Точно такой же камерой снимал и президент Академии, только он стоял в другой точке зала.

Слон сунул хобот в открытое окно и торжественно затрубил. Никогда еще Удалову не приходилось слышать, как трубят слоны. Звук был утробным, но не страшным. Все засмеялись, благодаря слона за участие в церемонии.

— По доброй ли воле вы вступаете в брак? — спросила Мария Тихоновна у Гаврилова и длинноногой красавицы.

— По доброй, — сказал Гаврилов.

— Ой, по доброй! — воскликнула красавица. — Вы не представляете, вы просто не представляете, как он это умеет!

Фраза осталась нерасшифрованной, хотя допускала разные толкования. Кто-то в задних рядах хихикнул. Стало уже так шумно, что хотелось скорее перейти или за свадебный стол, или в просторную церковь.

— Тогда я вас попрошу поставить свои подписи под этим документом, — попросила Мария Тихоновна, широко улыбаясь.

Гаврилов предоставил это право своей невесте.

Часы над головой Марии Тихоновны, занимавшие место сменявших друг дружку портретов разных государственных деятелей прошлого, пробили один раз.

И тут невеста Гаврилова натужно проговорила:

— Ах, мне дурно... Не надо...

И на глазах стала съеживаться, уменьшаться, но не так, как раньше, когда надувная девушка превращалась в мячик, а как-то более грустно и натуралистично — из нее словно и на самом деле выпускали воздух, оставляя лишь шкурку. А нет ничего более ничтожного и прискорбного, чем шкурка красивой девушки длиной в метр восемьдесят.

— Ты что, погоди! — закричал Гаврилов. — Да вы здесь все с ума посходили!

Миша рванулся, расталкивая зрителей, к девушке, продолжая снимать трагедию на пленку.

— Мама! — закричал Гаврилов. — Верни мне невесту. Я люблю ее!

Миша Стендаль, заподозрив неладное, вцепился в руку своей невесты и крикнул ей:

— Бежим отсюда!

— Куда бежать? — зарыдала невеста. — Мы с тобой жертвы низкой политики!

И она показала дрожащим пальчиком на вторую блондинку-невесту, которая покорно сложилась и превратилась в тряпочку с белыми волосами. Лишь ее туфли, купленные утром в Гусяре, да белое подвенечное платье, выгашенное из семейного шкафа, остались нетронутыми этим ужасным превращением.

Ноги бритого жениха подкосились, и он упал на колени перед своей суженой.

Этого и следовало ожидать, подумал Удалов. И почти наверняка Минц догадался о том, что все подарки из будущего — не более как фикция. «Они получили от нас то, что хотели, и не пожелали делиться с прошлым слишком передовыми для него технологиями. Явный исторический эгоизм, можно сказать, цинизм, столь свойственный любой цивилизации. Но почему я, с моим житейским и космическим опытом, при всем моем незаурядном уме так и не смог догадаться, что же надо от нас будущему? В чем беда нашего времени? Мы — время неопределенности. Мы не знаем, от чего избавились, и не знаем, к какому берегу пристать. Даже не исключено, что к берегу, от которого мы отплыли, нас тянет еще сильнее, чем в открытое бурное море. Мы и в будущее отправлялись, клюнув на привычное название — шоп-тур, это значит — можно прибарахлиться. Но зачем нам прибарахлиться, да и чем прибарахлиться, мы не подозревали. И решали проблемы по мере их поступления. Подкинули нам девиц, взяли девиц и стали придумывать, к какой койке их приспособить. Пожертвовали нам слона, взяли слона... Так заслуживаем ли мы снисхождения?... Ведь даже я, человек в принципе честный и бескорыстный, так и не удосужился проверить, что хранится в шариках и мячиках, полученных в будущем. Я откладывал эту процедуру, якобы боясь, что там окажется слон или крокодил, который повредит мне мебель, хотя никто не мешал мне выйти во двор... А на самом деле я боялся неожиданности. Я боялся получить девушку, в которую влюблюсь или которая влюбится в меня, я боялся получить какие-нибудь роковые яйца или нечто невообразимое, что принесет нашей планете гибель. Но почему я должен ждать гибели от собственных внуков?»

Удалов задумался глубоко и как всегда не вовремя. Пока он витал в облаках, погибла и Галочка — чего и следовало ожидать. А из-за окна донеслись крики. Те, кто был ближе к окну и смог выплунуть наружу, сообщили, что могучий слон превратился в серую шкуру. И ребяташки начали было кромсать шкуру и растаскивать по домам, но тут из-за угла выскочили люди в черных чулках и унесли шкуру слона в свой танк, который стоял в кустах.

«Ну что ж», — вздохнул Удалов, стараясь не слушать страшные крики и причитания толпы. Он решил увести рыдающего Мишу

Стендаля, который только что потерял смысл жизни...

Он сделал шаг к нему и даже протянул руку, но сказать ничего не успел...

— О, Боже! — раздался чей-то возглас. Но возгласом не остановишь неизбежности...

Миша Стендаль начал съеживаться, уменьшаться и через несколько секунд обнаружилось, что Удалов смотрит на лежащий возле его ног вполне приличный черный костюм, рубашку, галстук... Десантники из окружения президента уже прибежали с лопаткой и ванной-носилками для переноски сильно кровоточащих тел. На эти носилки они положили тела Миши, Гаврилова и бритого жениха — из чего следовало, что пока Удалов глазел на гибель Миши Стендаля, остальные женихи растворились тоже.

— Это выше моего понимания, — сказал Удалов. — Куда выше.

Вокруг выли, кричали, ругались, требовали прокурора и намеревались жаловаться в газету.

Удалов же пробился к Минцу, который как раз кончил снимать свой фильм. Он засунул камеру в сумку, что висела на плече, и пошел к президенту, который тоже закончил съемки и отступал, пробиваясь сквозь толпу, к выходу. Путь ему прокладывали могучие десантники с носилками-ваннами, в которых было на удивление мало жидкости — лишь пустые оболочки молодоженов.

А когда все они вышли на улицу, то Удалов увидел, что и оболочки людей исчезли, словно испарились. И хоть президент и приказал взять на анализ одежду погибших, ясно было, что он не надеется научно поживиться.

— Пленку отдашь? — спросил президент, когда они уже стояли вне толпы под августовским нежгучим солнцем.

— Сам просмотрю сначала, — сказал Минц.

— Только копий не снимать, — велел президент.

— Ты думаешь, что все забудут?

— Завтра забудут.

— А предметы?

Президент поднял бровь.

Минц смущенно улыбнулся.

— Извини, старческий маразм, — сказал он.

— Но проверить не мешает. Я сейчас пошлю людей по всем адресам. Всех, кто побывал в будущем, мы зафиксировали, ввели в компьютер, теперь они и шагу не сделают... Впрочем, я не сомневаюсь, что предметов и покупок из будущего уже нет, не существует, они растворились в воздухе.

— И ты не боишься, что в нас вживили жучки, что нас отравили вирусом шпионажа?.. — спросил Минц.

— Не нужны ваши души и головы, никому вы не нужны, паршивые гусярцы! — закричал тут президент, как человек, глубоко разочарованный в собеседнике, а может быть — в деле, которому посвятил слишком много сил.

Прокричав последнюю фразу, президент полез в джип «Чероки» и сел рядом с шофером.

— погоди! — позвал его Минц. — Ты же собирался довезти нас до дома. А я тебя чаем напою.

Президент перегнулся назад и открыл дверцу.

— Чай я с тобой распивать не намерен, — сказал он, — а до дома довезу.

Джип рванул с места.

— Толя, — сказал Минц. — Когда тебя будут допрашивать на Совете безопасности, когда тебя возьмет за жабры военно-промышленный комплекс за то, что ты упустил такой рынок сбыта гранатометов, скажи им, что мы для них померли! Понимаешь, сто лет как померли вместе с нашими гранатометами!

— Что ты понимаешь! — в сердцах ответил президент.

И в это мгновение джип замер у дома № 16.

Минц отдал президенту камеру и кассету.

— Не буду я смотреть, — сказал он. — Потому что знаю, что это все пропаганда. Агитация и пропаганда!

Минц захохотал.

Джип уже помчался дальше, к столице, к большим делам. За ним, показавшись на мгновение из тучи пыли, вылетел танк сопровождения и скрылся из глаз.

— С наукой покончено, — сказал Минц. — Осталась лишь человеческая трагедия. Скоро домой вернется мать Гаврилова...

— Какая ужасная смерть! — сказал Удалов.

Он последовал за Минцем к нему. Не хотелось идти домой и отвечать на вопросы Ксении. Все равно хорошим все это уже не кончится.

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — сказал Минц, словно подслушав мысли Удалова.

— Нельзя быть таким жестоким, — упрекнул друга Удалов. — Дети погибли, молодые мужчины... на пороге семейного счастья.

— Да? — Минц поставил на плиту чайник. — Мне Толя чудесный жасминовый чай из Москвы привез. Наконец-то побалуемся.

— Я к тебе зашел не чай пить...

— А объяснение получить? Как доктор Ватсон от Шерлока Холмса?

— Толстоват ты для Шерлока Холмса, — упрекнул Минца Удалов.

— И лысоват, и староват. Но свое дело еще знаю. И отправлялся в будущее со своей теорией, которая там получила замечательное подтверждение. Конечно, печальное, конечно, пессимистическое — но разве история не пессимистична, разве она нас не учит тому, что люди ничему не учатся?

— С какой еще теорией?

— Что требуется путешественнику во времени? Если он едет из прошлого в будущее — достижения человеческого ума, вещи, предметы, радости жизни, которые в конце концов обернутся не радостями, а испытаниями, если залезут в жалкую цивилизацию, подобную нашей. А если он отправился из будущего в прошлое?

— Я знаю, — сказал Удалов, — я думал. Им нужны естественные предметы, шелк и хлопок, янтарь и огурцы, мед и кедровые орешки — они истратили все, что есть на Земле, и теперь тоскуют.

— А тебе не кажется, что это наша вина? Что это мы истратили то, что есть на Земле, а внукам оставили только озоновые дыры и необходимость всюду ходить в широких шляпах и плащах, чтобы меньше подвергаться действию космических лучей?

Удалов отставил чашку с кофе.

— Ты хочешь сказать, — испугался он, — что они нам так мстили за погубленные леса и нивы, отравленные реки и испоганенный воздух?

— Корнелий, не говори красиво, — отмахнулся Минц. — Какого черта внуки будут мстить дедушкам? Истреблять их?

— Вот именно! Они нас начали истреблять.

— Не мели чепухи. Еще на кладбище я задумался, а как же наши мальчики женятся на ихних красотках? Ведь им суждено было жениться на наших современницах?

— А я не догадался!

— Потому что так и не ответил на вопрос: что нужно человеку будущего от своего дедушки? Чего он не имеет?

— Не знаю, не знаю, не знаю!

— Им нужны были молодые силы. Понимаешь, им нужны были здоровые отцы для своих детей.

— Какие еще отцы?

— Сегодня наш город недосчитался шестнадцати молодых людей. Как исчезли трое из них, ты видел. Но то же самое произошло и в других районах города.

— Убийцы!

— Не убийцы, нет! Наши с тобой земляки — и Стендаль, и Гаврилов, и не известные нам люди — все они живы и сегодня празднуют свои свадьбы с оригиналами тех кукол, которые исчезли из загса.

— Они улетели в будущее?

— Как же ты не понял! Они получили от нашего времени то, чего были лишены из-за экологической катастрофы — космические лучи убили в людях способность размножаться... Неужели ты не заметил, что в будущем нет детей?

— Ты говорил, но я думал, что дети в школе.

— Будущее — трагическое общество, и виноваты в этом мы с тобой, потому что губили Землю, а Земля отомстила человеку. И ничего нет удивительного в том, что мы должны платить по счетам. Подобно тому как самых прекрасных греческих девушек отправляли в лабиринт к Минотавру, так и мы отправили, сами того не подозревая, своих молодых людей в будущее, чтобы они стали отцами нового и, может быть, более славного поколения гусярцев.

Со двора слышался отчаянный плач гражданки Гавриловой. Она оплакивала погибшего без следа сына.

— Ты ей объяснишь? — спросил Удалов.

— Есть основания полагать, что со временем для нее и других матерей будет организовано свидание с внуками. Но, сам понимаешь, не сейчас...

— Так что они, с куклами будут жить?

— Они подсылали к нам копии девочек — так, чтобы молодые люди могли выбрать себе спутницу по вкусу.

— Так кого мы женили?

— Мы женили копию на копии.

— А настоящие?

— А настоящие сейчас гуляют свадьбу в конце двадцать первого века.

* * *

Вроде бы не стоит расстраиваться, но Удалов ушел к себе удрученный. Ксения встретила его бранью — почему-то она решила, что Удалов замешан в похищении ее покупок из будущего. Пропеллер и кухонный комбайн испарились.

Удалов как смог объяснил Ксении, что виноваты в том правнуки.

Ксения поверила не до конца.

Дождавшись, пока останется один, Удалов выдвинул нижний ящик письменного стола. Понимал он, конечно, что ничего там нет и быть не может, но все же полез — обидно было, что остался без удава.

Ящик был пуст.

Удалов запустил руку вглубь. И вдруг нащупал мячик.

У него захолонуло сердце. Неужели забыли? Забыли отобрать?

Но что это?

А вдруг все же провокация?

Удалов вышел во двор, затем на улицу и прошел до сквера. Не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, какое у него обнаружилось сокровище.

Там, в интимном месте, где собирались курильщики, сбежавшие из стоявшего неподалеку туберкулезного диспансера, он положил мячик на горку окурков и щелкнул пальцами.

Вместо слона или особы женского пола на месте мячика появился конверт официального вида, толстый, тугой и гладкий.

Удалов отнес бумаги Минцу, а тот сдал их президенту Академии.

Обнаружилось, что в конверте находились документы на уплату пенсии в швейцарских франках родителям и близким всех молодых людей, которые остались в будущем, чтобы цепь поколений человечества, вернее той части его, что обитает в Великом Гусляре, никогда не прерывалась.

Мечта заочника

Профессор Минц глядел в окно. За окном сыпал мелкий дождь, не подумаешь, что середина декабря.

Но не очевидные и отрицательные изменения климата тревожили в тот момент Льва Христофоровича, а перемены в общественном сознании.

Как раз напротив деловитый, как жук, бульдозер ровнял с землей руины чудесного особняка XVII века, занесенного в списки ЮНЕСКО.

В середине того века купец Дениска Перламутров, по происхождению из Любека, разбогатевший на торговле рухлядью, то есть мехами соболей и куниц, посылавший экспедиции открывать Аляску и Калифорнию, вознамерился построить себе резиденцию, чтобы можно было принимать столичных и заграничных гостей.

Для этой цели Дениска Перламутров послал в Париж своего пасынка Савелия и его гувернера китайца Ли Бо посмотреть, что нового творится в зодчестве, и принять меры, чтобы самое лучшее внедрить в Великом Гуслеаре.

Савелий и Ли Бо искренне полюбили недавно отстроенный Версаль, в котором жил французский король. Они прогулялись по паркам и вокруг фонтанов, потом узнали, где проживают создатели Версаля, и одного из них, немолодого Франсуа Леруа, сманили на временную работу авансом вдвое большим, чем тот получил за всю работу от Людовика, а второго мастера, молодого Франсуа д'Орбе, который боялся ехать в ледовые просторы Московии, связали и уложили в длинный ящик на мягкие подушки.

С победой они возвратились в Великий Гуслеар.

Леруа с воодушевлением чертил планы и учил гуслеарских ребятишек тонкостям западной архитектуры, а д'Орбе, измученный путешествием, бастовал, не принимал никакой пищи, кроме черной икры, и ругался по-французски.

В 1666 году началось строительство дворца Дениски Перламутрова, но успели построить лишь небольшой флигель для хранения фарфора. Соседи и конкуренты донесли в Москву о безобразиях Перламутрова, из Москвы приехала комиссия, заковала

Перламутрова в железа, вывезла в Пустозерск, где купца два года томили в грязной холодной яме. Потом его пасынок Савелий, что само по себе является материалом для историко-авантюрного романа, смог подменить отца китайцем Ли Бо, добровольно пожертвовавшим жизнью ради своих добрых русских господ, и вместе с отчимом ушел через Северный полюс в Америку. Там они возглавили сопротивление апачей американскому вторжению и оставили о себе добрую память среди индейцев.

Все это дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, но является историческим фоном. Во-первых, всегда полезно напомнить, какие чудачки жили в Великом Гусяре в прошлые века, во-вторых, следует протянуть ниточку из прошлого в наши дни.

В конце XVII века местный помещик откупил у казны флигель для фарфора и попытался перевезти чудо французской архитектуры к себе на Сухону. Архитектор д'Орбе, забытый в Гусяре после драматического исчезновения Перламутрова и обитавший на паперти церкви Параскевы Пятницы, при виде армии крепостных, которые уже размотали канаты, чтобы вывозить из города изящный флигель, кинулся им наперерез. Он проклинал крепостных по-французски, и эти проклятия вкупе с видом архитектора привели разрушителей к мысли о том, что перед ними страшное иноземное привидение.

Крепостные разбрелись по лесам и вскоре разделились на разбойничьи шайки. К одной из них примкнул архитектор д'Орбе.

Но помещик, имени которого история не сохранила, не мог расстаться с флигелем и поселился там с любимой цыганкой, которая играла на клавесине и собственноручно порола дворню. Через несколько лет они довели флигель до безобразного состояния, и, может, он бы погиб, если бы не Петр Великий.

Его величество направлялся в Архангельск строить флот. По дороге он посетил Белозерск, Вологду, Потьму и Великий Устюг.

Предупрежденные о приезде государя и зная о его странной склонности к иноземным предметам, руководители города откупили у цыганских наследников безымянного помещика флигель и привели его в порядок.

Петр Первый, увидев в Великом Гусяре малый Версаль (а он знал толк в Версаях), пролил скупую мужскую слезу и решил, что

город населен искренними сторонниками его реформ. Что было не так.

Петр на радостях дал Великому Гусярю права вольного города и разрешил ему вступить в Ганзейскую лигу. Отныне гусярские корабли могли торговать в Европе беспошлинно.

Флот в Гусяре был невелик, но все же гусярские ладьи плавали в Лиссабон и Гамбург, а одна из ладей даже открыла Австралию.

Но это тоже дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, хотя является историческим фоном.

Далее судьба версальского флигеля складывалась по-разному. Одно время его держали пустым как памятное место в надежде на то, что иной государь решит посетить Великий Гусярь. Государи не появлялись.

В XIX веке во флигеле располагалось епархиальное училище, а с упразднением епископства в Гусяре там пытались устроить городской музей, но отказались от затеи, потому что во флигеле бесчинствовал дух архитектора д'Орбе.

Потом в доме поселился архиерей, который смог постом и молитвами изгнать француза.

В феврале 1930 года городской совет Великого Гусяря постановил снести дом № 19 по Пушкинской улице, с целью избавиться от напоминаний о кровавом угнетателе трудящихся Людовике XV, а также о Петре Первом. Но средств на снос не нашлось, хотя в Москву отрапортовали о выполнении решения.

В Москве в каких-то реестрах было записано, что флигель разрушен.

Так прошло много лет.

Однако в конце сороковых годов, когда поднялась волна отечественного патриотизма, из Москвы прибыла экспедиция в поисках фундамента утраченного здания, которое уже было объявлено в газете «Правда» «нашим, русским Версалем», послужившим прототипом французскому дворцу. Ни больше ни меньше.

Экспедиция отыскала по плану место, где некогда стоял флигель, и начала сносить накопившиеся за сто лет ветхие деревянные строения, чтобы приступить к раскопкам.

И каково же было удивление археологов и искусствоведов, когда обнаружилось, что в груде строений скрывается вполне

сохранившееся, если не считать колонн, здание русского Версаля.

Было немало статей в газетах, диссертаций и иностранных делегаций. Колонны восстановили, сделали их на две больше, чтобы показать преимущество советского образа жизни. Флигель объявили Домом приемов, но снова никто не приехал, и тогда его присвоил себе зампред Нытиков. Нытикова отправили на повышение в область, во флигеле остались его родичи, родичи вмешались в борьбу за власть, их посадили, и под влиянием момента флигель отдали под детский сад. Так прошло еще десять лет. Они привели к дальнейшему запустению. Каждый новый главгор клялся, что восстановит памятник французской архитектуры, но когда приходил к власти, как-то становилось недосуг.

До наших дней флигель дожил в виде жалкой дворовой собаки благородного происхождения. А вокруг него располагалась помойка, с одного краю которой гуляли дети, с другого царили бомжи.

Теперь в Великом Гусляре наступило некоторое оживление. Приехал Кара-Мурзаев, Николай Ахметович. Основал банк. Купил участок. Строит офис банка в тринадцать этажей с гранеными теремками из черного стекла.

И надо же так случиться, что этот самый версальский флигель попал под западный угол банковского небоскреба.

Общественность с запозданием засуетилась, две бабушки выходили с плакатами, учитель Авдюшкин устроил послеобеденную голодовку. Новый городской голова дал клятву корреспонденту «Гуслярского знамени» Мише Стендалю версальский флигель сохранить для потомства, но потом имел беседу с Николаем Ахметовичем, президентом «Гуслярнеустройбанка». После беседы настроение городского головы изменилось, и он стал сторонником прогресса. Хватит, сказал он старушкам и Стендалю, держаться, хвататься за прошлое. Дорогу свежему ветру с океана!

И вот теперь перед печальным взором Льва Христофоровича бульдозер сгребает в сторону остатки флигеля, который пережил и царский режим, и даже советские годы.

«Этот флигель, — размышлял профессор, — не только свидетель, но и участник русской жизни последних столетий. А что это означало для изысканного иммигранта? Он появляется на нашем балу, надушенный и напомаженный, вокруг слышны голоса восхищения, но

и ропот недовольных. И стоит случайному покровителю согнуться, как начинается эпоха пренебрежения и гонений. Версаль помнит все — шик и блеск королевского бала, шум революции и музейное благолепие. Жизнь флигеля была жизнью в страхе — вот-вот с тобой что-то сделают, сожгут, загубят, и лучше спрятаться среди хибар и быть такой же хибарой, как остальные. Чем ничтожнее, тем больше шансов выжить!

Ну что же это за страна такая! Как возможен в ней прогресс?»

...По улице прошел Гаврилов. Колю уже трудно было назвать молодым человеком, но он остался Колькой. И если не займет в жизни добротного места, то оставаться ему Колькой до алкогольной старости. Мать, что тащила его до тридцати лет, совсем состарилась, а Коля периодически брался за ум и начинал новую жизнь. Вот и сейчас, как слышал Минц от Удалова, он поступил в заочный университет Технико-гуманитарных перспектив имени Миклухо-Маклая. Хотел получить специальное финансовое образование и основать фирму. В Великом Гусяре немало фирм, в основном маленьких, торговых, даже есть свои рэкетеры, все как у больших.

Коля, проходя мимо окон профессора, кинул равнодушный взгляд на строительство. Судьба соперника Версаля его не беспокоила. Он нес с почты большой пакет. Интересно, кто же вступил с этим оболтусом в переписку?

Коля пропал, и Минц возвратился к печальным мыслям.

«Раньше, — размышлял он, — наше общество было подобно пирамиде. Наверху находился царь или генсек — неважно, как его называть. А далее в строгой последовательности располагались жильцы государства различных категорий. Была эта пирамида мафиозной, однако жила по строгим правилам. Если ты живешь в слое секретарей райкомов, то не дай тебе дьявол воровать, как секретарь обкома! Да тебе голову снесут! А вот если некто обижал обитателя нижнего яруса, он мог пойти в партком, а то и в райком. Неизвестно, получил ли бы он защиту и опору, но ответ из вышестоящей организации получил бы наверняка... Он был бесправен, боялся воров, но куда больше — властей... А теперь мы живем на поле, покрытом пирамидками — то ли кроты баловались, то ли собак там выгуливали. И каждая пирамидка живет по своим законам, никто никого не боится, потому что есть соседняя пирамидка, куда можно

переметнуться. Всем, но не нижнему слою, который вынужден ждать и терпеть».

Минц подумал, не заморозить ли ему строительство — в буквальном смысле этого слова. Опустить температуру в котловане до минус сорока градусов. Но возраст не позволяет заниматься такими рискованными экспериментами. Еще заморозишь кого-нибудь живьем! Или получится наводнение... Пора покупать компьютер! Лучший в мире компьютер — мозг Льва Христофоровича — стал сбоить. Уже не может решать одновременно больше шести-семи проблем.

* * *

Минц незаметно для себя задремал. Пожилой организм требовал отдыха.

И тут в дверь постучали.

Минц не откликнулся, он продолжал спать.

Дверь раскрылась. Коля Гаврилов, который, как и все в доме, знал, что профессор никогда не запирает двери, вошел в кабинет, зажег верхний свет и стал смотреть на профессора. Он думал, что сдал старик за последние годы — и венчик волос вокруг лысины стал совсем белым, живот не таким упругим.

— У тебя трудности с математикой? — спросил профессор.

— Я думал, что вы спите, — сказал Гаврилов.

— Спать — самое непроизводительное занятие. Мхи не спят никогда. А человек — мыслящий мох, лишайник, плесень...

— Лев Христофорович, можно совет получить?

— Это не первый совет, — сказал Минц. — И ты не будешь ему следовать.

— А вдруг последую?

Минца развеселила такая возможность.

— Ну выкладывай, — сказал он.

— Я тут учиться начал, — сказал Коля.

Он присел на стул и сгорбился, показывая свою печаль.

— Весь дом знает, что ты в очередной раз чего-то начал, — согласился Минц.

— Но на этот раз я всерьез начал, — признался Гаврилов. — Я два задания выполнил, но ведь надо и деньги зарабатывать.

Гаврилов зарабатывал деньги спасателем на реке Гусь. Он подменял в зимние месяцы по очереди всех остальных четверых спасателей, которые уходили в отпуск. А весной он сам уходил в отпуск до ноября. Вот и сейчас, под Новый год, ему приходилось сидеть на вышке с биноклем, кутаясь в служебную доху.

— А что же случилось с третьим заданием? — спросил профессор.

— Не могу понять, — сказал Коля. — Все просмотрел, а не понимаю. Ведь считается, что я его написал, а я человек, как понимаете, гордый.

— То есть написал и не понимаешь?

— Вот именно.

— Значит, ты гений, — сказал Минц. — Так только с гениями бывает. Вот, рассказывают, Эйнштейн написал свою бессмертную формулу и два дня думал: «Что же я это накалякал?»

— Вот именно, — сказал Гаврилов. — У меня то же самое.

— Показывай, Эйнштейн.

— Сначала я должен признаться, — сказал Гаврилов и извлек из кармана мятую газетную вырезку. — Должен признаться, что воспользовался. Ведь я спасателем работаю, времени в обрез.

Минц прочел объявление, вырезанное из газеты:

Международный университет экономики и искусства сообщает:

Проанализировав выполненные курсовые и дипломные работы, предлагаем заочникам, которым не хватает времени или профессионального уровня для грамотного выполнения курсовых и дипломных работ и у которых есть финансовая возможность оплатить выполнение данных услуг:

1. За курсовую работу по учебному плану или по теме, выданной институтом (объем 30 машинописных страниц), — 50 условных единиц США.

2. За дипломную работу в двух экземплярах (объем 60–80 машинописных страниц) — 110 условных единиц. При

этом посещать институт не требуется^[4].

— Такого я еще не видел, — сказал Минц. — Вы только подумайте! За сто баксов — полновесное высшее образование! Неужели ты не соблазнился?

— Я сначала на курсовые соблазнился. По полсотни за раз.

— И как, удалось?

— Засчитали. Я тогда решил — чего тянуть? Закончу университет за год! Как Ленин.

— А Ленин им тоже по полсотни платил? — ахнул Минц.

— Они в проспекте намекали, что он тоже. Только я сомневаюсь. Он, говорят, давно умер.

— Молодец! А в чем теперь у тебя проблема?

— Мне они следующую курсовую прислали. По математике. Завтра сдавать пойду, а вдруг чего спросят по ней? А я — не секу, кем мне быть — не секу! Я и в школе уравнений не выносил.

— А я при чем?

— Посмотрите, дядя Лева, а вдруг чепуха?

— А долларами со стариком поделишься? — пошутил Минц.

К сожалению, Гаврилов принял его слова всерьез.

— Много не отстегну, дядя Лева. Не больше десятки. Большие расходы, понимаешь.

— Десятка — тоже деньги, — не обиделся Минц. — Истрать их на мороженое, бездельник. Где твоя писулька?

Гаврилов, стесняясь (потому что так и не понял, будет брать профессор с него десятку или пожалеет), протянул папку, на которой было типографским способом напечатано: «ДЕЛО №__».

Минц вздохнул и взялся за чтение, заранее содрогаясь от того бреда, который ему придется прочесть.

Но когда он пробежал глазами первый абзац, то подумал о другом: видно, аферисты в Международном университете экономики и искусства пошли по наипростейшему пути. Они брали уже опубликованные работы и перепечатывали их на машинке, в расчете на то, что экзаменаторы в соседнем с ними университете читать ничего не будут.

«Но я их сейчас ухайдакаю, — с тайной радостью подумал профессор. — Они же не думали, что эти копии попадутся на глаза

человеку с феноменальной памятью».

Минц прочел в своей жизни несколько тысяч чужих статей и монографий, и все они лежали в его мозгу, словно выжженные на фанерке.

Профессор принялся читать.

И чем дальше он читал, тем большая растерянность охватывала его.

Да, общая тема статьи была ему чем-то знакома, но не более того. И уравнение, которое пытался решить автор, то есть заочник Гаврилов, гнездились на периферии памяти. Что такое... $X^n + Y^n = Z^n$ при $n = 2$? Почему сердце Минца пложет совершенство этого уравнения? Где, черт побери, он его встречал?

— Где же я, черт побери, его встречал? — спросил Минц у Гаврилова, уткнув палец в уравнение.

— А где? — спросил Гаврилов.

— Вот именно, — сказал Минц.

И догадался.

Все оказалось просто.

Речь шла всего-навсего о теореме Ферма.

Триста пятьдесят лет назад французский математик по фамилии Ферма сообщил миру, что это уравнение не имеет целых положительных решений для $n = 2$. «Ну и что?» — ответили ему современники. Равнодушие современников настолько травмировало математика, что он забыл сообщить, как же он дошел до такой мысли и как можно доказать такую простую и забавную теорему.

Гаврилов даже в носу ковырять перестал, так его испугали перемены в облике профессора. Тот покраснел, лысина запотела и заблестела, на носу тоже выступили капельки пота, губы беззвучно шевелились, а глаза остекленели.

— Что с вами, дядя Лева? — спросил Гаврилов. — Трудная математика? Не по зубам?

Минц словно не услышал вопроса. Он сурово сдвинул брови и задал вопрос:

— Ты чего натворил?

— А чё? — оробел Гаврилов.

— Если все это ты сам написал, то лучше сразу сознаться.

— Кем мне быть — не я! Я только баксы отстегнул. Говорю же, что не понимаю этих уравнений! В чем дело, дядя Лева?

— А в том дело, — торжественно произнес Лев Христофорович, — что человечество может вздохнуть с облегчением. Теорема Ферма доказана!

— Ну и слава богу, — откликнулся Гаврилов. — Я рад за человечество. Давайте папочку, я пошел.

— Никуда ты не пошел. И ничего ты не понял. Ты обязан сообщить мне имя и адрес автора этой работы.

— Откуда мне знать?

— Напрягись!

— А мне это без разницы.

— Ты знаешь, сколько стоит эта курсовая?

— Думаю, что и пятидесяти баксов не стоит.

— Она стоит... — Минц вскочил с кресла, подбежал к книжным стеллажам, вытащил с полки какой-то пузатый справочник на иностранном языке и принялся его листать.

Гаврилов замер. Сейчас что-то случится.

Минц отыскал нужную страницу и перевел на русский:

— Доказательство теоремы Ферма ныне оценивается с превышением суммы в двести тысяч долларов США. Эту сумму готовы заплатить Американская Академия наук, Британское королевское общество, Фонд Сороса, а также муниципалитет города Лион во Франции, который также обещает предоставить победителю звание почетного гражданина Лиона.

— Почетного гражданина? — понял Гаврилов. Прочие награды по причине грандиозности не отпечатались в его сознании.

— Не тебе, — сказал Минц. — Не тебе, бездельник.

— А мне? Мне же причитается!

— Молчать! — рявкнул Минц. — Дай-ка мне адрес Международного университета!

Случилось чудо. Теорема, которая не давалась величайшим математикам мира, покорилась неизвестному сотруднику сомнительного университета.

Не задавая больше вопросов, но тяжело дыша и даже покашливая, Гаврилов пошел с Минцем к себе и отдал ему конверт от реферата. С этим пакетом Минц и отправился в университет, который, оказывается, располагался в доме купца Пиренева как раз перед речным техникумом.

Университет занимал не все двухэтажное здание, а только две комнаты в подвале, вход со двора. Дверь разбухла от зимней влаги, звонка на ней не было.

С большим трудом Минц отворил дверь. Она визжала, будто ее убивали.

В первой комнате никого не было. Во второй оказалась молодая женщина с наглым советским торговым лицом. Она сидела за ученическим письменным столом и распечатывала письма.

Минц простоял с минуту в дверях, девица его не заметила. Она вынимала из конвертов письма. Если обнаруживала в конверте купюру, то клала письмо направо, а если денег не было, то кидала в помойную корзину.

— Здравствуйте, — сказал Минц. — Можно ли увидеть вашего ректора?

— Нет у нас лекторов, — ответила девушка, — у нас обучение заочное. — Она накрыла стопку денег широкой ладонью и сдвинула их по столу к себе так, чтобы можно было свалить стопку на колени. — А вам чего? Если поступать, то по пятницам, а можно по переписке.

— Я именно по переписке, — сказал Лев Христофорович.

— Если претензии, то деньги не возвращаются.

Лев Христофорович подпал под влияние этой наглой девицы и говорил с ней так же отрывисто и быстро, как она сама.

— Деньги не нужны, — сказал Минц.

— Что нужно?

— Адрес.

— Адресов не даем.

— Конкурентов боитесь?

— Не говорите! У нас в Гусяре из трех университетов наш самый клевый.

— Мне надо поговорить с вашим человеком, — сказал Минц. — С тем, кто заочно курсовые пишет по пятьдесят долларов.

— Ну вот, блин! Придется гнать его в три шеи! — рассердилась девица, хотя Минц ни сном ни духом не собирался подводить автора курсовых.

— Вы кого имеете в виду? — осторожно спросил Минц.

— Кого-кого? Кого и вы! Бруно Васильевича, черта старого! Я ему сколько раз говорила — не умничай! Не выкобенивайся, не будь других умнее! У нас в писателях достойные люди работают. Один кандидат ветеринарных наук, кем мне быть! У всех высшее образование, понимаешь? Третья жалоба за неделю! Нет, я Боре прямо скажу — гнать его, или потеряем клиентуру!

— А может, я другого имею в виду?

— Нет, — твердо сказала девица. — Дайте мне фамилию заочника, и вы увидите, что я права. Гнать его будем.

— Заочника?

— Бруно паршивого.

— Гаврилов, — сказал профессор. — Николай Гаврилов. Первый курс.

— А у нас до второго еще никто не дотянул, — зловеще произнесла девица, словно призналась, что второкурсников приносили в жертву кровавым богам науки.

Толстые, украшенные вишневыми ногтями пальцы шустро пробежались по картотеке на углу стола.

— Гаврилов, — сказала она, — Послано две курсовых. За одну еще не плочено. Вы деньги принесли?

Девица вдруг резко обернулась к дверям. Видно, у нее было развито чутье — ждала удара в спину?

— А вот и он, — сказала она почти радостно. — Явился не запылится. Тебя уже с милицией ищут. Шут гороховый!

В подвале было не очень светло, вошедший не сразу разглядел Минца, да и Минц его разглядеть не успел.

— С милицией? — прошептал голос от двери, и тут же послышались легкие неверные шаги, спешившие прочь.

— Сбежал, блин, — сообщила девица. — Даже денег просить не стал. Напугали мы его с вами!

Она дробно рассмеялась, а Минц кинулся вверх по лестнице.

Конечно, консультант Бруно Васильевич далеко не ушел. Был он немолод, куда старше Минца, худ и плохо одет. На ногах у него были

валенки с калошами, совсем уж редкая в наши дни обувь. А выше — черное узкое пальто и лыжная шапочка, вроде бы голубая.

— Стойте, — сказал Минц.

Бруно Васильевич припустил прочь.

Пришлось, скользя и чуть не падая, бежать за ним по переулку.

Старик оказался шустрее, чем думалось, но все же возраст взял свое. Минц, уже разозленный от прыти беглеца и от того, что ему не желают подчиниться, разогнался, прижал старика к высокому забору и сердито заговорил:

— Не бегите, я вам вреда не причиню. Только ответьте на один вопрос.

Старик дышал часто и быстро.

Он был невелик ростом, расплющенный нос и выпяченные губы выдавали негритянскую кровь — впрочем, каких только кровей не найдешь у наших соотечественников. Может, потому русский расист всегда не уверен в себе, требует паспорт у идеологического противника, но избегает показывать свой. Ох, не блюли себя наши предки!

— Только один вопрос, — сказал Минц. — Вам говорит что-нибудь имя Ферма, Фер-ма, ударение на последнем слоге?

— Французский математик семнадцатого века, — ответил старик.

Он замолчал и поднял лицо к серому безнадежному небу, из которого вываливались снежинки и, подлетая к земле, превращались в холодные капельки дождя.

— Правильно, — сказал Минц. — И он, в частности, известен теоремой, названной в его честь... Где бы мы могли поговорить?

— Не о чем нам разговаривать, Лев Христофорович, — сказал старик.

Минц не удивился. Преимущество, как и недостаток жизни в небольшом городке заключается в том, что тебя знают. И ты обязан всех знать.

— Можем пройти ко мне, — сказал Минц. — На Пушкинскую. Угощу вас чаем с морошкой. Прислали из Норвегии. Мой аспирант всегда присылает бочонок к годовщине смерти Пушкина.

— Нет, — отказался старик. — Мне не о чем с вами говорить. Я устал.

— Мне ничего от вас не надо, — сказал Минц. — Я хотел бы лишь засвидетельствовать вам мое расположение.

— Ах, не надо шуток! — отрезал Бруно Васильевич. — Немало людей в моей жизни обещали расположение и даже деньги. Однако заканчивалось это очередным разочарованием. Вы хотите использовать меня? Не удастся. Я бесполезен.

— А это? — спросил Минц, поднося к носу Бруно Васильевича курсовую работу Гаврилова.

— Это — свидетельство моего бессилия, — уверенно ответил Бруно Васильевич.

— Если вы не хотите идти ко мне, — сказал Минц, — я вас провожу.

— Ах, зачем вам это? — почти плакал старик. — Побалуетесь, посмеетесь над стариком, а мне потом еще хуже станет! Зачем вам, профессору, к которому академики приезжают, из Норвегии морошку присылают, ну зачем такому человеку марать руки о мое ничтожество?

— Хватит! — прикрикнул Минц, который мог быть решительным и жестким, если к этому склоняли жизненные обстоятельства. — Вы не идете ко мне, тогда мы идем к вам.

— Ко мне нельзя, — сказал Бруно Васильевич, — у меня соседка злая.

— Я тоже злой, — сказал Минц.

Бруно Васильевич совсем оробел и более не возражал. Он молчал до самого дома. Минц тоже молчал. Ему было неловко за то, что напал на беззащитного человека.

Они остановились перед черным от времени двухэтажным бревенчатым баракком. Когда-то в Великом Гусляре построили целый район этих домов — десятка три. Решили развивать лесную промышленность за счет ссыльных. Было то в начале тридцатых годов. Район называли Бревнами.

С тех пор многое изменилось. И народ уехал, и бараки снесли почти все.

— Вы с тех пор здесь живете? — догадался Минц.

— Нет, — ответил Бруно Васильевич, — мы не местные.

В сенях было совсем темно, Бруно Васильевич шуршал, водил пальцами по стенке, отыскивая ручку своей двери.

— Я не запираю, — сказал он.

В его комнате было полутемно, окно завешано шторой. Из разных темных углов к ним двинулись кошки, они не мяукали, а только сверкали глазами.

— Они тоже знают, какое к ним отношение моей соседки Марии Семеновны, — прошептал Бруно Васильевич. — Она уже неоднократно обещала вызвать милицию.

Кошки пропустили людей внутрь комнаты. Они стояли вокруг, подняв мордочки и ударяя по полу хвостами; их было больше полудюжины.

— Вы чувствуете, какие они голодные? — спросил Бруно Васильевич.

— Да, — сказал Минц.

Кошки смотрели на него, как дети в приюте, которые понимают, что плакать — безумие. Побьют и не накормят.

— Я сейчас, — сказал Минц.

Он хотел побежать на угол, там был продуктовый магазин. Но бежать не пришлось, потому что из-под лестницы вышла наглого вида бабка в норковой шубе. Она несла большую коробку, на которой была изображена кошка и написано «Вискас».

— Деньги принес? — спросила она.

— Познакомьтесь, — сказал Бруно Васильевич. — Мария Семеновна. Наша соседка и спасительница. Однако, к сожалению, я должен вас, Мария Семеновна, разочаровать. Не дали мне денег в университете. Не дали, просили завтра зайти.

— Сколько стоит? — спросил Минц.

— Плюс пятнадцать процентов, — сказала Мария Семеновна. — Но и меня понять можно — пенсия у меня не человеческая, а кошачья. А желудок, простите, человеческий.

Минц купил коробку с кошачьим кормом, Мария Семеновна ушла, пересчитывая деньги, Бруно Васильевич и кошки смотрели на Минца не отрываясь. Минц почувствовал, что и Бруно Васильевич готов отведать кошачьего корма.

Комната была бедной, захламленной, заставленной рассыпающимися вещами, как будто ее специально сделали такой, чтобы кошкам было удобнее играть в прятки.

Бруно Васильевич поставил коробку на пол, а кошки начали остервенело рвать картон.

Комната была надвое разделена занавеской. Из-за нее донесся глухой, задыхающийся голос:

— Ты получил гонорар?

И непонятно было, мужской это или женский голос.

Бруно Васильевич обернулся к профессору, приложил палец к губам, а затем сказал:

— Гонорар за лекции обещают заплатить к концу недели. Сегодня в кассе денег не было.

— Ты всегда так! Лентяй! — сердились за занавеской. — Пошел бы раньше, тебе бы досталось.

Кошки шуршали оберткой «Вискаса». Шарики рассыпались по полу, кошки подхватывали их и хрумкали.

— Садитесь. — Бруно Васильевич показал на стул, сам сел на продавленный диван.

— Я готов вам одолжить, — сказал Лев Христофорович. — Сколько вам нужно?

Бруно Васильевич не успел ответить, как из-за занавески послышалось:

— Кто там у тебя? Почему незнакомый голос?

— Это мой коллега, мама, — сказал Бруно Васильевич. — Профессор Минц.

— Не имею чести, — сказала мама Бруно Васильевича.

Резким движением она откинула занавеску и выехала к гостю.

Мать Бруно Васильевича, немолодая черноволосая губастая женщина, находилась в инвалидной коляске. Одета она была в черное, расшитое стеклярусом платье. Колени мамы были покрыты пледом, давно превратившимся в невнятную тряпку. Руки, лежавшие на тряпке, были усыпаны перстнями. Кошки перестали есть и уселись в ряд, демонстрируя уважение к хозяйке.

— Вот так и живем, — сказал Бруно Васильевич.

— Я рад с вами встретиться, — сказал Минц матери консультанта. — К сожалению, я не был знаком с вами раньше.

Мама прикрыла яркие карие глаза.

— Вы состоятельный человек? — спросила она.

— Относительно.

— Распространяется ли ваше благосостояние на бутылку шампанского?

— Разумеется, — сказал Минц.

— Тогда докажите это, — сказала мама.

Минц достал бумажник, открыл его, вытащил купюру с видом концлагеря в Соловках.

— Мама, мне стыдно за вас, — сказал Бруно Васильевич.

Минц подумал, что старик сохранился хуже, чем его мама. Впрочем, с женщинами восточного типа это случается. Они как бы консервируются.

Мама нажала на кнопку в ручке инвалидного кресла.

Тут же в дверях, словно поджидала сигнала, появилась Мария Семеновна. Она держала поднос с четырьмя бокалами и открытой бутылкой шампанского «Новый свет».

— Отечественное, — сказала она и поставила поднос на овальный столик, для чего пришлось сбросить на пол несколько книг. Кошки зашипели.

Мама первой подъехала к столу. Остальные тоже взяли бокалы.

— Брют, — сказала мама. — Спасибо тебе, Мария Семеновна. Хоть ты и сволочь, но иногда в тебе что-то просыпается.

— Это от жадности, — призналась Мария Семеновна.

Она вытащила из пальцев Минца купюру и сказала:

— Сдачи не жди, Христофорович.

— Мы знакомы? — спросил профессор.

— Ты соблазнил меня, когда учился на втором курсе, — сказала Мария Семеновна и, звонко расхохотавшись, убежала из комнаты. Только тут Минц сообразил, что не удосужился рассмотреть соседку.

Мама пила медленно, плоточками. Бруно высосал шампанское, не отрывая губ от бокала.

— Что вас к нам привело? — спросила мама.

— Счастливый случай, — ответил Минц. Шампанское приятно ударило в голову, чего не могло случиться от обычного вина.

— Профессор увидел у одного из заочников статью, то есть курсовую о теореме Ферма, — пояснил Бруно Васильевич.

— Господи, — сказала мама, — это позавчерашний день!

— Мама, вам вредно так много пить, — сказал Бруно.

Мама протянула руку с пустым бокалом. Рука не дрожала. Бруно отрицательно покачал головой. Минц подумал, что тезка консультанта так же качал головой на требования инквизиторов отказаться от идеи множественности миров.

Мама повернулась к профессору и протянула бокал в его направлении.

Минц взял со стола бутылку и налил маме шампанского. Бруно Васильевич был недоволен.

— Спасибо, — сказала мама, — но, надеюсь, вы не выдадите нас? Вы производите впечатление порядочного молодого человека.

Минц вопросительно взглянул на Бруно Васильевича.

— Мама, — попросил тот, — допейте до конца и идите отдыхать.

— Ах, — произнесла мама, — покой нам только снится! Если бы я не работала, то давно бы состарилась.

Держа бокал, как флажок на прогулке, мама уехала за занавеску. Бруно Васильевич закрыл дверь в коридор. Коты хрустели шариками корма.

— Моя беда в том, — сказал Бруно Васильевич вполголоса, — что мама здесь не прописана. Эта история берет начало в том трагическом периоде нашей истории, когда я был выслан сюда как сын врага народа. Папа был расстрелян как враг народа, а мама сидела в лагере как жена врага народа. Я не мог получить образования...

Неожиданно Бруно Васильевич всхлипнул и вытер рукавом щеку.

— Я помню, как принес своему мастеру изобретение. Тот его одобрил. И велел забыть. «Как только попадешь на вид, ссылкой не отделаешься».

— Кстати, — слышалось из-за занавески, — я испытала этот страх еще до революции. Я пришла на кафедру химии к господину Столетову. Ему нечего было сказать по сути дела, но он и не стал читать. «Что может принести немытая цыганка? Где швейцар? Кто пустил ее в стены?»

— Мамочка, сколько раз вам говорить! Это был не Столетов, а академик Бах. Столетов никогда бы себе не позволил таких слов.

— Может быть, память играет со мной жестокие шутки. Но Василий Генрихович, бывший анархист — на какие уловки он ни шел, чтобы скрыть свои способности! Но ведь не удалось!

— Василий Генрихович — мой папа, — сказал Бруно. — Папа командовал дивизией у командарма Егорова. Он делал вид, что почти неграмотный. Но ведь проговорился...

— А что Васе оставалось делать? Дивизия попала в холеру. Пришлось придумать сыворотку для лечения. Когда все выздоровели, шестьсот больных, не считая гражданских лиц, то, конечно же, об этом сообщили Троцкому. А Троцкий вызвал Василия в Москву. К счастью, не расстреляли, а дали лабораторию.

— А судьба сыворотки от холеры? — спросил Минц. — Ведь таковой и сегодня не существует.

— Лабораторию Васи чекисты расстреляли из пушек, — послышался голос из-за занавески. — Это совпало с репрессиями против анархистов в армии.

Минц осторожно спросил:

— А кто из вас... Я имею в виду вас или вашего батюшку... Кто из вас интересовался математикой?

— Вы все о теореме Ферма? — спросила мама из-за занавески.

— В частности.

— Я вам многим обязана, профессор, — сказала мама, — я давно не могла позволить себе даже рюмку этого зелья... Понимаете, мы с Бруно столько лет боялись, столько лет таились, что начали записывать некоторые результаты своих размышлений лишь недавно, с начала девяностых годов. Кое-что осталось от папы...

— Я не получил настоящего образования, — сказал Бруно. — Приходилось самому проходить университеты.

— А ваш отец?

Дверь из коридора открылась, сунулась рожа Марии Семеновны, женщины пожилой и толстолицей.

— Я вам сама скажу, они от страха врать будут, — заявила она. — Василий Генрихович — чистой души человек. Он всегда здесь жил, еще с тех времен...

Бруно Васильевич кинулся к двери и захлопнул ее, чуть не прищемив нос соседке. И уже сквозь дверь закричал:

— И не смейте вмешиваться в нашу жизнь!

— А сколько можно трепетать? — слышалось из-за двери. — Времена у нас другие пошли!

Из-за занавески послышался стрекот пишущей машинки.

Это настолько удивило Льва Христофоровича, что он сделал шаг и заглянул за занавеску. Он увидел, что мама поставила на колени старинную портативную машинку и строчит на ней.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Бруно. — Это у нее рефлекс. Это у нее от волнения и от шампанского.

— А нельзя ли мне ознакомиться...

— Ничего интересного вы не найдете, — сказал Бруно Васильевич. — Не надо копаться в прошлом.

Мама оторвалась от машинки.

— Я вечно воюю с мальчиком, — сказала она. — Но он у нас кормилец. Куда мне без него? Возьмут в приют, машинку отнимут. Вот я и помру.

— Времена изменились. — Минц повторил слова соседки. — Чего вы боитесь? При удачном стечении обстоятельств доказательство теоремы Ферма принесет вам сотни тысяч долларов.

— Вы думаете, что мы — выжившие из ума анахореты! — закричала мама. — Мы не хуже вас знаем, что времена изменились. Мы уже семь лет как посылаем наши статьи и заметки в серьезные журналы. Нам даже не отвечают.

— Но почему?

— Что бы вы сделали на месте редактора журнала «Природа», если бы получили статью о практических проблемах бессмертия с обратным адресом «Великий Гусляр, улица Кривобокая»? Не пожимайте плечами, у них там тоже есть мусорная корзина. Так что для нас нет разницы между террором и демократией...

— Вы преувеличиваете! — возмутился Минц. — Я сегодня же напишу письмо главному редактору журнала «Природа», кажется, там Александр Федорович. Чудесный человек, большой ученый...

— И подпишетесь: «профессор»?

— Разумеется.

— У вас мафия похлеще уголовной, — вздохнул Бруно.

Из-за занавески донесся мамин голос:

— Сынуля, напомни постоянную Планка. Совсем склероз заел.

— Мама, не позорь наше семейство! — воскликнул Бруно Васильевич. — Энергия равна аш эф, где эф — частота осциллятора...

— Аш и будет постоянной Планка. — Минц поддержал Бруно Васильевича.

— Спасибо, мальчики, — откликнулась мама.

На этажерке громоздилась кипа машинописных листов.

— Это все ваши... опусы?

— Никому ни слова! — прошептал Бруно. — У нас отнимут комнату. Мы живем как пенсионеры-инвалиды...

— А меня отдадут в богадельню, — сказала из-за занавески мама. — У меня паспорт просрочен.

— У меня тоже, — сказал сын.

— Отдадут, каждый день жду, когда участковый придет и освободит помещение. — Мария Семеновна вошла с подносом, на котором стояла вторая бутылка шампанского. — Я уж на них всюду написала. Только теперь все так распустились, что на сигналы не реагируют.

— Маме нельзя больше пить, — сказал Бруно. — Вы же знаете, что в ее возрасте...

— Ах, оставь, живем лишь дважды, — ответила мама, выезжая из-за занавески. — Разливайте, профессор.

— Как же это началось? — спросил Минц, отхлебывая из бокала. — Я имею в виду эти курсовые?

— Это я посоветовала, — сказала Мария Семеновна. — Негде повернуться от бумаги.

— Мы получаем в университете списки адресов, — сказал Бруно. — Раскладываем по конвертам никому не нужные статьи. И рассылаем.

— Значит, Гаврилов не исключение?

— Он один из сотни. Каждая статья приносит нам не меньше двадцати рублей чистого дохода.

— Нужда, — вздохнула мама. — Она чему хочешь научит.

— И вы не боялись разоблачения?

— Ну кто будет читать курсовые заочников, если они напечатаны без правки через два интервала? — спросил Бруно.

— Я замечательная машинистка, — похвалилась мама. — Я даже пыталась зарабатывать так деньги. Но случилась беда: с середины второй страницы я начинала печатать собственный текст. Меня выгнали.

Бруно поставил на стол пустой бокал и обернулся к Минцу:

— Ваше появление — тревожный сигнал. Это должно было случиться. Рано или поздно.

— Мое появление — замечательный сигнал! — возразил Минц. — Ваш талант вернется к людям.

— Не только людям плевать на наш талант, — отозвалась мама, — но и мы сами в нем разочаровались.

Но Минц был настойчив.

— Я вам гарантирую славу и благополучие! У вас остались вторые экземпляры так называемых курсовых?

— Мы никогда не тратим лишнюю бумагу, — сказал Бруно. — Надо экономить.

Минц подошел к этажерке и стал по очереди поднимать листы. Он стряхивал с них пыль и моль... Он зачитался.

Через полчаса он произнес:

— Я не нахожу слов. Каждая строка — шаг человечества в будущее, а вас — в бессмертие.

— Я тебя предупреждала, — сказала мама. — Он нас подведет под монастырь.

— Он утверждает, что времена изменились!

— Как бы они ни менялись, но вечный закон российской жизни остается прежним: не высывайся!

Сын с матерью поссорились, в ссору вмешалась Мария Семеновна.

Минц временно раскланялся. Он спешил в Международный университет. Ему нужны были адреса заочников, которые получили свои курсовые и дипломы. Надо было спасти многолетний труд странного семейства.

К сожалению, поход Минца не дал результатов. На двери университета висел амбарный замок, а у входа маялись кредиторы.

Огорчению Минца не было границ. Он ринулся обратно на Кривобоковую улицу.

У дверей барака его ждала Мария Семеновна.

— Не спеши, Лев Христофорович, — сказала она. — Только что они собрались и ушли.

— Куда? Зачем? Ведь я же сказал, что эпоха непризнания завершилась.

— А они говорят, что им еще пожить хочется. Машинку в рюкзак, бумаги в мешок, а кошки за ними сами побежали.

— Вы должны знать, куда они уехали.

— Мне, Лев Христофорович, дорога память об их папе Василии Генриховиче д'Орбе. Не дам тебе их координатов, хоть пытай, хоть убей. Своей любовью ты их погубишь.

— Можно хоть заглянуть в их комнату? — упавшим голосом произнес Минц.

— Заходи, сделаю для тебя такое одолжение в память о твоих горячих ласках. Но я все равно ее на свое имя перепишу, а что осталось — на помойку.

Минц смутился. Он прищурился, разглядывая Марию Семеновну, но в этой полновесной пожилой женщине не смог угадать своей юношеской жертвы.

Комната была почти пуста. На этажерке лежал забытый конверт с надписью: «Курсовая работа курсанта 2-го года обучения Речного техникума». В нем обнаружилась сжатая скрепкой статья под таким названием: «К вопросу о выведении токсинов из организма».

Минц по привычке заглянул на последнюю страницу. Кончалась статья так:

«Пользуясь нашим методом вывода из организма токсинов с помощью энзима „Ф“, можно продлить человеческую жизнь до бесконечности. К моменту завершения настоящего исследования продолжительность жизни подопытных добровольцев Бруно д'О. и его матери Э. С. достигла соответственно двухсот восьмидесяти лет и трехсот двух, что, разумеется, не является пределом».

* * *

Больше Минц не видел этих людей и не слышал о них.

Проблемой выведения токсинов из человеческого организма по методу д'Орбе занимаются два открытых и шесть закрытых институтов. Достигнуты обнадеживающие результаты.

Версальский флигель напротив дома № 16 по Пушкинской снесли окончательно. Здание банка поднялось на тринадцать этажей сплошного черного стекла.

Скандал

Самый громкий скандал за всю историю города Великий Гусяр случился по причине мягкого характера профессора Минца. Уж кому-кому, но профессору пора знать, что любое изобретение, а тем более великое, влечет неприятные последствия. Подобно сильному лекарству от чесотки, которое вызывает ангину, гипертонию и глухоту. Мне вообще кажется, что в современной медицине доктор обязан лечить не от болезней, а от лекарств. Продолжительность жизни, может, и не увеличится, но мучиться будут меньше. Иначе получишь кирпичом в окно.

Удаловская жена Ксения нередко пользовалась добротой профессора в корыстных целях. Вот и в тот лазоревый с золотом последний день лета она пришла к нему с тайным умыслом урвать что-нибудь от профессорского таланта. Поэтому прежде чем постучать к соседу, она натерла луком глаза.

Профессор играл с компьютером в шахматы и поэтому не сразу сообразил, почему Ксения стоит в дверях, смотрит на него красными глазами, держит в руке детскую курточку и притом от нее сильно несет луком.

— Что случилось? — спросил профессор. — Что-нибудь с Корнелием? С сыном? С внуком?

— С внучонком, Максимкой, — всхлипнула Ксения. Получилось очень натурально.

— Заходите, что же вы. — Профессор посторонился и убрал с дороги тугой живот. — Рассказывайте.

Ксения втиснулась в дверь, но дальше не пошла, оробела перед компьютером, потому что тот незнакомым басом прорычал:

— Время, профессор! Не сделаешь хода, считай, что у тебя упал флажок.

Минц кинул взгляд на партнера и снова обернулся к Ксении. Он пребывал в нерешительности.

— Да выключите вы эту железку! — приказала Ксения. — Никуда от них не деться! Скоро власть захватят.

— По крайней мере порядка будет больше, — огрызнулся компьютер. Тут Минц его выключил.

— Садитесь, — попросил он Ксению.

— Некогда. У меня проблема, другими словами, беда...

— Говорите! — остановил Минц готовую зарыдать соседку.

— Вот, трагедия моя, — сказала Ксения, протягивая курточку.

— А что в ней плохого? Отлично сшита.

— Отлично. Ясно, что отлично, сама шила. Да мала оказалась! Такой материал подсунули, импортный. Как постирала — курточка сразу в два раза уменьшилась.

— Но чем я могу помочь?

— Максимке вот-вот в школу, — сообщила Ксения. — А курточки нет. Не в чем идти в школу моему малышке, моему сладенькому внучонку.

— Но может, найдете что-нибудь...

— Убью, — по-соседски предупредила Ксения профессора. — И не думайте увильнуть! Сколько раз спасали, еще раз спасете.

— Но я не знаю, как увеличивать куртки.

— Ученый должен все знать.

И тогда Минц сдался. Он всегда сдавался, если в бой шла Ксения.

— Я придумаю что-нибудь, — сказал он.

— Когда?

— Завтра, послезавтра! — вскипел Минц. — Не могу же я контролировать творческий процесс.

— Хорошо, — смилостивилась Ксения. — После обеда ждите.

Так, наверное, разговаривала статуя командора со всякими донжуанами.

Ксения покинула профессора и оставила курточку на спинке стула, словно шпиона в лагере врага.

Минц включил компьютер, но быстро проиграл ему. Мысли его так и не вернулись к спокойным играм. Минц получил вызов. Он его принял. Теперь надо было решить задачу.

Решать ее придется неординарно. Ординарно ее давно бы решили. Расшивать, расширять, дошивать, ставить заплаты... это все не для нас.

А что для нас?

Минц шагал по комнате, и пол вздрагивал от его тяжелых шагов.

— Стоп! — сказал он вслух.

Подошел к телефону, набрал номер небольшого городка на острове Сулавеси в стране Индонезия. В этом городке жил ботаник и путешественник доктор Сударито, статью которого Минц прочел в прошлом году, заинтересовался ею, но никак не мог придумать, куда бы приспособить открытие индонезийца. А вот теперь забрезжило...

* * *

Ксения пришла вечером, как обещала. Минц ее обнадежил и выгнал. Сказал, что ждет авиапосылку с острова Сулавеси. Как только произведет над ней нужные манипуляции, Ксения получит свое средство для исправления неудачных предметов одежды.

Посылка пришла через четыре дня, а последующие сутки Ксения в основном провела под дверью профессора.

Время от времени она спрашивала через дверь: — Ну как наши дела?

А подученный профессором компьютер отвечал ей:

— Иди спать, соседка!

Наконец Минц впустил женщину.

— Садитесь, Ксения, — велел он. — Я вам сразу расскажу о принципе моего открытия, чтобы вы потом не ссылались на невежество.

Ксения уселась на шатучий стул и схватилась за угол стола, потому что была женщиной полной, тяжелой и боялась падений.

— На острове Сулавеси, в прибрежных мангровых зарослях доктор Сударито отыскал странный лишайник, названный им Охролахия пассибулифера. Пассибулифера характерен тем, что у него имеется выразительный налипкой мелкозернистый таллом. Апотации небольшие, вогнутые, бледно-желтые, слошечковидный край апотации тонкий... Вам неинтересно?

— Ой как интересно! — ответила Ксения.

— Впрочем, я не буду тратить время на ботанику.

— Ну и правильно, бог с ней, с ботаникой.

— Главное то, что пассибулифера обладает удивительной способностью как бы обволакивать растения и затем, в снятом виде,

сохранять форму растения. Скорость роста этого лишайника умопомрачительная! Но для нас это лишь полуфабрикат.

Минц достал с полки флакончик из-под духов «Арамис» и поболтал.

— А это, — сказал он, — конечный продукт. Наша с вами революция в швейном деле.

— А как нам ее совершить? — спросила Ксения.

— Для этого вам бы неплохо раздеться...

— Чего?!

— Нет, вы не подумайте, Ксения, я понимаю ваше смущение, хотя должен признаться, что как женщина вы не вызываете во мне эмоций.

— Лев Христофорович, я человек терпеливый, но можешь и по роже лица схлопотать! — грубо ответила обиженная Ксения. Этот возглас не означал, разумеется, какой-либо особой склонности Ксении к соседу.

— Переходим к демонстрации, — быстро сказал Минц и закатал рукав своей рубашки.

Затем он взял со стола лоскуток клетчатой ткани, впрок заготовленный для опыта, и приложил к обнаженному локтю. Потом открыл флакон и капнул несколько раз на ткань.

Тут же на глазах лоскуток стал расти, расползаться по руке, и через минуту изумленная Ксения увидела, что на руке профессора образовался рукав, как бы третий рукав рубашки. Правда, он был длинноват и продолжал удлиняться, но Минц другой рукой протянул Ксении ножницы.

— Пожалуйста, укоротите!

Ксения — существо сообразительное. Недаром столько лет прожила рядом с Минцем. Она взяла ножницы, хотела было отстричь лишнее, но замерла... и спросила:

— А ей не больно?

— Лишайникам не больно, — ответил Минц.

Тогда Ксения аккуратно отрезала лишнюю ткань и принялась ее мять между пальцев и даже нюхать. Но ничего подозрительного не обнаружила.

— Спасибо, — сказала она. — Я все поняла.

И не дав профессору отказать в даре или выразить сомнение, она схватила флакон. И пошла к двери.

— Но вы хоть поняли принцип действия пассибулиферы? — крикнул ей вслед Минц.

— Не поняла бы, не стала брать, — ответила Ксения. — Паразит ваш лишайник, Лев Христофорович. Понимаю, что он будет мои соки сосать.

— Ах, как точно! — обрадовался Минц. — Образно и точно в переносном смысле.

— В переносном?

— Разумеется, он паразит, но паразит особенный. Этот лишайник питается энергией других живых существ, их теплом, их эмоциями. Пока пассибулифера обитала в мангровых зарослях Сулавеси, она ограничивалась тем, что высасывала энергию у деревьев, чего они, кстати, и не замечали. Но я здесь пошел на шаг дальше, чем позволяет эволюция. Я приспособил метаболизм лишайника к тому, чтобы питаться теплом и иными видами энергии представителей фауны, в первую очередь человека. Я далеко двинул вперед этот лишайник по пути эволюции, в сущности, мы имеем дело не с пассибулиферой, а с его отдаленным потомком. Понятно?

— По мне, что энергия, что соки, что кровушка моя — все равно. У меня на всех хватит!

И Ксения громко рассмеялась. Она была женщиной широкой в кости, крепкой и не то чтобы толстой, но упитанной.

Но как заблуждались профессор и Ксения!

Они полагали, что подопытным кроликом избрали странный тропический лишайник. На самом-то деле оказалось, что на роль кроликов попали люди.

Если ты ставишь опыты над живыми существами и с помощью геной инженерии толкаешь вперед их эволюцию, всегда задумайся, не будут ли потомки судить тебя суровым и безжалостным судом?

К счастью, трагедии в масштабе Земли не произошло. Но для Гусляра происшедшее вполне можно назвать трагедией.

Ксения возвратилась домой первой. Остальные члены семьи еще обретались в других местах. Корнелий Иванович был в конторе, его сын Максим у себя в парикмахерской, Маргарита пошла погулять с Максимкой-младшим. По-нашему — с Максим Максимычем, по-ихнему — с Максимом-джуниор.

И так как свободного времени было в обрез, Ксения спешно начала проводить эксперименты с затравкой лишайника, обработанного по методу профессора Минца.

Она достала из-под швейной машинки мешок с лоскутами и заплатами и принялась сочинять себе платья.

Получилось буквально с первого раза.

Достаточно было нескольких капель из флакона мужских духов «Арамис», чтобы лоскуток начал превращаться в одежду. Он превращался до тех пор, пока в нем были силы, содержащиеся в затравке, затем Ксения с помощью ножниц и той же швейной машинки доводила одежду до ума.

Она успела сообразить себе три платья и неплохую кофточку, у которой был один недостаток — слишком прилегала к телу. Но и с этим недостатком Ксения справилась — догадалась, что если оттягивать ткань, пока она растет, то она оттянутой и останется. Так что можно соорудить себе хламиду или балахон. Была бы мода.

Потом Ксения догадалась, как с помощью лишайника делать плиссе-гофре, и когда домой пришел Удалов, Ксения уже утомилась, истощила нервную систему.

Она сидела на стуле, а на трех стульях, повернутых к ней спинками, висели новые платья. Склонив голову набок, Ксения любовалась ими, как кошка новорожденными котятками. Была бы воля — стала бы их облизывать.

Удалов, как положено глупому мужу, спросил:

— Ты чего платья развесила? Стирала, что ли?

Он и не сообразил, что у жены таких платьев отродясь не было.

Зато когда пришла Максимкина жена, она с порога взвыла.

— Это еще что такое, мамаша? — кричала она. — Что это вы на старости лет решили деньгами разбрасываться?

На что Ксения ответила с достоинством:

— Не твои деньги трачу!

Не было согласия в семье Удаловых.

Ксения хотела было вообще не рассказывать невестке о своих возможностях, крепилась часа два, только после ужина не выдержала. Пусть знает!

Но Маргарита умела быть овечкой, сусликом, бабочкой, когда ей это было выгодно. Так что еще через полчаса женщины уже соорудили ей два платья и один модный плащ по выкройке из «Бурды».

Странности с пассивулиферой начали наблюдаться именно тогда.

Женщины трудились в комнате Ксении, а мужчины смотрели телевизор, но в комнату не заглядывали. Максимка крутился возле женщин и радовался, потому что весь пошел в Корнелия и рос независтливым.

— Ах, мама, — произнесла Маргарита. — Как мне нравится вон тот материальчик, на синем платье. У вас еще лоскутка не найдется?

— Кончилось, — сказала Ксения. — Возьми другой цвет.

— Нет, мне такой же хочется, — возразила Маргарита и подошла к вешалке, на которой висело новое платье свекрови. Капнула на подол из бутылочки в расчете на то, что платье удлинится и она сможет оттяпать от него лишний лоскут.

Но платье не пожелало расти без человеческого тела. О чем, кстати, Минц Ксению предупреждал.

Догадавшись об этом, Маргарита сладким голосом попросила свекровь:

— Мама, можно я ваше синее платьице немножко примерю?

Ксения была доброй. К тому же она знала, что раз Маргарита в два раза ее тоньше, то вряд ли платье будет от нее порча.

Маргарита схватила платье и стала надевать его перед зеркалом.

Платье наделось быстро, словно скользкое, обняло молодую женщину и прильнуло к ней — Маргарита особым женским чутьем поняла, что она понравилась платью.

Она хотела было попрыскать на подол лишайниковым соком, чтобы потом отрезать себе лоскуток, но медлила, словно внутренний голос подсказывал, что лучше платья ей не отыскать. И не надо лоскутки тратить.

И в этот момент Ксения, обернувшись, увидела, что синее платье сидит на невестке в обтяжку, как влитое. Платье-то, оказывается, уменьшилось, а об этом Минц не предупредил.

— Это еще что такое? — спросила Ксения грозно. Не от жадности, но потому, что любила во всем порядок. — А ну вылезь из моего платья. Оно у меня выходное!

О, как не хотелось Маргарите подчиняться этому приказу, но что поделаешь — она принялась снимать платье.

А платье, как в сказке — прилипло. Не снимается.

Ксения кинулась к ней на помощь. Женщины с шумом и сопением сдирали платье с Марго. Удалов было сунулся на шум — Ксения его отогнала, как львица от выводка.

Платье треснуло и распоролось.

Только таким образом удалось его снять с Маргариты.

— Как же так! Ты мне лучшее платье погубила! — сердилась свекровь.

А Маргарита села на стул и принялась плакать и гладить рваную тряпку, которая покорно лежала у нее на коленях.

— Дай-ка, — велела Ксения. Она приложила к себе лоскуты, побрызгала из флакона, платье начало залечивать свои раны, но на полпути словно передумало и, так и не залечившись, соскользнуло на пол.

Перед сном Удалов еще раз заглянул к Ксении, но атмосфера там была так напряжена, что Удалов стукнулся о нее, словно о стеклянную стенку, и пошел досматривать передачу для детей-полуночников.

Ах эта деликатность Корнелия Ивановича! Ну что ему стоило преодолеть себя и строго спросить у женщин, что же, наконец, происходит? Они бы признались, Удалов бы встревожился и кинулся к профессору Минцу. Он рассказал бы ему, что эволюция загадочного лишайника продолжается немислимыми темпами. Что лишайник уже проявляет симпатии и антипатии, а платье хочет сосуществовать с одной носительницей, а другую презирает.

Тогда бы и Минц опомнился.

Взял бы эксперимент под жесткий контроль...

Я написал эти слова и подумал, а как бы Лев Христофорович это сделал? Велел бы Ксении расстаться с новыми платьями, раздел бы Маргариту? И кто бы его послушался?

Видно, генетическому ускорению было суждено начаться именно в Великом Гусяре. Там же и закончиться...

Когда Маргарита ушла укладывать Максимку, Ксения закрыла к себе дверь и аккуратно развесила все пять сделанных за вечер платьев в большом шкафу, где уже висел праздничный костюм Корнелия и ее собственные вещи. Перед сном ей чудилось, что в шкафу что-то шуршит, словно тараканы или мыши, но Ксения не стала подниматься, потому что уже поняла: даже если мыши сгрызут новое платье, она его тут же восстановит. Теперь оставалась только одна проблема: как заставить этого скрягу Минца дать ей еще флакончик затравки. Ведь ей предстоит и сына одеть, и мужа, а это непросто. Причем неизвестно, умеет ли этот лишайник делать карманы и подкладку для мужской одежды.

А флакон-то был в тот момент у Маргариты, потому что она изготавливала Максимке костюмчик, завтра в первый класс идти. Бабка-то о внуке за эгоистическими развлечениями, конечно, забыла!

Примерно в два часа ночи Удалов совершил еще одну непростительную ошибку, но опять же не сообразил, что это — непростительная ошибка.

Он проснулся, потому что его во сне потянуло сходить по-маленькому. Босиком он медленно пошел к двери, стараясь держать перед собой вытянутую руку, глаза отказывались открываться.

И тут его нога натолкнулась на что-то мягкое, податливое, но вполне подвижное.

Ощущение было настолько необычным и даже пугающим, что Удалов мгновенно открыл глаза и посмотрел себе под ноги.

Свет луны и уличного фонаря, падавшие в окно, были вкуче настолько сильны, что Удалов мог разглядеть, на что же он чуть не наступил.

И увидел, что по полу медленно ползет, держась ближе к стенке, о которую Удалов только что опирался, женское платье темного цвета с белым воротником и отделкой.

Удалов замер, понимая, что это — сказочный сон, который обязательно нужно досмотреть. И главное — нельзя мешать платью ползти в соседнюю комнату, к молодым. В конце концов, у любого платья могут быть вполне житейские причины ползти в другую комнату. Вот, например, он, Удалов, поднялся же среди ночи, чтобы дойти до сортира!

Чтобы не повредить платью, Удалов остановился и подождал, пока оно втиснется в узкую щель прикрытой двери к молодым. Удалов толкнул дверь, чтобы платью было легче.

Затем сам повернул направо и по коридору пошел в уборную.

И там, совершая туалет, он сообразил, что история с платьем ему лишь приснилась. На всякий случай, возвращаясь к себе, он поглядел на пол — никаких следов платья он не нашел.

Тогда он вернулся спать. И ночью ему ничего больше не снилось, если не считать деловых рассуждений, связанных с приватизацией. А когда Удалов проснулся рано утром, он уже был убежден, что история с платьем — странный ночной кошмар, который вытекал из вчерашних разговоров.

* * *

Утром был еще один скандал, и опять Удалов не отреагировал на него должным образом.

Он хотел спать, когда Ксения поднялась с кровати. Ей тревожно не спалось. Сердце требовало еще раз поглядеть на платья, не случилось ли что-нибудь в шкафу.

Открыв шкаф, Ксения тоненько взвизгнула, как будто вновь превратилась в юную девочку, обнаружившую, что ее шоколадные конфеты сожрал потихоньку какой-то гадкий мальчишка.

— Не мешай спать, — сказал Удалов, кладя на повернутое к потолку ухо подушку.

— Нет, ты только посмотри! — просила Ксения.

Но Удалов так и не посмотрел.

И не увидел того, что ночью пять новых платьев устроили битву в шкафу с праздничным костюмом Удалова, Ксениным свитером и двумя юбками. Впрочем, надо сказать, что прежние обитатели шкафа не сопротивлялись, ибо не обладали разумом даже на том примитивном уровне, каковой был дан природой лишайнику пассивулифере.

Так что кукушата Ксенин растерзали старые вещи в лоскуты и сами заняли весь шкаф, вроде бы даже гордясь своим преступлением.

Ксения же, которой был свойственен антропоморфизм, полагала, что все преступления такого рода могут совершать только люди. Она поняла, что подлая Маргарита, пользуясь темнотой и Ксениным сном, пробралась к шкафу и сама лично разорвала хорошие качественные носильные вещи из патологической злобы к свекрови.

И самое главное — за ночь исчезло кое-как восстановленное синее платье. И тут уж Ксения не сомневалась, что платье было похищено невесткой.

С желанием разоблачить и уничтожить Маргариту Ксения ворвалась в комнату к молодым, но обнаружила там лишь крепко спящего Максима, который на грозный материнский вопрос, где его жена, пробурчал:

— Мать, не возникай!

Ксения хлопнула дверью. Простучала по лестнице каблуками.

Ей хотелось заглянуть к Минцу, разбудить его и скалкой поблагодарить за сомнительный подарок, но пришлось отложить торжество справедливости на завтра. Сейчас надо было разыскать, догнать и уничтожить невестку — нельзя иметь врага в собственном доме.

* * *

Маргарита повела сына Максимку в школу. Максимка был очень хорош в новом синем костюмчике. Его мама шла в синем платье, которое вчера было Ксениным, но не захотело оставаться во владении свекрови. И потому в ночной темноте переползло в комнату к Маргарите, надеясь, что утром его увидят и обрадуются.

Платье было право.

Маргарита мгновенно поняла, что это платье всегда принадлежало ей, и только ей.

Ксения настигла невестку с внуком лишь возле школы.

Как раз начиналось торжество. Праздник знаний, первое сентября, первое сентября, первый день календаря, потому что в этот день все мальчишки и девчонки городов и деревень... Учили в детстве?

Маргарита пробилась в первый ряд. Максима от нее уже увели в общий строй первоклашек, и там он стоял, краснел, поглядывал со страхом на маму, а мама думала, что у сынишки самый лучший костюмчик.

Когда Ксения увидела толпу и вспомнила о празднике, она поняла, что не сможет начать скандал при таком скоплении народа. Она притормозила и стала искать взором внука в шеренге новичков.

Тут заиграл школьный оркестр, и под его звуки вперед вышла Анна Леонидовна, завуч младших классов и депутат городского парламента, вождь женского движения за равноправие и просто красивая женщина, самая красивая в городе.

— Дорогие друзья! — звонко воскликнула она, и оркестр послушно умолк. — Сегодня у нас праздник!

И вдруг Ксения почувствовала, что платье на ней затрепетало, стараясь соскочить с тела.

Ксения не сразу сообразила, что происходит, и стала вертеть головой в поисках зловредной Маргариты.

Маргариту она не нашла, потому что ее невестка в двадцати шагах справа испытывала то же тревожное чувство — синее платье буквально рвалось, ища способ слезть с ее тела.

Маргарита решила сначала, что это проделки Ксении, но той не увидела.

Разумеется, обе несчастные женщины не могли подозревать, что лишайник Охролахия пассибулифера, не будучи, разумеется, разумным существом, тем не менее развил в себе начатки сильных чувств. Именно это уникальное свойство лишайника позволило ему выжить в лесах острова Сулавеси, ибо в процессе эволюции он научился в считанные секунды обволакивать своими мелкозернистыми талломами наиболее полюбившиеся ему растения. Причем помимо излучаемой растением теплоты для пассибулиферы играла роль и форма ствола — лишайник предпочитает растения стройные и нежные на ощупь.

Попав в Россию, лишайник под талантливыми руками профессора Минца перестроился с деревьев на людей и соответственно подсознательно перестроил свои симпатии и антипатии... Но кто мог подумать, что до такой степени!

Первой завершилась трагедия Ксении Удаловой.

Платье покинуло ее и, развеваясь, как красное знамя над Рейхстагом, взлетело выше толпы.

Мало кто увидел, что Ксения осталась в нижнем белье, — зато все увидели, как летит над головами красное платье.

И тут пронзительный женский крик всколыхнул воздух.

Кричала Маргарита.

Ибо ее положение было худшим, чем Ксенино. Ведь с помощью лишайника она не только платье себе изготовила, но и полный комплект нижнего белья, включая лифчик.

И это все улетело...

Над толпой взрослых и детей, над цветами, принесенными учительницами, и трубами школьного оркестра летели два платья — красное и синее, летели трусики и лифчик, и, догоняя их, взметнулись в небо детская курточка и детские штанишки... А это означало, что и невинный первоклассник Максим Удалов остался без одежды.

Не шархнулась лишь прекрасная Анна Леонидовна. Во-первых, она была отважной женщиной, и ее железный характер был выкован в борьбе с учениками младших классов, а жизненной энергии в ней было столько, что от страсти к ней обезумел лишайник пассивулифера.

В мгновение ока на прекрасную Анну Леонидовну наделось платье Ксении Удаловой и нежно облегло фигуру завуча.

Тут же примеру красного платья последовало синее платье, ушедшее от Маргариты, а поверх платья, опоздав к дележу добычи, попытались надеться трусики и прочие интимные предметы. Наконец на Анну Леонидовну набросилась и одежонка Максимки. Все это смешалось, перепуталось, и в результате Анна Леонидовна, подобно древнегреческой царице, оказалась замотана в разноцветную тогу или хламиду, ниспадающую до земли.

Тут выскочила совершенно обнаженная и обезумевшая Маргарита Удалова и попыталась стащить хламиду с Анны Леонидовны, что ей не удалось. Из толпы к Маргарите кинулись мужчины разного возраста и под предлогом спасения ее от психического расстройства стали хватать ее руками и гоготать. Но на помощь невестке прорвалась Ксения, кое-как прикрытая комбинацией и чулками. Ксения подхватила одной рукой ревущего Максимку,

второй потянула за собой трясущуюся Маргариту и потащила их домой.

Они бежали, не останавливаясь, до самого дома, а когда вбежали во двор, Ксения подобрала из пыли половинку кирпича и метнула ее в окно Минца.

Окно — вдребезги!

Минц высунулся в окно, но ничего не увидел, потому что пострадавшие Удаловы уже скрылись внутри дома.

Анна Леонидовна выставила свою кандидатуру в Государственную думу. Одевается она разнообразно, сдержанно, но необычно. Лишайники не оставляют ее лаской и любовью.

Клин клином

Петро Поганини унаследовал однокомнатную квартиру после смерти своей бабушки Василисы Феокистовны Поганкиной в двухэтажном кирпичном доме на улице Пушкинская у ее слияния с улицей Советской.

Наследство было кстати, так как квартиру в Виннице ему пришлось оставить второй жене Одарке, а полученную от Союза истинно русских писателей мансарду в Москве не удалось оттяпать у третьей и неблагодарной жены Валерии. Обнаружилось, что звездочке российской массовой литературы придется ночевать на вокзалах, так как приятелям и любовницам он надоел настолько, что даже даровая бутылка «Гжелки», с которой он приходил на ночевку, их с ним не примиряла. Все равно сам все выпьет, а потом будет приставать к дочке хозяина или хозяйке дома, бить посуду и кричать, что он Толстого читал, но Толстой ему не показался.

С деньгами тоже было неладно, потому что за «Схватку в районе Сатурна» и «Любовницу робота» так и не заплатили.

Вот в этот период кризиса и душевного безденежья померла бабушка Василиса, которую Поганини с детства не видел, и он поехал в Великий Гусяр в надежде продать квартиру за приличные доллары и приобрести на них жилплощадь в Москве.

Петро вступил во владение квартирой жилой площадью в восемнадцать метров и расклеил объявления. Больше тридцати долларов ему за нее не предложили, да и то с условием, что он починит текущую крышу.

Петро не нашел ничего лучшего, как влюбиться в Дарью Гофф, дочь заведующего ветеринарной аптекой, а когда отступить было некуда, женился на этой женщине и понял, что следующий этап его жизни и творчества будет неизбежно связан с городком Великий Гусяр. Но ведь и на малых делянках вырастают колоссальные арбузы!

Утром Петро Поганини надевал по погоде шлепанцы или валенки и шел в молочную и за солеными огурцами. Первое для Даши,

которой он подавал кофий в постель, второе для себя — чтобы прочистить мозги перед посадкой за рабочий стол.

Пожалуй, больше о Петре Поганкине ничего не скажешь. Сидит, работает, выпивает, кушает огурцы, пишет роман. Ни пользы, ни вреда от него нет.

А тем временем в Великом Гусяре начали происходить события.

Возвращаясь из школы в осенних сумерках, второклассники и второгодники Семен Лишаев и Ритка Полякова столкнулись с черным драконом, который медленно плыл над улицей, периодически выпуская из ноздрей яркое пламя и белый дым.

Второклассники кинулись бежать.

Дракон несся за ними, еле касаясь земли когтями, и так как гонка происходила в полной тишине, детям было еще страшнее, чем ежели бы он рычал, стучал и топал.

Дети выбежали на площадь к Гостиному двору и там были замечены гулявшим с собакой стариком Ложкиным.

Затем Ложкин увидел и самого дракона, который ударился грудью о край крыши Гостиного двора, но прошел ее насквозь, будто она была нематериальной.

В тот момент Ложкин, который подхватил собачку на руки и убежал следом за детьми, не подумал, что бестелесным может быть сам дракон. Уж очень убедительно из него хлестало пламя.

С утра следующего дня город оказался во власти фантомов, о которых далеко не сразу догадались, что они фантомы. Поэтому, когда толпа гномов, вооруженных алебардами, выскочила на мостовую перед автомобилем «Москвич» Миши Стендаля, он так рубанул по тормозам, что врезался в липу у тротуара. Гномов видели многие, но куда они делись, не знали. Зато мимо столовой № 1 прошли несколько космонавтов в странного вида скафандрах. Космонавты устроили отчаянную перестрелку со зловещего вида зелеными существами, которые были буквально обвешаны оружием инопланетного происхождения. Этот бой привлек массу народа, потому что происходил в обеденный перерыв у самого Гордома. Сначала люди смотрели, но когда раздались первые очереди и зеленые лучи смерти стали разить противников, кинулись врассыпную. Некоторых помяли, оцарапали и ранили. Но травмы происходили, следует признать, не от оружия космических бойцов, а от страха и страшной давки. Правда,

гусярцы с вами не согласятся. Им кажется более почетным пасть от руки пришельца, чем быть ушибленным локтем Матрены Ложкиной.

С тех пор город изнемогал под игом чудовищ.

Даже самый краткий и неполный список фантомов, поселившихся на улицах, а порой и в домах обывателей, может привести в ужас наших читателей.

На улицах появлялись, растворялись в воздухе или лопались, как воздушные шарики, гонялись за детьми, собаками и прохожими, дрались между собой, пугали бабушек, осаждали родильный дом, лезли в больницу драконы, змеи, жабы размером с паровоз, русалки в шортах и с бластерами, пришельцы одноногие, двуногие, пятиногие и на гусеницах, а также ползучие гномы, прыгающие тролли, скелеты разных животных и негодяев, князя тьмы в черных плащах и роботы отвратительного вида, не говоря о вампирах.

Уже на второй день жители города сообразили, что напавшие на город чудовища навредить не могут. Они были бестелесными и непостоянными. Порой на глазах у перепуганных зрителей с ними происходили удивительные трансформации. Дракон мог лишиться головы, пришелец — ноги, а полуобнаженная красавица с тремя пистолетами за лифчиком вдруг выступала совершенно обнаженной, лишь пистолеты в ее трех руках заменяли одежду.

Но как ты ни размышляй, как ни разубеждай себя, вид этих чудовищ был ужасен, поведение нахально, беременным женщинам, старикам и детям смотреть на них было страшно, а некоторым вредно, потому что они обучались на этих образцах насилию и враждебной нам эротике.

Нельзя сказать, чтобы профессор Минц, главный ученый города Великий Гусяр, не обратил внимания на феномен, который обрушился на город. Да и как не обратишь внимания, если в ванной сидит рогатая жаба размером с тебя самого, из-за кухонной плиты в Ксению Удалову целится одноглазый космический пират, а когда профессор Минц пытается отыскать статью из журнала «Нейчур», он видит, что на его письменном столе сидит истинный дьявол с гранатометом в руках и намеревается выстрелить профессору в лицо, а профессор не до конца уверен, что имеет дело с фантомом, а не с нашествием из Космоса.

— Разумеется, мы столкнулись с персонажами из массовой фантастики, — сказал Минц. — Источник ее — отечественная халтура.

— Почему же отечественная? Говорят, что эту дрянь нам из ЦРУ напустили. Многие так думают, — откликнулся заглянувший к Минцу сосед Удалов.

— ЦРУ, — возразил Минц, — обязательно воздвигло бы американский флаг над нашим сельсоветом. Не могут они без флага.

Тут через стену в комнату вошел мускулистый дикарь в трусах и с пулеметом в руке. Он направил оружие на Минца и выпустил беззвучную очередь. Друзья кинулись под стол. Оттуда были видны лишь босые ноги дикаря.

— Знаешь, как я их отличаю? — спросил Удалов.

— Знаю, — ответил Минц. — Их не слышно. Но лучше сначала спрятаться, а уж потом прислушиваться.

Дикарь пропал в противоположной стене. Друзья поднялись. Было унижительно прятаться в собственном доме.

— Что же ты, профессор, локатора не изобретешь? — спросил Удалов. — Если это не ЦРУ, то источник в нашем городе!

Минц только махнул рукой...

Сквозь дверь прошла совершенно обнаженная женщина сказочной толщины, облаченная лишь в корону.

— Где-то я читал о подобном феномене, — размышлял Минц. — Где же литературный персонаж путешествует по истории литературы и из окошка машины времени наблюдает образы литературных героев?

— Может, братья Стругацкие надумали? — спросил Удалов.

— Почему ты так решил?

— Они все уже надумали, — сказал Удалов. Он помолчал и добавил: — Им хорошо, у них сказки, а у нас реальная жизнь районного центра!

— Но если мы имеем дело с плодами воображения писателя, — произнес профессор, — то шерше ле экривен, то есть писателя!

— Нет у нас писателей, — вздохнул Удалов. — Не сподобились. Краеведы водятся, литсотрудники в газете, а писателя нет...

— Газета! — подхватил слово Минц. — Звони Мише. Нет ли у нас приезжего писателя?

Миша Стендаль тут же ответил, что в «Гуслиарском знамени» готовится интервью с писателем-фантастом Петро Поганини, работающим сейчас над тремя романами в жанре крутой фантастики. Ведущие герои его романов — боевые роботы, телохранители, наемные убийцы драконов и драконы наемных убийц. Опус Поганини «Последняя пуля в драконе» заинтересовал издательство в Сызрани... А настоящее имя автора Петр Поганкин, и адрес его Стендаль предоставил по первому требованию.

Они пошли к Поганини сразу. Вокруг дома реяли фантомы. Открыла им Дашенька, которую Удалов качал еще малюткой. Теперь она стала женщиной с бюстом и низким голосом.

— Ой, как я рада, дядя Корнелий! — заголосила Дашенька. — Пошли на кухню, я там ленч разогреваю. Мой-то творит, творит, а потом себе ленч требует.

На кухне было тесно, фырчал кофейник, под потолком покачивались полупрозрачные вампиры.

— Над чем работаем? — спросил Минц.

— Вы не поверите, он ей голову отрезал, сделал чашу и пьет пиво из любимой женщины.

— Кто же это такой?

— Ах, это ж Корнюшон, понимаете?

— А привидения вам не досаждают? — спросил профессор.

Дашенька побледнела, но ответить не успела.

— Это кто же к нам пожаловал? — звонким дискантом запел от двери короткий массивный мужчина в черном парике и с нафабранными тараканьими усами. Одет этот мужчина был по-писательски, в бархатную домашнюю куртку и джинсы. — Вижу, вижу, представители общественности пришли пригласить меня на встречу с читателями?

Петро протянул руку. Они познакомились. От Петро пахло одеколоном.

— Мы к вам, — сказал Минц, — по поводу материализации духов.

— Не понял! — Петро отступил в комнату.

Комната была невелика, в ней стояла двуспальная кровать под атласным, простроченным ромбами одеялом (видно, из приданого), а также письменный стол с креслом перед ним. Разглядеть все это было

нелегко, потому что комната была полна привидениями. Но привидения еще не сформировались, они были почти прозрачны, они меняли позы и форму, они готовились стать фантомами, а пока были лишь дымом...

— Вот, — сказал Петро. — Пишу гусиным пером, как мой учитель Сашко Пушкин.

Атмосфера в комнате была неприятная. Хоть образы писательского творчества не вошли еще в более плотное состояние, Удалову показалось, что он вступил в воду, полную лягушачьей икры.

— Ну вот, — сказал Минц. — Это мы и имели в виду. Здесь они зарождаются.

— Не понял, — ответил писатель, приподнимая сбоку парик, чтобы почесать висок. — Что за претензии?

— Вы заполонили весь город своими драконами и роботами! — не выдержал Удалов. — Детей на улицу люди боятся пускать. И мы просим, чтобы вы держали их при себе.

— Это что же такое? — удивился писатель. — Получается, что вы надеваете оковы на мое вдохновение? Ну, это так не пойдет! Я в ПЕН-клуб буду жаловаться!

Но форточку он раскрыл, и привидения потянулись наружу.

— Ну, так получше, — сказал Минц.

Петро окинул взглядом комнату и произнес:

— Да, курить мне надо меньше. Туманно становится.

— Или дурак, или притворяется, — прошептал себе под нос Минц, и все сделали вид, что этого отчетливого шепота не слышали.

— Я же честный, но бедный писатель, даже на пишущую машинку денег не хватает. — Усы дрогнули, по щеке покатились слеза.

— Они же безвредные! — пискнула из коридора Дашенька.

Петро обернулся, увидел жену, прищурился и гаркнул:

— Мечи ленч на стол! — А обратившись к Минцу с Удаловым, он спросил: — Еще вопросы есть? А то я пойду. Надо силы поддерживать. А вы заходите, не стесняйтесь.

По улице они брели удрученные, пронзили насквозь полосатого василиска, обошли разбитую летающую тарелочку. Они молчали и мыслили — раз уж это им было свойственно.

«Сила воображения? — думал Минц. — Но почему тогда у других писателей так не получается? Ну творят себе, воображают, и хоть бы что! Ты только представь себе — по Петербургу летают Носы или бегают Раскольниковы с топорами!»

— Здесь имеет место быть взаимодействие, — сказал Удалов. — Так совпало. Гусиное перо, ленч, бумага, забота женщины и, главное, специфика творчества.

— Без предела, — согласился Минц. — Разнузданное воображение.

— Неужели мы бессильны? — спросил Удалов.

— Будем думать, — ответил Минц.

Они вошли в свой двор.

— Может, его отправить на Канарские острова? — спросил Удалов. — Соберемся всем городом, купим ему путевку. А там, на Канарах, ко всему привыкли.

— И что же мы так устроены! — вдруг возмутился Минц. — Как нам чего не годится, сразу за границу! А потом их же будем упрекать, почему нечисть развели? Нет, сами породили, сами...

— И убьем? — подсказал Корнелий.

— Кто сказал о смерти? — И с этими словами Минц скрылся за дверью своей квартиры.

А вместо него из двери выпорхнул крупный птеродактиль, и Удалов присел на цыпочки, хоть и понимал умом, что птеродактили в Гусяре пока не водятся.

Назавтра Минц к соседу не зашел. Удалов же, подойдя к окну, увидел, что Минц спешит по улице прочь от дома.

За ним гнался неандерталец с дубинкой.

А еще через полчаса к Удалову стала стекаться информация о движении и действиях профессора. Не зря же Удалов прожил в Гусяре всю свою жизнь. Не хочешь, а будешь знать все о соседях и знакомцах.

Сначала невестка пришла с рынка и сказала, что видела Минца выходящим из городской библиотеки со стопкой книг под мышкой.

Потом Ксения рассказала, что Минц посетил комиссионку, а заглянувшая к Ксении Гаврилова добавила, что Минц вышел из комиссионки, купив там несколько старых платьев, веер из страусиных перьев и зонтик парасоль.

Наибольшее удивление Удалова вызвала информация о визите Льва Христофоровича в магазин «Иная юдоль», где продавались предметы похоронного инвентаря. Там он купил букет искусственных цветов.

Все это Минц оттащил в дом Поганкина. И просидел у Поганкина до самого вечера.

Удалов в очередной раз подошел к окну, когда Минц возвращался домой.

Вид у Минца был усталый, но довольный.

Как у человека, только что завершившего выполнение нелегкого, но обязательного долга чести.

Удалов выпянул в окошко и спросил нарочито обыкновенным и вовсе не обиженным голосом:

— Как успехи, коллега?

Тут Минца скрыла от взоров Удалова стая гигантских вампиров, промчавшихся над улицей.

Потом Минц возник вновь.

— Дело пойдет на лад, — сказал он.

— В каком смысле?

— Рано обещать, — ответил Минц.

На следующее утро в городе полегчало.

Частота появления чудовищ сошла почти на нет.

Люди выходили из домов, вдыхали свежий воздух, шурились от детской радости и понимали, что дождик снова идет для них, солнце светит для человечества и ветер завывает для людей, а не для привидений.

И вот над опустевшей улицей пролетело, вернее, медленно и торжественно проплыло нечто сказочно красивое, как пирожное безе или клубничный мусс.

Почувяв неладное, Удалов кинулся вниз.

Он ворвался в комнату профессора и с порога спросил:

— Ты что сделал, Лев Христофорович?

— Как всегда. Средство придумал.

— Ну говори, говори! — Удалов переминался на пороге, не входил, потому что еще не завтракал, но и уйти не мог.

— Сам догадаешься, — загадочно улыбнулся профессор.

Удалов обиделся и собрался уходить. Минц его не видел. Он брился бритвой «Жиллетт» и гляделся в зеркало.

Вскоре Удалов пошел на улицу.

Драконов там не наблюдалось.

Город был тих, благостен, дети резвились в песочницах и бегали по скверу.

Вдруг они прервали свои игры и испуганно замолчали.

По дорожке сквера бежала незнакомая Удалову красивая молодая женщина в чуть-чуть разорванном длинном белом платье. На ее лице застыло изображение тревоги и душевной боли.

Удалов посторонился.

Проходя мимо дома, в котором обитал писатель Петро Поганини, Удалов остановился и поглядел наверх. Из окон не выскакивали птеродактили и пришельцы. Но доносилось женское пение. Дарья Гофф напевала романс Алябьева.

Что происходит?

Неожиданно сквозь стену дома просочилась черноволосая женщина средних лет, упитанная, но несчастная. Она прижимала к глазам батистовый платочек. За ней показался мужчина военной выправки, но в костюме для верховой езды второй половины прошлого века. Мужчина протягивал руки к женщине.

Не доходя до женщины нескольких шагов, мужчина передумал ее останавливать и замер, скрестив руки на груди. Женщина же продолжала свой путь.

Удалов не стал досматривать тревожную сцену. Ему захотелось домой.

Когда он свернул на Пушкинскую, то увидел, что под ногами у него тянутся рельсы, хотя по Пушкинской сроду не ходили трамваи.

Что еще за новая напасть? Может, драконы лучше?

Удалов, ускоряя шаг, мчался к Минцу.

И чуть не попал под поезд.

Старинный паровоз с длинной трубой тянул за собой несколько небольших зеленых вагонов. Вагоны были эфемерны и, наверное, относились к творчеству Поганини. Но зрелище было внушительным.

Поезд несся туда, где стояла печальная брюнетка, а на нее глядел мужчина в костюме для верховой езды.

Удалов вбежал в кабинет Минца.

— Что творится, сосед? — грозно спросил он. — Лучше уж признавайся.

Минц широко улыбнулся. Он сидел в кресле-качалке и ласкал черного кота Лумумбу, которого завел и полюбил совсем недавно.

— Мы избавили город от чудовищ, — сказал Минц.

— Но к нам какие-то новые лезут.

— Люди, а не чудовища! И это ненадолго. Скоро писатель нас покинет.

— Объясни.

— Если ты не можешь избавиться от болезни, то проще всего вышибить клин клином.

— Какой клин каким клином?

— Я принес Поганини несколько незнакомых ему произведений литературы. И убедил этого молодого человека, что куда больше шансов прославиться, если следовать заветам великих писателей прошлого. Я дал ему слово, что суммарный тираж романа нелюбимого им писателя Л. Толстого достиг за последние сто лет шести миллиардов экземпляров.

— И что он сказал? — заинтересовался Удалов.

— Он вынул карманный калькулятор и принялся считать, сколько он бы получил на месте Л. Толстого при расчете рубль пятьдесят с каждого экземпляра.

— И что же?

— Остался доволен результатами. А сегодня я к нему заглядывал.

— И что же?

— Пишет. Разве ты не видал вокруг его дома всяких персонажей?

— Эврика! — воскликнул Корнелий Иванович. — Он пишет «Анну Каренину»! То-то поезд по Пушкинской ехал.

— Ах, мой милый Удалов, — усмехнулся профессор Минц. — Все в жизни не так просто, как кажется. Роман Поганини называется «Маня Каледина». Как видишь, он никогда не опустится до прямого плагиата.

— Но под поезд она бросится?

— Куда ж ей деваться!

Удалов задумался. Потом обратился к Минцу круглое, простодушное лицо.

— Нет, — сказал он. — Ничего у нас не выйдет. Не сегодня-завтра снова драконы попрут.

— Почему же?

— Да завернут издатели Поганини с его Маней. Неужели они в школе не учились?

— Некоторые издатели в школе учились. Но плохо, — вздохнул Минц. — А богатенькие забыли, чему учились. Наконец, самые богатые отличались слабым здоровьем и болели, когда проходили «Анну Каренину». Кстати, Корнелий, никто в школе не надеялся, что дети прочтут роман Толстого. Потому его и не читали, а проходили. А проходят как?

— Мимо?

— Вот именно. Проходят мимо.

— Ничего, — сказал Удалов. — Если я прав, то Поганини вернется к драконам, если ты прав, то придется нам иметь дело с изысканными чувствами.

— Если я прав, то Поганини заработает столько денег, что сможет купить квартиру в Москве.

Удалов улыбнулся и пошел домой. Ему хотелось посидеть в мягком кресле и почитать газету.

Но не пришлось.

На кухне сидела Татьяна Ларина (судя по одежде и выражению лица), читала письмо от Онегина и тихо плакала.

А Ксения, которая как раз вошла туда, стояла в дверях, скрестив руки на груди и убийственно глядя на непрошеную девицу.

Удалов вздрогнул и хотел прошмыгнуть мимо, но Ксения схватила его за рукав.

— Уже в дом таскаешь? — спросила она Удалова.

— Кого таскаешь?

— Шлюх таскаешь!

— Я ее в первый раз вижу. А вообще она — воображаемое видение Александра Сергеевича Пушкина.

— Если видение, почему она не у Пушкина на кухне, а у меня?

— А ты проверь, — предложил Удалов. — Она сквозная.

Эта идея пришла Ксении по душе. Она схватила сковороду и метнула ее в Татьяну Ларину.

Сковорода пролетела сквозь тело гостыи и разбила на полке три любимых чашки.

— Ах, она еще посуду бьет! — закричала Ксения и вторую сковородку метнула в мужа.

* * *

Через месяц видения прекратились.

Гусяр опустел.

Затем куда-то пропал и сам Петро Поганини.

А уже осенью Минц как-то постучал половой щеткой в потолок, призывая Корнелия.

Корнелий сбежал вниз.

У Минца был включен телевизор. Вот что говорила дикторша:

— Новый роман известного бестселлера Петро Поганини «Маня Каледина», ставший всероссийской сенсацией и экранизированный режиссером Спилбергом, выдвинут на Букеровскую премию. Достоверность исторических деталей падения и трагедии попавшей под поезд знатной женщины царского Петербурга вызвала повышенное внимание к оригинальному творчеству прозаика. Наш корреспондент встретился с писателем, который недавно купил пятиэтажную виллу на Канарских островах. Первым вопросом корреспондента...

На экране появилась вилла.

Возле виллы в шортах и с теннисной ракеткой стоял Петро. На нем повисли две темнокожие от морского загара испанские красавицы. В окно кухни выглядывала осунувшаяся Дарья Гофф.

— Как вам удалось придумать такой удивительный сюжет? — спросил корреспондент.

— Непросто, — ответил Петро.

— Как вы относитесь к вашим шансам получить Букера?

— Букера возьмем, — ответил Петро. — А Оскар не за горами.

И он засмеялся, уставившись в экран, будто догадался, что профессор Минц, избавивший Великий Гусяр от плодов буйного воображения Петро, не отрываясь глядит в экран телевизора.

Вирусы не отстирываются

У профессора Минца было своеобразное чувство юмора.

В прошлом году оно спасло Землю от страшной опасности, хотя с таким же успехом могло ее погубить.

Началось это невинно, на стадионе.

С недавнего времени Минц и его друг Корнелий Удалов зачастили на футбол. Начали болеть за команду «Речник», и сами посмеивались над своим увлечением, называя его старческой причудой.

Ксения эти походы не одобряла. Несмотря на солидный возраст, она продолжала ревновать Корнелия. К тому же рыбалка и грибная охота приносили дому прибыль, а стадион — разорение.

— Мы с тобой теперь на хозрасчете, — объяснила она свою позицию мужу. — Будем жить по замкнутому циклу. Что съел — возврати в хозяйство!

Удалов был поражен такой житейской хваткой Ксении и скромно предложил:

— Давай тогда туалет на дачу перевезем.

— Зачем? — не поняла Ксения.

— Ну, не горшки же полные на автобусе возить! Если приспичило — едем на дачу...

Развить свою мысль он не успел, потому что ему пришлось, прихрамывая от радикулита, бежать прочь из дома от скалки. Впрочем, и это входило в интересы хитроумного Удалова. Он попросил политического убежища в квартире Льва Христофоровича, откуда они потом вместе отправились на стадион.

Именно там на профессора Минца, гениального изобретателя и без пяти минут лауреата Нобелевской премии, снизошло озарение.

Озарение было вызвано опустившимся на стадион туманом, который плавал над полем так, что некоторые игроки бегали по пояс в белой гуще, а от других вообще были видны только ноги.

— Куда ж он бьет? — кричал Удалов. — Куда же он бьет, если ворот не видно?

— Так и вратарь его не видит, — ответил разумный Саша Грубин, сидевший рядом с Корнелием. — Они равны. Но на уровне анекдота.

И тут Минц воскликнул:

— Вот так и поступим! То-то будет смешно!

Закричал он громко, но не то, что принято кричать на стадионе. Туда приходят смотреть и просто кричать, а не выступать.

Однако ругаться на Минца никто не стал, люди сидели свои, из тех, что приходят на стадион и в солнце, и в непогоду. Мест на «Речнике» было всего две тысячи, но и половины не заполнялось. Не очень-то теперь в Великом Гусляре увлекаются футболом. То ли дело в пятидесятые годы!

На крик Минца люди обернулись, но, увидев, что это вопит лысый профессор с Пушкинской улицы, сразу отвернулись. Пусть себе вопит.

— Ты чего? — спросил Удалов.

— Нашел решение, — просто ответил Минц.

— Отложи его в мозжечок, — посоветовал Удалов. — Футбол кончится, тогда и займешься наукой. Каждому овощу свое время.

Тут начал накрапывать сентябрьский дождик. Зонтика у друзей не было, они растянули на троих грубинский плащ и смотрели из-под него, как с правительственной трибуны. Слава богу, дождик прибил туман, и стало видно, что происходит на поле и почему наши опять проигрывают.

После матча они медленно побрели с толпой к выходу из парка, потом, так и не опуская плаща, направились к Пушкинской, к дому № 16. Дождь припустил вовсю, и приходилось перепрыгивать через лужи. В такой обстановке не особенно поговоришь, так что дотерпели до дома, где Минц позвал друзей побаловаться чайком.

Еще чайник не закипел, как Удалов первым спросил:

— Признавайся, Лев Христофорович, что ты на этот раз приготовил человечеству в подарок?

— Не в подарок, а в наказание! — ответил профессор и рассмеялся. — Они еще пожалеют, что хотели устроить у нас соревнование чекистов!

— Проще, Лев Христофорович, — попросил Грубин. — А то мы, простые труженики, вас не понимаем.

— Куда уж проще! Савичей знаете?

— Еще бы не знать!

— Они меня рассмешили. Сначала приходит ко мне Ванда и просит... знаете о чем? Просит установить на ее любимом муже подслушивающее устройство.

— Это еще зачем?

— А затем, что он, по ее подозрениям, завел себе любовницу из числа продавщиц ее супермаркета и даже намеревается улететь с этой продавщицей на Багамские острова.

— И в самом деле смешно, — сказал Грубин. — Савичу уже седьмой десяток...

— Возраст не помеха, мой юный друг, — ответил Минц, и Удалов не сдержал улыбки, потому что Грубину тоже было не двадцать лет.

— Так что же тебя так рассмешило? — настаивал Удалов.

— А то, что муж Ванды, Никита Савич, побывал у меня на следующий день и спросил, не могу ли я установить подслушивающее устройство на его жене?

— Неужели тоже взревновал?

— Хуже! Ему не дает покоя ее богатство. Он уверен, что она заработанные в супермаркете деньги прячет от него и транжирит, устраивая оргии. Смешно?

— Очень смешно, — согласился Удалов, но не засмеялся, и Грубин тоже смеяться не стал.

Минц вздохнул и заметил:

— Чувство юмора у вас плохо развито.

— Не в этом дело, — сказал Грубин.

— Мы их знаем практически с детства, — пояснил Удалов. — Я с Савичем в школу ходил.

— Что вы мне хотите доказать? — удивился Минц. — Что люди не меняются или что все, кто ходил с тобой в школу, застрахованы от ошибок и лишены недостатков?

Удалов не стал спорить. Спор получился бы пустым. Из класса Удалова вышел один полковник, один секретарь обкома в Томске, а двое отсидели в тюрьме. Это о чем-то говорит? Ни о чем.

— Так какая идея посетила вас на стадионе? — спросил Саша Грубин.

— Очень смешная, — признался Минц. — Чудесная идея. Я решил удовлетворить обе просьбы.

— Два магнитофона поставишь? — спросил Удалов.

— Что мы видели на стадионе? Мы видели недостаточно, — начал объяснять Минц. Он стоял перед ними, выставив живот, сплетя пальцы рук за спиной и покачивая лысой головой. — Мы видели туман и части человеческих тел. И я вспомнил, что подобная картина привиделась мне сегодня утром в этом кабинете. Я тогда работал с вирусом «Н-5», генетическим уродцем, который мне удалось выделить во время поездки к небольшому озеру Чистому в районе закрытого города Малаховка-18. В это озеро в течение последних сорока лет сбрасывали атомные отходы несколько секретных заводов и военно-исследовательских институтов. Тем не менее в этом озере смогли выжить три типа вируса «Н-5». Понятно я рассказываю, дорогие друзья?

— Непонятно, зачем ты нам это рассказываешь, — признался Удалов. — А в остальном понятно.

— Сейчас объясню. Обнаружилось, причем совершенно неожиданно для меня, что предметы, обработанные этим вирусом, в значительной степени теряют... теряют... — Минц подошел к большому рабочему столу и принялся шарить по нему, как слепой. — Так я и думал! — воскликнул профессор, нащупав нечто невидимое и подняв это нечто двумя пальцами. — Видите?

— Нет, — ответил Грубин.

— Что и требовалось доказать! Этот платок сегодня утром был обыкновенным. Днем, когда мы уходили на стадион, он частично потерял видимость, как футболист в тумане. Сейчас же он стал совершенно невидимым.

— Не может быть! — воскликнул Удалов. — Значит, теперь разрешена загадка невидимости, над которой бились несколько тысяч лет лучшие умы планеты?

— Не так громко, мой друг, не так громко. Лучшие умы бились над чем угодно, но не над культурой вируса «Н-5», что означает «Невидимка, пятый штамм». Над ней бился ваш покорный слуга.

— Надо скорее поделиться этим открытием с человечеством!

— Зачем? — Минц приподнял левую бровь. — Зачем, коллега?

— Чтобы невидимость стала... — Удалов осекся. Ему в голову приходили различные способы использования невидимости в быту и общественной жизни, но были они в лучшем случае неправильными.

В воображении Корнелия возник невидимый шпион, подкрадывающийся к советскому заводу, невидимый враг, переползающий границу, невидимый вор, вторгающийся в мирный дом... Но если наоборот?

— Наоборот? — прочел мысли Удалова Минц. — Пускай наш вор ползет в ночи и грабит дома? Пускай наш невидимый шпион или наш невидимый сержант... Так тебе думать приятнее?

— Как патриоту — приятнее, — признался Удалов. — Но как нормальному человеку — не по себе.

— Вот и я не спешу выпустить джинна из бутылки, — сказал Минц. — Надо еще очень крепко подумать. А пока пускай у меня появятся подопытные кролики...

— Савичи?

— Савичи. По крайней мере вреда не будет. Вместо магнитофонов предложим им шапки-невидимки.

— А они навсегда останутся невидимыми? — спросил Грубин.

— По моим расчетам, продолжительность жизни вируса на свежем воздухе — трое суток. Так что Савичи и испугаться не успеют.

— За трое суток может многое произойти, — тихо промолвил Грубин.

О, как он был прав!

Но, охваченные весельем, представляя себе, в каком смешном положении окажутся подозрительные супруги Савичи, как будут они наказаны за недоверчивость, друзья Грубина не прислушались к предупреждению Кассандры.

* * *

На следующий день Минц позвонил Савичу и назначил ему встречу на двенадцать часов дня.

Тот примчался — потный, несмотря на то, что день был прохладен, ветер принес с севера холод наступающей осени, а птицы спешили к югу, летя зигзагами, чтобы не подстрелили.

— Где? — спросил он с порога. — Она опять пришла в двенадцать! И от нее пахло мужскими духами «Арамис»! Где микрофон?

Савич все еще работал фармацевтом, и потому у него сохранилось профессиональное обоняние.

— У меня есть для вас средство получше, Никита, — сказал Минц. — У меня есть для вас шапка-невидимка.

И он протянул Савичу пустую раскрытую ладонь.

— Шутки в сторону! — возмутился фармацевт. — Я переживаю душевный излом и не намерен подвергаться...

— Возьмите и наденьте.

В голосе Минца звучала сталь. Савич сразу поскучнел и сдался. Он протянул веснушчатую руку и неожиданно обнаружил, что его пальцы коснулись материи. Невидимой материи!

— Наденьте! — повторил Минц.

Савич расправил невидимую шапку и надел на голову. И тут же обернулся в поисках зеркала.

— Не ищите, — остановил его профессор. — Невидимость наступит через некоторое время. И тогда вы сможете всюду незаметно следовать за своей якобы неверной супругой. Но я вас в последний раз предупреждаю: слезка за близкими людьми еще никого не доводила до добра. Лучше поговорите с женой, обнимите ее, покайтесь.

— Никогда! — отрезал Савич и, забыв поблагодарить профессора, пошел прочь.

Минц не расстроился. Он знал цену человеческой благодарности. Он лишь печально улыбнулся и начал вырезать из второй половины невидимого платка круг, а затем сшил его в виде ермолки. Он ждал клиентку.

Клиентка, то есть Ванда Казимировна Савич, директор супермаркета, прибежала, как только ее магазин закрылся на обед. Она пришла не с пустыми руками — принесла две банки зеленого горошка и пачку жевательной резинки без сахара «Стиморол». И с порога сказала, что жвачка очень помогает от кариеса.

— Слушайте, Ванда Казимировна, — остановил ее Минц, — я вам предлагаю средство, с помощью которого вы сможете отслеживать своего неверного мужа, не боясь опознания.

— И какое же?

— А вот наденьте эту шапочку, — Минц протянул к Ванде раскрытую пустую ладонь, — и вскоре вы станете невидимкой.

— А что? — задумалась вслух Ванда. — Это выход!

Она была куда сообразительней Савича, потому, может, и достигла в жизни больших успехов.

Не удивившись, Ванда взяла с ладони Минца невидимую ермолку, надела ее на все еще густые и даже буйные волосы и сразу направилась к зеркалу, которое отыскала без подсказки хозяина. Она встала перед зеркалом, уперев сильные руки в крутые бока, и спросила:

— И когда это начнет действовать?

— К вечеру, — ответил Минц.

— Отлично, — сказала Ванда. — Мой как раз намылится... А это не вредно?

— Нет. Невидимость достигается благодаря совершенно безвредному вирусу, которым обрабатывается материя, — пояснил Минц.

— Раньше про СПИД тоже думали, что это безвредный вирус, — сказала Ванда. — Сколько я вам должна, профессор?

— Мне достаточно вашей благодарности.

— Еще лет десять назад я смогла бы вас отблагодарить, — откровенно призналась Ванда. — Сейчас мои прелести упали в цене до нулевой отметки.

* * *

В тот день Савичи возвратились домой пораньше. Каждый из них опасался, что начнет становиться невидимым на людях. Дома они были друг с другом необыкновенно вежливы. Ванда даже приготовила суп из американского пакетика и пюре «Анкл Бенс» с негром на этикетке.

— Ты вечером дома? — спросила она мужа за обедом.

— Не знаю, — искренне ответил Савич. — А ты?

— Тоже еще не знаю, — откликнулась Ванда.

Пока она мыла после обеда посуду, Савич заглянул в ванную и со сладким ужасом увидел, что верхняя часть его головы, там, где располагались пегие волосы, куда-то исчезла.

Начинается...

На глазах происходило его превращение в человека-невидимку. Уже исчез лоб, вот пропадают куда-то глаза... Чем же смотреть теперь?

— Ты еще долго будешь там сидеть? — крикнула из кухни Ванда.

— Одну минутку! — На всякий случай Савич накинул на голову полотенце и стал похож на бедуина в пустыне Сахара. Он метнулся в прихожую и оттуда неубедительно крикнул жене: — Мне надо на полчаса выйти. Я забыл в аптеке книжку.

Хлопнул дверью и кинулся вниз по лестнице. Полотенце он оставил на столике в коридоре, и оно начало постепенно исчезать: вирус пережил период адаптации и теперь принялся за работу.

Ванда пожала плечами. «Пожалуйста, — подумала она, — бегай в свою аптеку. На свидание тебе еще рано. Ты еще вернешься домой надеть галстук и причесать последние перышки. А я пока подготовлюсь...»

Она прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Зрелище оказалось ужасным, и не будь Ванда человеком сильной воли, она упала бы в обморок.

Оказалось, что у нее начисто отсутствует верхняя половина головы. То есть голова начиналась только с середины носа, а сквозь бывший лоб можно было увидеть заднюю стену ванной и приоткрытую дверь.

«Слава богу, — подумала Ванда, — что мой чудак убежал. Хороша бы я была с половиной головы. Он бы точно решил, что я сошла с ума, вызвал бы „Скорую“ — вот тут бы началось!»

Ванда смотрела, как постепенно линия невидимости опускается все ниже. Вирус уже съел щеки, верхнюю губу и зубы... «А ведь даже интересно, — подумала Ванда. — Но не стоять же мне у зеркала! Посмотрю-ка я новости...»

Она уселась у телевизора и, несмотря на то, что ее подмывало снова вернуться в ванную, продержалась у экрана десять минут.

И только когда заметила, что лишилась рук, Ванда поспешила к большому зеркалу.

Это было бы смешно, если бы не было странно: Ванда существовала только до талии. Выше талии Ванды не оказалось. Какой молодец этот Минц! Надо будет ему сделать подарок.

Ванда зачарованно следила за постепенным своим исчезновением. И тут услышала, как в двери поворачивается ключ: вернулся Никита.

Нет, нельзя, чтобы он увидел ее ноги без туловища!

Ванда выбежала из ванной, на цыпочках промчалась на кухню и зашла за стол, так, что теперь ее ноги от двери не были видны. Ванде показалось, что Никита уже возится в коридоре. Сейчас он войдет...

Но Савич не вошел.

Вроде кто-то вошел, но Савича не было.

Ванда кинула взгляд вниз. На полу стояли только ее туфли, а ног уже не было. Сняв туфли, она осторожно вышла в коридор. Там никого не было, хотя казалось, что кто-то дышит.

Как ни странно, ни в тот момент, ни впоследствии Ванда не подумала о том, что Никита тоже может стать невидимым. И Савичу не пришло в голову, что его жена тоже бегала к профессору.

Ванда испугалась, что в доме кто-то есть, тогда как там никого не было видно. В одних чулках она выскочила наружу и только там вздохнула с облегчением. Она решила, что добежит до аптеки, там или по дороге домой перехватит мужа и начнет за ним следить.

Тем временем Савич, который, как можно догадаться, стал невидимым на несколько минут раньше Ванды и вернулся в таком виде домой, жены не застал и несколько встревожился. Неужели эта интриганка воспользовалась его отсутствием и убежала по своим развратным делам?

Савич опять вышел на улицу, размышляя, кому из приятельниц или приятелей жена решила нанести визит. Но был так занят своими подозрениями, что не заметил исчезновения столика в прихожей, на который недавно положил полотенце.

Невидимый Никита Савич пошел по улице, разыскивая супругу.

Невидимая Ванда Савич шла к аптеке, разыскивая своего неверного мужа.

В аптеке Савича не оказалось. И Ванда вдруг подумала, что очень забавно подходить к людям, подслушивать их тихие разговоры, следить, как они встречаются и расстаются. И хоть она не нашла Савича, но вскоре настолько увлеклась исследованиями человеческих характеров, что забыла о муже. Вершиной ее приключений было отслеживание собственной заместительницы Раиски, которая

побежала на свидание с Колядкиным. Ванда отправилась вслед за возлюбленными к Раиске домой и даже сидела с ними за столом, выслушивая нелестные сплетни о себе самой, но не обижаясь, так как быстро поняла, каким образом теперь возьмет весь магазин в ежовые рукавицы — ни одна сотрудница, ни один бухгалтер не скроются от ее повседневного и поминутного контроля. Даже ночью, даже в постели, даже за семью замками... Тут Колядкин возбудился и стал целовать Раиску, а потом они пошли в спальню, и, что удивительно, Ванда не испытывала никакого стыда, присутствуя при их акте любви, который она рассмотрела во всех деталях.

А Савич тем временем носился по знакомым Ванды. Это оказалось удивительно интересно, поскольку знакомые не подозревали, что находятся под пристальным наблюдением. На это ушло часа три. Ванду Савич не нашел, он был удивлен и встревожен тем, что ни в одном из подозрительных мест, ни с одним из подозреваемых лиц он свою жену не застал. Кого только и за чем только он не застал! А Ванды не было...

Так что часам к девяти он собрался домой.

Усталый, раздосадованный, он плелся по улице.

А с другой стороны к дому приближалась Ванда.

Они сошлись возле своего дома. Дом был собственный, еще крепкий, в три окна на улицу, с палисадником и сараем.

Никита шел с юга, Ванда шла с севера. У дома они и должны были встретиться.

Но тут Никита увидел, что на месте их дома ничего нет.

И Ванда, приблизившись с другой стороны, пришла к такому же заключению.

Разумеется, Савич не вспомнил, что он положил зараженное вирусом полотенце на столик в прихожей.

Он лишь кинулся к дому — в ужасе от того, что дом сгорел или украден подобно автомобилю, но, налетев на забор, вскрикнул от неожиданности и боли.

Ванда, которая стояла рядом и в ужасе глядела на яму, которая образовалась на месте дома, услышала крик мужа и спросила:

— Это ты, Никита?

И тот ответил:

— Да, кажется, это я...

Через полчаса возмущенные супруги были у профессора Минца.

Они металась по кабинету, сталкивались, отчего на пол падала лабораторная посуда, книги и даже опрокидывалась мебель.

— Что вы с нами сделали?! — кричал Никита. — Кто вас просил лишать нас жилища?

— Не для того мой покойный папа возводил наш дом, чтобы вы его разрушили! — поддерживала мужа Ванда.

Отступивший в угол Минц забыл простую истину: супруги могут злиться, ругаться, даже убивать друг друга, но как только они видят общего врага, они обязательно объединяются и уничтожают противника совместно. Это биологический закон Вселенной.

— Ничего с вашим домом не случилось, — пытался защищаться Минц. — Он в норме.

— Его ваш вирус сожрал!

Возмущенные крики разносились по всему дому, и вскоре, открыв дверь без спроса, в профессорском кабинете появился Удалов.

— А чего плохого? — сказал он. — Невидимые хозяева невидимого дома! Сюжет для небольшого романа.

На это последовал взрыв негодования, но Удалов не смутился.

— Никита, Ванда, — обратился он к супругам-невидимкам, — к сожалению, я в курсе дела. Вы хотели друг другу насолить, вы проявляли недостойную подозрительность. Вы наказаны за ваши собственные грехи и радуйтесь, что наказание такое мягкое.

— Вот именно, — сказал Минц, но из угла не вышел.

— А если это навсегда? — спросила Ванда.

— О нет! — воскликнул Лев Христофорович. — Клянусь вам, мною проведено множество опытов. Вирус погибает на открытом воздухе на трети сутки.

На этом бой завершился. Удалов принес большую миску вермишели, чтобы покормить невидимок. Странно было смотреть, как пропадает из миски еда, как двигаются в воздухе вилки... Корнелий вначале думал, что будет видеть, как вермишель спускается по пищеводам, но ничего подобного — она исчезала уже во рту: вирус

набрал силу и научился действовать быстро и энергично. Он был в расцвете своих вирусных сил.

После обеда Ванда решила пойти в ванную. Она, конечно, верила Минцу, но сомнения ее не оставляли, как не оставляла и надежда. В ванной она разделась и принялась отчаянно стирать платье. От такой стирки кое-где платье приобрело частичную видимость, но пока Ванда отмывала свое тело, вирус восстановил утраченные позиции. И все снова стало невидимым. И когда Ванда возвратилась в комнату к мужчинам и со слезами в голосе призналась в провале своих попыток, Минц мудро заметил:

— Вирусы не отстирываются.

Никто, конечно, и не подумал тогда, что вирус уплыл во время стирки в городскую канализацию!

С громадным трудом Удалову с профессором удалось уговорить невидимых супругов пойти домой и постараться заснуть. Савичи отказывались, пока виновник их несчастий и Корнелий не согласились проводить пострадавших до родного дома.

Прохожие, возвращавшиеся из кино или из гостей, с удивлением взирали на двух пожилых мужчин, которые, быстро шагая по улице, разговаривали на четыре голоса, причем один из голосов был женским.

Удалов понимал, что сердиться на Савичей не следует, даже если они грубят. Они живут в страхе: а вдруг это уже насовсем? А вдруг вирусы уже никогда не отстираются? Ты идешь рядом с супругом, которого любил или терпел последние сорок лет, а его на самом деле нет, только голос доносится черт знает откуда. Ты спешишь домой, но не уверен, что на самом деле дом существует. Быть невидимым в видимом мире — еще полдела. А попробуйте побыть невидимым в мире невидимых вещей!

Савич по голосу отыскал жену, провел пальцами по ее плечу и схватил за руку. Так они и шли, взявшись за руки, словно испуганные дети. Профессор с Удаловым об этом не догадывались.

Когда дошли до исчезнувшего дома Савичей, оказалось, что положение куда хуже, чем час назад. Не только дома не было, не существовало более и окружающей растительности, а на месте участка зияла черная пропасть, до дна которой не мог достать жалкий свет уличных фонарей. Невидимость подбиралась к соседнему дому,

где в освещенных окнах виднелись люди, собравшиеся ужинать. Боковой стены дома уже не существовало, только жильцы, сидевшие за столом, об этом пока не догадывались.

Удалов подавил готовый вырваться крик ужаса, но Ванда такого крика подавить не смогла.

— Пошли, — позвал ее Минц. — Не бойтесь. Все это лишь видимость. Перед вами твердая земля, впереди — ваш родной дом. Вперед без страха и упрека.

— Нет! — отказалась Ванда.

— Как только мы войдем внутрь, все станет нормальным, — уговаривал Минц. Он отыскал ее в полутьме и подталкивал в широкую горячую спину. Даже странно, что такая горячая спина могла быть невидима! Ванда не расставалась с мужем и тащила его за руку. Удалов замыкал шествие.

Труднее всего дались первые шаги. Корнелий подумал, что путешествие над пропастью подобно ходьбе по стеклянному полу на высоте трех этажей. Надо привыкнуть, главное — не смотреть под ноги.

И все же он не выдержал и закрыл глаза. Наверное, все закрыли глаза, потому что одновременно ахнули, ударившись о забор.

После этого стало полегче. Теперь руки ощущали. Теперь ноги чувствовали под собой дорожку, теперь уже пальцы сами отыскивали невидимый ключ в невидимом кармане, сунули его в невидимую скважину и толкнули, отперев, невидимую дверь. Дверь реалистически заскрипела...

Когда Савичи вошли в дом, где тесно и приятно сдвинулись стены, где можно было расставить локти в коридоре и ощутить обои, стало легче.

— Ложитесь спать пораньше, — посоветовал Минц. — И поговорите наконец откровенно. Ведь вы бы не попали в дурацкое положение, если бы не стремились выслеживать друг друга.

— Как так? — воскликнула Ванда.

— Как так? — ахнул Савич.

Только сейчас они догадались, как глупо себя вели.

— Ах, прости меня... — произнес Савич.

— Извинения потом. Нам с Корнелием пора уходить. Ложитесь спать и обменяйтесь впечатлениями.

— Что вы такое говорите? — вдруг обиделась Ванда. — Не хотите же вы, чтобы я стала раздеваться на глазах у всего города!

— Город вас не видит, и ему вообще не до вас! — сказал Минц. — Спокойной ночи!

Они с Удаловым ощупью покинули дом и ощупью вышли через калитку.

— Но вы уверены, что это пройдет? — крикнула вслед Ванда.

— Послезавтра, — пообещал Минц.

— А нельзя ли пораньше?

— Мы с вами подняли руку на Природу, — ответил Минц. — Это дело не выносит суеты.

Ванда растерялась и замолчала.

Минц потянул Удалова прочь от черного провала, который был полон перепуганных голосов, так как невидимость сожрала уже половину соседнего дома и жильцы его, спохватившись, старались выяснить, что же происходит.

Минц и Удалов быстро пошли по улице.

— Я не мог говорить при них, — сказал Минц. — Но я крайне встревожен.

— А я просто напуган, — признался Удалов.

— Не сегодня-завтра наш Гуслияр может исчезнуть!

— Люди не готовы, начнется паника, будут жертвы...

— Не паникуй, Корнелий. Сейчас придем ко мне, сядем и все обсудим.

К сожалению, сделать этого им не удалось. По очень банальной для Великого Гуслияра причине: когда они подошли к дому № 16 по Пушкинской улице, то обнаружили, что дома № 16 нет, а на его месте зияет глубокий провал, захвативший также соседние дома. Более того, Удалов даже не был уверен, куда двигаться, чтобы нащупывать свой дом, на месте которого находилось лишь туманное зарево. Это вначале смутило, хотя потом Корнелий сообразил: ведь от того, что мир стал невидимым, лампы гореть не перестали.

Минц с Удаловым стояли посреди улицы.

— Там моя семья, — обреченно сказал Удалов. — Они ушибиться могут.

— Тогда надо действовать! — принял решение Минц.

Удалов открыл рот, чтобы выслушать внимательнее, что же предложит Минц, какое противоядие он отыщет, но тут с ужасом обнаружил, что перед ним стоит не Минц, а лишь правая половина Минца — левую уже сожрал вирус.

— Ты тоже, — грустно произнес Удалов.

— Не отвлекайся на мелочи, — сказал Минц. — Надо бежать на радио — объяснить народу.

Видимого Удалова пускать на радио не хотел вахтер. Но когда появилась четверть Минца, вахтер потерял сознание, а Удалов пробежал наверх, к диктору. Диктор тоже немного сопротивлялся. Пока не увидел осьмушку Минца. И тогда в эфир пошло спасительное предупреждение.

Сменяя друг друга, Удалов и Минц провели на радио всю ночь. Именно там был организован штаб по ликвидации последствий невидимости. Именно оттуда разлетались сигналы по всей стране, а потом, когда к утру исчез уже не только Гусляр, но и Вологда, и невидимость начала подкрадываться к антиподам, то есть к австралийцам, Гусляр на несколько часов был признан столицей мира. Мира, который исчез...

* * *

Но главное не в этом.

Ни Удалов, ни Минц, ни правительство России не знали о том, что по странному, но предопределенному Природой стечению обстоятельств через сутки после первого радиосообщения: «Мы невидимы, но мы остаемся людьми!» — к Земле приблизилась на громадной скорости эскадра Черных Владык с неизвестной на Земле, но немало нашкодившей в Галактике Сизой Планеты Немедленной Смерти, которая поставила себе целью уничтожить Землю как будущего лидера Освобожденной Галактики. Однако злодеи не смогли отыскать Землю.

По всем данным, по всем звездным картам, по сведениям шпионов, Земля должна была находиться в определенном компьютерами месте. Но сколько ни вглядывались в темноту космоса капитаны Черных Владык, никакой Земли они не увидели. Тогда,

казнив шпионов и осведомителей, сломав лживый компьютер, уничтожив весь запас спиртного и наркотиков, взбешенные негодяи взяли курс в открытый космос. Будучи в невменяемом состоянии, они влетели в Солнце и сгорели без следа, открыв дорогу миру и прогрессу в масштабах всей Вселенной.

Об этом Удалову сообщили в Галактическом центре, куда он летал года через два после описанных событий.

Савичи живут в мире и согласии. Минц не испытывает никаких угрызений совести. Он передал пробирку с вирусом в ООН, и теперь войны на Земле невозможны. Ну как могут воевать невидимые враги? На ощупь?

Голова на гренадине

— Корнелий, посмотри в окно! — приказала Ксения. — Вчера этого не было.

Корнелий Иванович Удалов подошел к окну и поглядел во двор.

Двор дома № 16 по Пушкинской улице Великого Гусляра, свидетель стольких событий (некоторые из них мирового значения), смотрелся обыкновенно.

Недавно прошел дождь — обыкновенный майский дождь, столь полезный при посадке овощей, листва на деревьях была еще свежей, сирень только собиралась расцвести, крупные капли, собравшиеся на блестящей поверхности стола для домино, отражали солнечные лучи. Стол был вчера покрашен белой масляной краской, сделал это старик Ложкин, который готовился к своему девяностолетию и думал, что именно за тем столом его будут чествовать.

Поодаль от стола, ближе к сараю, возвышалось неземное растение, напоминавшее небольшой баобаб, с листвой голубого цвета и сиреневыми плодами, схожими с грушами.

— Ну что, это пришелец? — спросила Ксения.

— Вернее всего, пришелец, — согласился Удалов. — Мичурину такого не вывести.

Ксения, которая, как известно, лишена чувства юмора, спросила:

— Это какой Мичурин? Из сельхозуправления?

— Пойду вниз, — сказал Удалов. — Погляжу, зачем они прибыли.

— Странно, что прибыли, — заметила Ксения. — У них же ног нету.

— Все может быть.

— Ты к ним близко не подходи, а то еще какую заразу домой притащишь.

— Скорее всего, они к нам прилетели с добрыми намерениями, — ответил Удалов. — Видишь, на него голубь сел. И хоть бы что.

— А вдруг они, мерзавцы, замедленного действия? Через полчаса подохнет твой голубь.

Удалов не стал спорить с Ксенией. Она ведь женщина неумная, но если начнет спорить, за ней всегда останется последнее слово.

Спустившись на первый этаж, Удалов постучал к профессору Минцу.

Тот уже не спал, занимался зарядкой.

В последние недели Минц решил сгонять вес. Конечно, он мог изобрести радикальное средство: неделя — и пятьдесят килограммов долой! Но Минц как серьезный исследователь предпочел сначала испробовать испытанные способы похудения, а потом уж изобрести что-нибудь свое.

Так что когда Удалов постучал к Минцу, тот стоял на голове и читал газету.

— Выходи, Лев Христофорович, — позвал Удалов профессора. — К нам опять пришелец залетел. Надо выйти на контакт, понять, в чем цель ихнего визита.

Минц даже не стал задавать ненужных вопросов. Рухнул всем телом на пол, восстановил дыхание и, запахивая халат, присоединился к Удалову.

Они вышли во двор. Было прохладно, даже зябко.

Странное растение по-жестяному шуршало листьями.

— Как оно тебе? — спросил Удалов.

— А как они прилетели, если ног нет? — спросил Минц.

— Опять двадцать пять! — возмутился Удалов. — Что вы, сговорились, что ли?

Он дотронулся до листика. Листик был холодным и скользким.

— Осторожнее! — крикнула из окна Ксения. — Может, он жжется.

— Нет, не жжется, — возразил Удалов.

И хотел сорвать грушу.

Но груша не сорвалась.

— Корнелий! — предупредил его Минц.

И тут груша рассыпалась в руке Удалова, и из нее прыснуло во все стороны облако микроскопических семян.

Минц отскочил.

А Удалов даже и не пытался отскочить.

Махонькие семечки комариными укусами вонзались в его подбородок, щеки и даже небольшой нос.

— Фу ты! — возмутился Корнелий Иванович. — Это еще что за агрессия? Так себя братья по разуму не ведут.

Он интуицией понял, что имеет дело с братьями по разуму, хоть и в растительной форме.

* * *

Растение — назовем его космическим гренадином, потому что его как-то надо назвать, а настоящего названия мы не сможем выговорить, — думало примерно так:

«Как приятно попасть на гостеприимную и теплую Землю, как славно увидеть аборигенов, таких здоровеньких и бойких. Как желательно включить их в собственную суть, сделать их одними из нас, чтобы мы вместе могли радоваться наполненности жизни, мирно философствовать и осваивать во благо местного населения все новые и новые космические тела. Вот этот, лысенький, курносенький, с проседью — он уже пронзен нашими стрелами любви, он скоро станет одним из нас, он присоединится к Мировой Яблоне. И счастье, владеющее нами, станет и его счастьем!»

Из этого внутреннего монолога нетрудно сделать вывод, что на Землю действительно угодили братья по разуму, готовые дружить с нашим населением и ждущие взаимопонимания. Сколько раз в ее истории приходилось сталкиваться с агрессорами, извергами, а то и просто скотами, но вот наконец повезло!

Удалов склонен к идеализации космической дружбы, он потянулся к растению, хоть и рассердился на уколы.

Минц устроен иначе. Он ученый, он ищет сути. Он допускает, что под личиной друга может таиться враг.

Поэтому он вытащил свой большой носовой платок, прикрылся им от летучих семян пришельца, а когда тот истоцил весь запас, свернул платок вместе с захваченными орудиями агрессии и понес к себе. В это время во двор вошел новый редактор газеты «Гуслярское знамя» Михаил Стендаль, сменивший ушедшего на пенсию товарища Малюжкина. Он публиковал с продолжением в своей газете мемуары Корнелия Удалова, Гражданина Вселенной. Писал их он сам — благо

жизнь Корнелия Ивановича прошла на глазах горожан, а Удалов лишь уточнял детали.

— Что, — спросил он, — к Корнелию Ивановичу гости из космоса?

— Нет, — сказал Минц, который уже почти ушел со двора, — это, боюсь, агрессия.

— А красивое дерево, — заметил Стендаль.

Минц его не слышал. В дверях он столкнулся с некогда персональным, а теперь обыкновенным пенсионером Ложкиным. Тот и в девяносто лет держал себя орлом и строчил кляузы в центральную печать, на которые никто не отвечал.

— Милицию вызвали? — спросил Ложкин, который пришельцев не терпел и к космической дружбе относился враждебно. — Весь двор загадили. — Он подошел к растению и сказал ему в лоб: — Чего расселся! Тебя звали? А ну, собирай манатки и мчись на свой Альдебаран. Небошь, оттуда тебя метлой выгнали!

Растение мысленно поежилось.

«Странное существо», — подумало оно.

Оно попыталось мысленно дотянуться до Ложкина и поведать ему о вселенской любви, но не дотянулось, потому что до Ложкина еще никто не смог дотянуться.

Ложкин подобрал с земли камень и кинул его в дерево. Дереву не было больно, и оно отнеслось к поступку Ложкина с пониманием, так как увидело в нем мятущуюся душу одинокого старика.

Ложкин выругался нецензурно и пошел домой вызывать милицию.

Он так спешил, что растение не успело выпустить по нему серию острых стрелок-семян.

Михаил Стендаль наблюдал за этой сценой, не скрывая сардонической усмешки. Он подумывал о том, как напишет фельетон о г. Л., который площадно ругался с не понимающими его инопланетянами.

Улыбаясь, он поднялся на второй этаж, не заметив, что ему в затылок вонзилось несколько стрелочек — семян пришельца.

Инопланетное растение огляделось. Оно впервые попало в земную квартиру и было потрясено, как сложно, неудобно и даже бессмысленно живут люди на этой планете.

Глазами Удалова, ставшего уже фактически частью растения, оно осмотрело мебель, столь ненужную разумному существу, посуду, различные вещи и даже жалкие растения на окнах. А одежда — зачем же таскать на себе эти тряпки? Антигигиенично, некрасиво и унижительно!

Ксения спросила:

— Ты чего, Корнелий?

— Думаю, — ответил муж. — Думаю о том, что мы с тобой неправильно прожили жизнь.

— Начинается! Где ты еще этого нахватался?

— Мы мелочились, суетились, куда-то стремились. А зачем?

— А затем, чтобы до зарплаты дотянуть, — разумно ответила Ксения.

— Не опускайся на грязную землю, — попросил Корнелий супругу. — Ничего ты там не найдешь, кроме мелочности. Смотри вдаль.

— Корнелий, не заболел ли?

— Спустись вниз, подойди к посланцу Истины, убедись, насколько ты не права.

— Только этого мне не хватало! А кормить тебя, оболтуса, кто будет, Пушкин?

Удалов вздохнул, но не отчаялся. Как настоящий миссионер, он понимал, что миссии легкими не бывают. Сколько святых людей закончило свои дни на кострах, а то и в желудках каннибалов! Мысль Удалова, хоть и была подсказана растением, частью которого он уже становился, сохранила некоторую земную самобытность, потому что понятия каннибализма среди гренадинов не существовало.

Пришел Стендаль.

Он, конечно, значительно отстал от Удалова в процессе превращения в инопланетное растение, но был на верном пути.

— Будем трудиться? — спросил он.

Удалов посмотрел на него ясным взором и произнес:

— А есть смысл вообще в воспоминаниях? Разве не отвлекают они нас от слияния с Космосом?

— Странно, — ответил Стендаль. — С одной стороны, я положил немало сил для того, чтобы запечатлеть для потомков ваши героические деяния...

— Ах, оставьте! — ответил Корнелий Иванович. — Мне теперь стыдно даже думать о том, на что ушла моя жизнь, вернее, ее первая половина.

— Понимаю вас, понимаю, — согласился Стендаль. — Но жалко, а?

— Нет, не жалко!

Ксения смотрела на мужа и Мишу, не понимая, что с ними случилось. Разумеется, она не связывала это поведение с прилетом во двор инопланетной штуки. Но была встревожена. Тем более что и Корнелий, и Миша категорически отказались поехать.

Тут со двора донеслись голоса.

Внутренним чутьем — а ведь Корнелий был теперь связан невидимыми нитями с главным деревом — Удалов понял, что шум связан с инопланетным гостем.

Оказывается, пришел милиционер Пилипенко-младший, тут же к нему присоединился Ложкин.

Милиционер был в бронежилете, с дубинкой и автоматом.

Это не означает, что такое вооружение ему было необходимо в мирном Гусяре, но раз такое завели в Москве, то мы ведь не хуже? Мы этого достойны?

Милиционер обследовал дерево, не подходя к нему близко, за ним ходил Ложкин и громко ругался на то, что во двор уже выйти стало нельзя, так все загадили, а спросить надо с Удалова, потому что тот приманивает непрошенных гостей.

Дерево, конечно же, слушало этот разговор и не все понимало, однако ему было неприятно ощущать отрицательные эмоции Ложкина, и потому оно принялось кидать в Ложкина стрелки, не забыв, конечно, и о милиционере.

Ложкин пострадал почти сразу, но не заметил в пылу битвы, а вот сержант Пилипенко-младший устоял, так как был в бронежилете, а его семенами, даже космическими, не пробить.

Вышел Минц.

— Я согласен с Ложкиным в одном, — сказал он милиционеру, — мы не знаем действительных целей этого синего монстра. Хочет ли он

нас любить или будет поработать?

— Любить! — крикнул со второго этажа Корнелий.

— Я согласен с мнением предыдущего товарища! — поддержал его редактор газеты.

— В любом случае пускай знает свое место, — сказал Ложкин, который еще не переменился, а продолжал упорствовать. — Пускай убирается на площадь или к музею, чтобы не создавать угрозы.

— Ну что ты говоришь! — крикнул сверху Удалов. — Ведь оно прилетело к нам, чтобы научить нас любви и покою, а ты говоришь — не создавать угрозы!

— Корнелий! — строго окликнул его профессор. — Что это означает? Ты почему с нами за инопланетянина говоришь?

— Что чувствую, то и говорю, — ответил Корнелий.

— Надо убирать, — согласился Пилипенко.

Растение немного встревожилось и выпустило в него весь запас семян.

А в душе Ложкина шевельнулись сомнения, правильно ли он делает, нападая на это красивое инопланетное создание?

Это значило, что семена пустили корешки, и душа Ложкина постепенно проникалась благородными чувствами, свойственными растению гренадин.

Пока сомнения шевелились в Ложкине, приехала пожарная машина, пожарные были одеты в брезентовые робы, растение не смогло обратить их в свою веру, так что пришлось вмешаться Удалову, а уж потом на помощь к нему пришел Стендаль.

Но Пилипенко-младший был неумолим. Ему давно надоели инопланетяне. Они нарушали порядок в городе. В любой момент могло приехать начальство из области, а кому тогда отвечать? Пилипенке!

Так что пожарники для видимости порубили растение топорами, топоры затупились, а результаты были нулевыми.

Приехал бульдозер.

К тому времени в душе Ложкина произошли перемены, и он полностью перешел в стан защитников инопланетянина. Он кричал на пожарников и бульдозериста, а также грозил написать куда следует.

Вернулась с работы Гаврилова, в нее растение пустило несколько стрел, а заодно попало Ксении, которая пошла в магазин за молоком.

Бульдозер опустил лопату и пошел на растение гренадин штурмом. Растение покачнулось, но выдержало удар. Ему было больно и горько сознавать, что в ответ на любовь и ласку люди стараются сделать больно.

Правда, оно не отчаивалось, так как среди людей у него были верные друзья.

С третьей попытки бульдозер сломал лопату, бульдозерист Кравченко вылез из машины, пошел к растению, поддал по нему сапогом и получил свою порцию семян.

Пилипенко пошел звонить в воинскую часть, чтобы прислали танк с огнеметом, а также вертолеты. По наущению Минца он полагал, что Земля подверглась нашествию хуже Батыева.

* * *

Смеркалось. В небе над Великим Гусяром прошел военный вертолет, подготавливался штурм.

Удалов и его товарищи расставили стулья вокруг инопланетянина, решив провести так всю ночь и, если нужно, закрыть дерево уже не очень нужными телами.

Они молчали, потому что за последние часы научились передавать на расстояние мысли и читать мысли своих товарищей.

И мыслили они едино.

Удалов, а с ним вместе Стендаль, Ксения, Ложкин, Гаврилова, бульдозерист Кравченко, дети из второго подъезда, почтальон и еще восемь человек, включая супругов Савичей, которые вовремя пришли в гости к Минцу, но потом раздумали у него пить чай, размышляли: «Насколько наивны потуги личностей, недовольных той внутренней свободой, гармонией и миром, которые принесли на Землю добрые посланцы Вселенной! Ведь они неизбежно потерпят поражение и станут частью всемирного братства духа и благородства. Что такое буддийская нирвана? Это и есть цель освобождения от чувств и, главное, желаний. Цель — быть одним телом и одной душой. И ничего не хотеть, кроме того, чтобы заполнить мир морем благожелательности. Нужны ли привязанности? Нет, конечно! Они нарушают гармонию покоя! Нужна ли сама жизнь? Только постольку,

поскольку она не мешает слиянию душ в полном бездействии. Вот, оказывается, к чему должно стремиться человечество! И оно этого достигнет».

Лишь профессор Минц понимал, что терпит поражение, что его друзья и соседи мысленно сдались перед растением и даже готовы отдать ему все, что есть у них дорогого.

Профессор вышел во двор и увидел, как Корнелий Удалов подошел к растению, протянул вперед руки и вошел в его ствол.

— Ах! — воскликнул профессор.

Но ничего не смог поделать. Исчез Удалов. Словно его и не было.

Тут поднялась Ксения Удалова. Она не смотрела по сторонам, да и на нее никто не смотрел. Словно робот, она двинулась следом за мужем.

— Какое счастье, — произнесла она в тот момент, когда ее грудь коснулась ствола растения гренадин.

И так, один за другим, в дерево вошли шестнадцать жителей Великого Гусяра.

Минц ничего не сделал. И не мог ничего сделать. Он понимал, что бессилён победить законы Галактики.

Только немые горькие слезы медленно стекали по его тугим щекам.

Снова затрещал мотор вертолета. Он шел низко, словно собирался пустить ракету.

И тогда, опомнившись, Минц побежал к себе, набрал номер секретного телефона воинской части и потребовал, чтобы приготовления к штурму инопланетного растения были прекращены. Там, в растении, люди.

— Оно их сожрало? — в ужасе спросил дежурный по части.

— Нет, — ответил Минц, глотая слезы, — они сами с ним слились. Теперь мы имеем дело не только — и не столько — с пришельцем, сколько с коллективом, в котором на каждого пришельца приходится больше десятка наших граждан.

Дежурный по части не поверил, и Минцу пришлось дозваниваться до Министерства обороны, благо у него там были друзья.

Бомбардировку Великого Гусяра было решено отложить до утра, а пока выслать квалифицированный десант.

Ах, как сладко и мирно было Удалову в чреве растения. словно он, прожив на свете больше шести десятков лет, вернулся в утробу матери. Его мысли, слившись с мыслями растения, устремились к совершенству. Он понял, будучи частью Великой Яблони, какова высшая цель овладения Вселенной — всеобщее счастье, лишённое желаний и мелкой житейской суеты.

Удалов знал, что рядом с ним наслаждаются нирваной его соседи и иные жители Гуслияра, которые, конечно, уже не жители этого безумного городишки, а атомы, молекулы великого Растения.

Коллективным взором Удалов и прочие молекулы Растения увидели, как с первыми лучами раннего солнца из дома вышел удрученный профессор Минц. Он был в драповом пальто, надвинутой на глаза шляпе и черных очках — ох и трудно добраться до него нашим семенам!

А Минц, в свою очередь, увидел такое, что чуть не рухнул на землю в беспамятстве.

За ночь дерево обзавелось плодами.

На его ветвях росли плоды, имевшие явное сходство с головами известных Минцу людей. Вот висит груша — головка Корнелия Ивановича. А в том, еще зеленом плоде можно угадать черты старика Ложкина. На лицах — сладкая отрешенность. Глаза закрыты. А улыбки! Улыбки у всех были схожи — это были улыбки небезызвестной Джоконды.

Минц осторожно постучал костяшкой пальца по щеке Удалова.

— Корнелий, ты меня слышишь? — спросил он.

Плод не реагировал.

Минц подергал за грушу. Удалов крепко висел на черенке, который поднимался из его темечка.

Сильнее дергать Минц не решился — а вдруг повредит старому другу.

Тут над двором снизился вертолет и из него по веревочной лесенке спустились несколько генералов.

Они долго стояли вокруг растения и качали головами. С одной стороны, они признавали, что гуманность требует оставить растение в

покое, с другой — что гуманность требует уничтожить растение огнеметами или направленным ядерным взрывом, чтобы оно не поймало в свои сети других российских граждан.

Решено было перенести обсуждение вопроса на Совет безопасности при президенте, засекретить явление, ввести карантин в пределах домовладения № 16 по Пушкинской улице и подтянуть к Великому Гусляру отдельную парашютную бригаду.

После этого во дворе был накрыт походный стол для генералитета, за который пригласили профессора Минца и замгорпреда Лидию Ли, железную женщину и корейскую мисс Пхеньян, о чем разговор как-нибудь будет особый.

Напившись, генералы попытались сорвать плоды с дерева, но не преуспели, зато (так как гуляли без бронежилетов) к концу пира три генерал-полковника и генерал армии Гремящий были безусловно заражены сознанием всеобщего мира и покоя и отказались улететь в Москву. Вместо этого они ринулись к дереву и влились в него.

Дерево склоняло ветви под тяжестью земных плодов, а в Министерстве обороны было решено скрыть от общественности и президента исчезновение ряда руководящих военачальников, благо на их места были желающие.

Генералы, влившиеся в общую песнь счастья, также превратились в плоды Яблони и, покачиваясь под налетевшим ветерком, спокойно и отстраненно размышляли о ненасилии.

Сама же яблоня была преисполнена счастья, потому что еще вчера и мечтать не могла о таком числе и качестве неофитов с Земли.

В этом месте нашего рассказа читатель почти наверняка ждет парадокса. Он понимает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а космические яблони прилетают, чтобы завоевать нас и превратить в безгласных рабов. Вот-вот, понимает читатель, яблоня проявит свою истинную дьявольскую сущность, и лишь профессор Минц с газовым баллончиком в руке будет противостоять страшному нашествию.

Я должен разочаровать читателя.

В глубинах Вселенной существует не только злобный разум, стремящийся всех завоевать и растоптать. Выше его расположен уровень всеобщего счастья и благоденствия. Разумеется, внедрение счастья проходит не всегда гладко, но уже есть положительные

сигналы. И не исключено, что в обозримом будущем вся наша Галактика станет великим садом нирваны.

Яблоня, которая стояла во дворе дома № 16 по Пушкинской улице, желала людям только добра.

И те, кто стал ее плодами, осознав это счастье, ни к чему не стремились, не ждали пенсии, не желали купить путевку в Анталию, не хотели окрошки или жениться.

За последующий день в яблоню влились три кота, собака Жулик, затем ее хозяйка, которая искала Жулика, несколько любопытных прохожих и ворона, севшая нечаянно на голову Ксении Удаловой.

В оцепленном войсками дворе было тихо, на скамеечке сидел последний не превращенный и не эвакуированный жилец — профессор Минц. Ему было жарко в пальто, но осторожность не мешала. И хотя Лев Христофорович уже пришел к тем же выводам, что и мы с вами, его настроение не улучшилось.

Ведь он потерял лучших друзей, он потерял добрых соседей, он был на грани того, чтобы потерять всю нашу планету. Вон они, свежие ростки, что появляются рядом с яблоней. Ведь ей тоже приходится расширяться, чтобы поглотить население Российской Федерации.

Минц гулял вокруг яблони, увертываясь от семян, вглядываясь в лица плодов. Нет, они все так же безмятежны. Яблоню можно, наверное, взорвать, выжечь, но это приведет к убийству. И вернее всего, она поглотит человечество раньше, чем оно решится ее уничтожить.

— Детей жалко, — сказал Минц.

Яблоня ответила ему телепатически:

— Вы их не жалеете, радуйтесь за них, профессор. Вместо опостылевшей школы, вместо перспективы унижительных переэкзаменовок в институте, вместо пустых переживаний юных лет они получают покой сразу, без промежуточных ступеней. Они окажутся мудрее вас, Лев Христофорович. Они уже с детства избавятся от желаний и связанных с ними страданий. И человечество не будет знать ни болезней, ни смерти...

— Ни радостей, — вставил Лев Христофорович.

— Каждая радость кончается разочарованием и горем, как каждая любовь завершается разлукой, а жизнь — смертью, — мудро ответила

Космическая Яблоня, и все многочисленные плоды на ее ветвях закачались, подтверждая неизбывную мудрость этих слов.

Минц понял, что потерпел поражение.

— А что дальше? — спросил он.

— Дальше — расширение числа счастливых. Добровольное, неспешное, радостное.

— Но начнутся конфликты!

— Мы и это предусмотрели. Ведь ребенок отказывается принимать пилюлю, потому что не понимает, что она принесет избавление от болезни.

— И что же вы придумали?

— Мы думали все вместе, — ответила яблоня. — И по совету генералитета, что висит на моих ветках, решили принять участие в парламентских выборах в России. Мы приведем к победе партию Счастья. Партию Безмятежности. Партию Изобилия.

— Какое уж тут изобилие!

— Вы не поняли нас, профессор, — ответила терпеливо яблоня. — Изобилие определяется не абсолютным количеством вещей, а желанием их иметь. Абсолютное изобилие достигается тогда, когда людям ничего не нужно. Нет у них желаний, и все тут!

— Парламентские выборы... — произнес Минц. — А потом?

— Если они не дадут нам полного охвата счастьем всего населения, выдвинем себя в президенты, — ответила яблоня.

И тогда Минц махнул рукой и пошел домой.

Он решил присоединиться к друзьям.

Он прошел в свой скромный кабинет, выключил факс, отсоединил компьютер, кинул в корзину неотправленные письма и недописанную статью. Ведь статьи не нужны в мире, где все проблемы решены, а цели достигнуты.

Тут его сморил сон, и он задремал на диване, не снимая драпового пальто.

И он не ведал о том, что происходило во дворе дома № 16.

* * *

Если ты находишься в состоянии полного счастья, то тебе не требуются не только окрошка и пальто, но и сон.

Так что все плоды находились в состоянии сладкого полусна и могли бесконечно рассуждать о личном счастье и ненужности движений.

Этим занимался и Корнелий Удалов.

Висел и наслаждался.

Потом вдруг — сам не понял, как это произошло, — его посетила совершенно чужая и ненужная мысль: а как там Ксюша, не дует ли ей?

— О нет! — ответила яблоня, услышав, разумеется, мысль Корнелия Ивановича. — Ваша бывшая супруга, а ныне равноценный плод Ксения, наслаждается нирваной, как и вы сами.

Этот ответ, конечно же, порадовал Удалова, но тут до него, как сквозь сугробы и большие расстояния, долетела мысль Ксюши:

— А выключила ли я холодильник? Ведь так до конца месяца счет придется платить. — И тут же мысль перетекла в другую: — Как там сын Максимка, который собирался в Томск?

— А какое нам с тобой дело до Максимки, Томска и холодильника, — мысленно сказал бывшей жене, а ныне яблоку Корнелий. — Никакого!

— Никакого! — согласилась Ксения и обеспокоилась: — Ведь кошка не кормлена.

А тут еще все плоды пронзила мысль генерала армии Гремящего:

— Завтра придут мастера делать туалетную комнату на даче! Кто их встретит?

— Кому нужны твои мастера! — почти закричала яблоня. — Ты же наконец достиг счастья.

— Так точно, — согласился генерал, зато другой генерал, интендантский, пожилой, подумал, что его молодая любовница как-то дурно и подозрительно улыбается адъютанту Смирнову. Но пока яблоня гасила эту плупую и ненужную мысль генерала, замельтешили мысли нескольких мальчишек, которым почему-то понадобилось лезть на стрельбище за пулями, а тут еще Гаврилова возмутилась поведением сына, который вознамерился снова жениться и разменивать жилплощадь.

— Ну на что тебе жилплощадь, женщина! — закричала, мучаясь, яблоня.

— И то дело, — согласилась Гаврилова. — А где же я жить буду? И тут свершилось!

Оказывается, все плоды, насладившись счастьем, принялись думать неправильно. Всю жизнь эти люди стремились к счастью и покою, а вот получили — и на тебе!..

* * *

Проснувшись на рассвете, профессор Минц сбросил пальто, костюм и даже ботинки и в одних трусах пошел сдаваться Счастью.

Было зябко, и дул пронзительный ветер.

Яблоня съежилась, почернела и дергалась под порывами ветра.

Последние плоды с глухим стуком падали на землю.

И подобно тем, что упали раньше, превращались в сонных жителей Гусяра и других городов.

Люди поднимались, отряхивали с себя пыль и, не глядя на дерево, уходили прочь.

Даже Минца никто не узнал, кроме Корнелия, который, спеша домой, кинул обнаженному профессору:

— Иди, иди в тепло. Простудишься! Космический эксперимент, к счастью, провалился.

— Ты сорвался с яблони! — догадался Минц.

— Разумеется! — ответил Удалов. — Ведь завтра с утра на рыбалку!

Космическая яблоня крикнула телепатически:

— Вы еще об этом пожалеете, дикари!

Она подобрала ветви и, превратившись в маленький космический корабль, ринулась к звездам.

Этого тоже никто не заметил.

Да и кому замечать, если все уже ушли со двора.

Даже профессор Минц.

Женской доле вопреки

В девятом классе Кристину Чистову оскорбил Трофим Денисов с задней парты. При всех на большой перемене он дернул Кристину за толстую тугую косу и спросил:

— Ну что, крысенок, пойдешь со мной на танцверанду?

Кристине было больно и стыдно. Она развернулась, попыталась вырвать косу из пальцев обидчика и ткнула его кулачком в нос. Денисов отклонился, а все стали смеяться.

Этот инцидент переполнил чашу терпения Кристины и ускорил рост ее самосознания.

Придя домой, она взяла тайком мамины портновские ножницы и одним движением отрезала свою косу — символ девичьей чистоты и скромности.

Мама увидела свою дочку в новом облике, когда вернулась со службы.

— Не волнуйся, мама, — сказала Кристина. — Я нашла свой путь в жизни. Отныне я стану мстительницей за все унижения и обиды, нанесенные женщинам этими... мужчинами.

— Как же ты будешь мстить? — испугалась мама.

— Я превзойду их во всех начинаниях, которые мужчины считают своими, я заставлю мужчин покорно лечь у моих ног.

— Но сила женщины в ее слабости, — сказала разумная мама. — Мужчина готов лечь у ног женщины именно потому, что она слаба и беззащитна.

Но Кристина не приняла этого парадокса. Она уже вышла на тропу войны.

— В жизни женщины всегда найдется место мужскому подвигу, — сказала она и подняла пылившиеся в углу гантели.

С того дня Кристина перестала улыбаться, перестала общаться с мальчиками иначе как на стадионе или за шахматной доской. Она вставала с петухами, бежала три километра по берегу реки, затем, независимо от температуры воды, ныряла в быстрый поток и трижды переплывала реку туда и обратно. Затем прыгала с шестом, решала шахматные задачи, включала тренажеры и на обед съедала полведра

овсяной каши. Кристина не избегала стычек и потасовок, и вскоре молодые люди стали избегать ее, чтобы не ходить с расквашенным носом или подбитым глазом. Но больше всех доставалось, конечно же, первому обидчику, из-за которого Кристина лишилась косы. Земля горела у него под ногами, и в результате он убежал наемником в Приднестровье, полагая, что нет горячей точки горячее, чем вторая средняя школа города Великий Гусяр.

Разумеется, у Кристины появились поклонницы и последовательницы, и она ходила, окруженная стройными боевыми девушками.

В десятом классе Кристина без труда выиграла первенство города по шахматам, подводному ориентированию, боксу, поднятию гирь и карате.

Кристина получила золотую медаль за окончание школы, в городе воцарился порядок, так как мужчины перестали сквернословить, не смели поднять руку на слабого, а иначе через пять минут на месте происшествия появлялся летучий отряд «крестинят», и мужчина вылетал из города, а возвратиться туда он мог только на коленях.

Кристина расцвела, она казалась старше своих семнадцати лет, она стала подумывать о спутнике жизни, но объявила родным, что согласится выйти замуж только за принца — при условии, если принц признает ее в семье главной.

Программа Кристины была убедительной, но в Великом Гусяре принцев не водятся, их даже в области нет.

В ожидании принца Кристина хотела бы совершить еще несколько подвигов, но для этого в Гусяре также не было возможностей.

И тогда Кристина, оставив город на своих учениц, попрощалась с родителями и отправилась в Москву.

В автобусе она оказалась рядом с Корнелием Ивановичем Удаловым, который в детстве качал ее на коленях. Удалов ехал в столицу на конгресс организации Гринпис, которая занимается охраной экологии от людей. Так что вместе землякам пришлось пробыть более суток.

За это время Кристина немало рассказала о себе, а Удалов внимал ее речам. Другому Кристина и не стала бы рассказывать о своих мечтах, но дядя Корнелий был в Гусяре исключением — он много

раз летал на другие планеты, был известен в Галактике, хотя преимуществ из своей уникальной судьбы не извлек.

Ставя себе Корнелия в пример, Кристина говорила:

— Я вижу свое ближайшее будущее как восхождение от подвига к подвигу до тех пор, пока в последнем усилии я не отыщу себе достойного спутника жизни.

— И как же ты себе это конкретно видишь?

— На моем месте сказочный богатырь сначала одолел бы Соловья-разбойника, потом победил в бою Змея Горыныча, наконец убил бы Кощея Бессмертного, чтобы освободить свою суженую. Любой из этих подвигов мне по плечу. Не хватает пустяка — нет драконов, плохо с Кощеями и Соловьями.

— Я так думаю, — сказал Удалов, когда они стояли на платформе станции Дальнебродная в ожидании московского поезда, — что даже в ископаемые времена все эти подвиги совершались в переносном смысле. Иначе нам с тобой пришлось бы верить в сказки. На самом деле богатыри не гонялись за драконами, а сводили счеты между собой.

— Ой, не путайте меня, дядя Корнелий, — рассердилась красавица, — в жизни всегда найдется место подвигу!

— Твой подвиг заключается в том, чтобы успешно поступить в институт, учиться на «отлично» и стать полезным членом общества. Полезнее, кстати, чем любой мужчина.

Пришел поезд, они сели в один вагон и ехали в одном купе.

— Куда же мы решили поступать? — спросил Удалов, когда они проезжали Вологду.

— Есть несколько вариантов, — искренне ответила девушка. — Я еще не решила, где труднее — на боксерском факультете Института физкультуры, в Воздушно-десантной академии или в училище водолазов. Возможны и другие варианты.

Удалов с трудом сдержал улыбку. Он не посмел сказать Кристине, что одно дело — быть первым парнем в Гусяре, а совсем другое — попасть в первую десятку в столице России.

Утром, перед приездом в Москву, девушка проснулась свежая, бодрая, готовая к испытаниям. На каком-то полустанке она сознательно отстала от поезда и затем бежала рядом со своим вагоном

шестьдесят километров до следующей станции. И почти не запыхалась.

Вернувшись в вагон и умывшись, Кристина сказала Корнелию Ивановичу:

— Кажется, я придумала сказочный подвиг, до которого не только не додумался, но и не мог додуматься ни один мужчина.

На все вопросы Удалова девушка лишь загадочно улыбалась и отмалчивалась, что, разумеется, вызывало тревогу в Удалове. Все-таки он нес определенную ответственность за девушку и не хотел, чтобы она погибла.

Так что Удалов решил проследить за Кристиной.

Кристина спустилась в метро, Удалов, попрощавшись с ней, тут же вошел в следующую дверь. Кристина сошла на станции «Чистые пруды», Удалов последовал за ней. Несколько раз Кристина заглядывала в путеводитель и в конце концов добралась до магазина «Инструменты» на Мясницкой улице. В магазине она пробыла минут пять, что-то купила, но Удалов дежурил на другой стороне улицы и не смел приблизиться, чтобы не быть замеченным.

Затем Кристина, сверяясь с путеводителем, спустилась к Лубянке, пересекла площадь по подземному переходу, вышла на Никольскую и оттуда проследовала к ГУМу, куда, к удивлению Удалова, заходить не стала, а пошла через Красную площадь, печатая шаг по брусчатке.

Удалов следовал за ней, отстав метров на сто.

Кристина зашла за Исторический музей и там, как увидел Удалов, заняла очередь в Мавзолей Ленина, который был открыт ежедневно до тринадцати часов.

Удалов, недоумевая, зачем Кристине понадобилось побывать в Мавзолее, тогда как она ранее ничем не выказывала своих политических воззрений, встал в очередь в десяти человеках сзади.

Через полчаса они дошли до Мавзолея.

Удалов так и не придумал объяснения нелогичному поступку девушки.

Кристина влилась в Мавзолей, следом за другими туристами.

Удалов, шедший сзади, мог за ней наблюдать.

Оказавшись в замкнутом низком помещении центрального склепа, Кристина неожиданно кинулась к хрустальному гробу,

подсвеченному изнутри. Владимир Ильич лежал в гробу, закрыв глаза и мирно сложив на груди желтоватые руки.

Неужели Кристина решила отомстить ему как главному мужчине страны Советов?

Не успел Удалов сообразить, что к чему, как несколькими сильными ударами молотка, купленного в «Инструментах», девушка разбила высокую крышку саркофага.

Вокруг закричали испуганные туристы.

— Всем стоять! — приказала Кристина.

Ошарашенные туристы и караул замерли.

И тогда девушка Кристина семнадцати лет, мечтавшая о сказочном подвиге, способном уничтожить мужское превосходство на планете, а также искавшая себе настоящего принца, склонилась к голове Ильича и уверенно, смачно, чувственно поцеловала мужчину, спящего вечным сном в хрустальном гробу.

И все увидели, как дрогнули ресницы Владимира Ильича, открылись его карие с прищуриной добрые глаза и как шевельнулись его губы, произнеся:

— Это вы меня целовали, товарищ девушка?

— Я, Владимир Ильич, — ответила Кристина.

— Большое спасибо, товарищ...

— Кристина.

— Вот именно, товарищ Кристина! И долго ли я проспал?

Вокруг люди принялись хлопать в ладоши. Кричали «ура!».

Кристина остановила крики, подняв вверх руку.

— Знаете ли вы, Владимир Ильич, что отныне вы мой жених? — спросила она.

Со всех сторон надвигались люди в штатском и в белых халатах. У них в руках поблескивало оружие.

— Этого не может быть! — кричал на Ленина бородатый профессор с гранатометом. — Вы же умерли навсегда!

— А вот с этим мы еще поспорим, голубчик! — возразил Ильич, садясь в гробу и опуская ноги в черных ботиночках. — Если вы хотели вечности, то надо было закапывать меня в землю, как человека. Теперь же мы еще посмотрим, кто кого, господа-товарищи!

Охрана и медики хотели стрелять, но они не знали, что имеют дело с чемпионом Великого Гусляра по борьбе и карате. Раскидав

противников, Кристина протянула Ильичу руку. Он крепко схватился за девушку, и она повела Ильича наружу. Толпа зрителей становилась все гуще, и многие тянули к Ленину книжки для автографов.

Вышли на улицу.

Кристине пришлось взять Ильича на руки — он был легкий, почти невесомый, видно, все внутри ссохлось, да и ходить отвык.

— К Спасским воротам! — приказал он.

Кристина пронесла его по узкой дорожке вдоль Кремлевской стены, и Ленин сокрушенно качал головой, дивясь тому, как безжалостно обошлось время с его соратниками по борьбе — от них остались только мраморные плитки с датами жизни.

— Товарищ Кристина, — спросил Владимир Ильич, — скончалась ли моя супруга Надежда Константиновна?

— Давно уже, — ответила Кристина. — Я памятник ей видала.

У Спасских ворот Ленин попросил поставить его на ноги.

— Я должен идти сам, — сказал он. — До свидания, товарищ, спасибо за помощь.

— Но ведь я тебя разбудила поцелуем!

— По личным вопросам попрошу ко мне в четверг в приемные часы, — отрезал Ильич.

Пошатываясь под ветром, Ленин поспешил в Кремль. Часовые у входа взяли под козырьки. Кристина опечалилась.

Удалов подошел к ней и положил ладонь на плечо.

— Не грусти, — сказал он. — Ты совершила беспрецедентный поступок.

— Но он даже не заметил... И история человечества пойдет дальше тем же ходом.

— А вот об этом мы узнаем в ближайшие дни, — сказал Удалов.

Лекарство от всего

В последние годы Лев Христофорович Минц, профессор, проживающий в городе Великий Гусляр, сделал несколько бытовых открытий из породы тех, что публикуются в журналах для сельских жителей под рубрикой «Сделай сам». С той лишь разницей, что в журналах помещают плоды деятельности практичного, но банального ума, тогда как ум профессора отличается гениальностью и непрактичностью. Стремление ходить лишь нехоженными тропами не раз приводило гения на край пропасти.

В отличие от иных изобретений и открытий Минца нижеследующие не нашли житейского применения. Может быть, к счастью для всех нас. Но в истории Великого Гусляра они остались как яркие страницы.

Идеальная крыса

Дело в том, что многие свои гениальные шаги Лев Христофорович совершает во сне, когда ничто не мешает его утомленному дневными делами мозгу творить в свое удовольствие.

Примерно между тремя и четырьмя ночи восемнадцатого октября прошлого года Лев Христофорович сделал одно великое изобретение.

Суть его состояла в следующем: профессор нашел способ изготовить средство, которое излечивает человека от всех болезней. Да-да, вот такой пустячок! Но смеяться может лишь тот, кто не знаком с другими изобретениями профессора и не знает, что профессор давно уже как без пяти минут лауреат Нобелевской премии.

В половине четвертого мозг Льва Христофоровича поставил точку. Теперь осталось лишь запустить средство в серию.

И тогда прозвучал Голос:

— Остановись, профессор!

— Вы кто такой? — спросил профессор.

— Я — сама Судьба. Я Голос вечности и в то же время я — твой внутренний голос.

— Почему я должен остановиться?

Профессор оглянулся. Он отлично понимал, что находится во сне, но тем не менее вокруг расстился незнакомый пейзаж, а освещение было неярким, без источника. Тело профессора не отбрасывало тени, хотя он пребывал в стоячем положении. Было прохладно, но не дуло.

— Ты намерен завтра утром поделиться со своими друзьями средством от всех болезней? — спросил Голос.

— Да, я собирался так поступить.

— Знаешь ли ты, что обрекаешь этим друзей на смерть?

— Еще чего не хватало! Я же первым отведаю это средство!

— Тогда первым погибнешь ты, а уж потом твои друзья, которым ты успеешь разлить по восемь капель.

— Но в чем дело? Я все просчитал. Мое средство безошибочно излечивает от всех недугов.

— В этом его главное ужасное свойство! — сообщил Голос и растворился в бледном тумане.

Минц не стал просыпаться сразу, а поспал еще до семи часов, потом поднялся, попил кофе и надолго задумался. Как он ни крутил, получалось, что он прав, а Голос не прав.

И все же профессор не стал рисковать. Он достал из угла клетку с белой подопытной крысой, о существовании которой его внутренний голос, оказывается, знал, и влил ей три капли средства от всех болезней.

Когда утром по просьбе Минца к нему пришли его друзья Удалов и Грубин, Минц сидел за столом, а у его ног на полу лежал лист белой бумаги. На листе покоилась дохлая крыса.

Удивленным друзьям Минц предложил кофе, а когда они отказались, поведал о своем приключении.

— Как видите, — сказал он, завершив рассказ о Голосе, — я проверил его предупреждение. Крыса умерла.

— Сразу? — спросил Саша Грубин.

— Нет, — ответил Минц. — Сначала крыса совершила несколько бодрых и веселых прыжков, побегала по кругу, попросила у меня пищи, но не приняла ее, а глубоко вздохнула и померла.

— Так что же случилось? — спросил Корнелий Удалов.

— Я усиленно думал и догадался, — ответил Минц. — Ведь раз это был внутренний голос, значит, внутри меня эта догадка уже

существовала. Но мне было жаль отказываться от великого изобретения, каждому хочется примерить тогу спасителя человечества...

— Короче! — взмолился Грубин. — Я на автобус опаздываю.

— Крыса подохла потому, что нормальное состояние любого человека, включая крыс, — ненормальное, болезненное! Не может живой организм существовать без аномалий. Ты влюбился — у тебя началась лихорадка, ты скучаешь — тобой овладевает меланхолия или понос, ты испугался — у тебя страдает мочевой пузырь. Любое действие организма — ненормальность. Потому что для него ненормальны желания, страсти, потери, достижения! Значит, как только я даю вам средство от всего, ваш организм лишается всего ненормального. А сам процесс жизни — это хождение по проволоке, и организму не остается ничего, кроме как умереть от общего счастья и совершенства.

Тут все увидели, что крыса пошевелила головой, повела усами и медленно поползла прочь.

— Чего же она, не померла? — удивился Удалов, который поверил было профессору, а теперь усомнился.

— Она даже помереть толком не может, — сказал профессор, — настолько ей плохо.

— Вспомнил научный термин, — воскликнул Грубин. — Это называется нирвана! Ну, я побежал на автобус!

— Не наступи на крысу, — предупредил его Удалов, — она счастливая, где-то ползает.

Компромисс

Провал смелой попытки изобрести универсальное лекарство поверг профессора во временную депрессию. По выходным он перестал ездить на рыбалку с Корнелием Удаловым, а просиживал часами на любимой лавочке над речкой Гусь. Он плядел, как облетали березы на том берегу, и не чувствовал холодного северного ветра, прилетавшего с реки.

И вот однажды профессор рано возвратился домой и столкнулся в воротах с Корнелием Удаловым. Удалов кутался в плащ, надвинул на

нос кепку, а профессор несся, как на свидание, и лысина его блестела от испарины.

— Новая идея? — спросил Удалов.

— Гениальная идея, скажу я тебе! — ответил профессор.

Удалов весь вечер ходил на цыпочках, чтобы не помешать соседу снизу. Ведь там рождается открытие.

Открытие родилось опять же ночью, но на этот раз оно обошлось без внутреннего голоса. В семь утра профессор, плохо разбирающийся во времени суток, громко постучал к Удаловым, чем всех перебудил.

Удалов смог обогнать рванувшуюся с перепугу к двери Ксению.

— Удалось? — прошептал он, увидев объемистую фигуру в китайском халате.

— Пошли! — приказал Минц.

— Я буду жаловаться! — заявила из глубины коридора Ксения. — Мне эта научная коммуналка надоела.

Игнорируя ее угрозу, друзья спустились к Минцу, и там торжествующий ученый показал Удалову скромный пузырек, в каких держат валерьянку.

— Я нашел выход, — сообщил Минц. — Бился, бился, но нашел. Дело было в принципе. Лекарство от всего бесполезно и смертельно. Но если разделить универсальность на части?

— Получаются разные лекарства от разных болезней, — сказал сонный Удалов, который еще не осознал величия соседа.

— А если снова обобщить?

— Не томи, признайся! — потребовал Удалов.

— Я обобщил по революционному принципу, — сказал Минц. — Лекарства от отдельных болезней неэкономичны. Я же соединил их по буквам алфавита.

— Не понял.

— Ты сейчас держишь в руке лекарство, которое излечивает от всех болезней на букву «а». Понял? Завтра я примусь за лекарство от всех болезней на букву «б» и так далее.

— Та-ак, — сказал Удалов, стараясь переваривать информацию. — А если эта болезнь тебе не известна?

— Во-первых, я просмотрел справочники и медицинскую энциклопедию. И сомневаюсь, что пропустил какую-нибудь серьезную болезнь. Но даже если пропустил, лекарство само

справится. Не беспокойся, вылечит. Ну, предложи мне какой-нибудь недуг, и мы проверим.

— Ангина...

— А она у тебя есть? Нет? Тогда приходи, когда будет. Не могу же я лечить несуществующую. Еще?

— Артрит... Анестезия...

— Это не болезнь. Давай дальше!

— А у тебя от геморроя нет чего-нибудь?

— Лекарство на «г» будет готово на той неделе, — сообщил Минц.

В тот день Удалов ушел досыпать, так и не вылечившись от аритмии, потому что аритмии у него не обнаружилось. Но в ближайшие дни, пока Минц еще не послал в Москву свое средство на испытания, он не отказывал соседям в помощи. Больше всех повезло Гавриловой, которую одним лекарством вылечили от зубной боли, зуда и запора.

Но в последний день перед отправкой образцов и документации в Главное фармакологическое управление случилась неприятность, которая, следует признаться, в конечном счете загубила открытие Минца.

К Минцу пришел Погосян, который мучился давлением и которому все, от врача до мамы, велели сбросить вес.

И надо же было так случиться, что именно в этот момент Минц бежал через двор, чтобы успеть к междугородному автобусу, которым к нему приезжал господин Арман Сингх, друг и коллега.

— Ты постой, Лев Христофорович! — закричал Погосян. — Ты мой живот видишь? До какого я ожирения дошел — вот-вот рожу, понимаешь? А сегодня меня в гости к директору рынка позвали. Если я пойду, то еще килограмма два ожирения прибавлю. Мое сердце сделает чик-чик — и готов! Весь город говорит, что у тебя лекарство по буквам дают.

— Вот что, — сказал тогда Минц, который не имел времени вернуться домой и снабдить Погосяна нужным пузырьком. — Дверь ко мне открыта, лекарства стоят на полке справа, все подряд, на каждой бутылочке буква. Ясно? Возьми бутылочку с первой буквой твоей болезни, накапай себе восемь капель и поставь бутылочку на место, понял?

— Все понял, — ответил Погосян. — Спасибо тебе, Лев Христофорович, приходи в гости, всей семьей будем рады.

На этом они и расстались.

На следующее утро, совсем еще рано, Погосян подошел к окну Минца и постучал сурово, как судьба.

Минц, ежась, отворил окно.

— Ты убийца, — сказал Погосян.

Под глазом у него желтело, на виске багровела ссадина, нос был слишком красным.

— Господи! — испугался Минц. — Кто это вас так?

— Ты мне какое вредное лекарство дал! Я за столом хозяина обидел, а хозяйские родственники потом меня коллективно обидели.

— Погодите, погодите, — оборвал стенания Погосяна Лев Христофорович. — Вы в окно можете влезть?

В окно Погосян влез, не прекращая стенать, потому что у него болело все тело.

— Рассказывайте! — велел Минц, а сам тем временем накапал пострадавшему несколько капель лекарства на «у» от ушибов и на букву «ц» от царапин.

— Я в гости пришел, костюм надел, — признался Погосян, — сижу за столом, культурно. Никто на меня внимания не обращает. Только в рюмку налили. Потом Джуликадзе, уважаемый человек, тамада, говорит тост за здоровье уважаемого директора рынка товарища-господина Попийвода. Все, конечно, выпивают, а я не выпиваю.

— Почему? — спросил Минц, протягивая гостю лекарство.

— Потому что не хочется, — признался Погосян. — Кушать зверски хочется, а пить не хочется. Я покушал немножко, а тут второй тост за хозяйку дома. Я кушать хочу, а пить не могу. Кушаю, а люди на меня смотрят очень подозрительно. А уважаемый товарищ Джуликадзе громко говорит: «Был один французский человек граф Монте-Кристо, он в дом приходил к кровникам, ничего не пил, только кушал. А потом мстил. Скажите мне, почему этот самый Погосян хочет мстить нашему товарищу-господину Попийвода?!»

— И что же?

— Потом меня бить стали, — закончил Погосян.

Лекарство на буквы «у» и «ц» уже помогало. Царапины и ушибы исчезали с кожи.

— Дорогой Погосян, — вежливо сказал Минц. — Вы не будете любезны показать мне на полке, какую бутылочку брали и пили из нее капли?

— Какую сказал, из такой и пил, — ответил Погосян.

Но поднялся, кряхтя, подошел к полке, взял с нее бутылочку и показал профессору.

— Эх, это я виноват! — сказал профессор. — Вкупе с отечественной системой образования. Плохо мы учимся в школе, ой как плохо! Признайся, на какую букву начинается слово «ожирение»?!

— Ясно на какую! — обиделся недоверию Погосян. — На букву «а»!

— Вот именно. — Минц отобрал у Погосяна бутылочку с лекарством от болезней на букву «а». — Тебя мы вылечили от алкоголизма. Ты теперь никогда пить не захочешь.

— Ай-ай-ай! — завопил несчастный Погосян. — А как же презентации? А как же общественная деятельность?

Смерть в зеркале

Третье из неудачных изобретений Минца было связано со стариком Ложкиным, человеком вздорным и пожилым.

Хоть и не хотелось Ложкину идти к Минцу на поклон, ввиду того, что Минц был лицом еврейской национальности, почти чеченом, но склероз замучил. Старуха смеялась и издевалась, пенсионеры не брали в лото играть, да и сам чувствовал, что теряет хватку. А Ложкин занимался общественной и непримиримой политической деятельностью. Ему была нужна память.

Так он и заявил Минцу. Со всей прямоотой.

Минц сказал:

— Любопытно. А вы не пробовали записную книжку завести?

— Пробовал, три раза в автобусе забывал, остальные разы дома или на скамейке.

— Значит, вам нужно такое напоминание, которое нельзя забыть?

— Ну хоть разовое! — взмолился Ложкин. — Чтобы я из дома когда ухожу, вспомнил, куда ухожу.

— Это можно сделать, — ответил Минц. — Я завтра к вам зайду.

Когда Минц назавтра зашел, Ложкин не сразу вспомнил, зачем это лицо к нему явилось, и сначала решил, что Минц пришел сдаваться. Минц напомнил, Ложкин смутился.

— Покажите, — попросил Лев Христофорович, — как вы покидаете квартиру.

— А просто, — ответил Ложкин. — Галоши надеваю, причесываюсь перед зеркалом...

— Всегда?

— А как же непричесанным на улицу выйдешь?

— Замечательно. На это я и рассчитывал. — Минц достал из кармана тюбик и тряпицу. Выжал из тюбика немного мази.

На голоса вышла Матрена Ложкина. Спросила, чего мужики расшумелись.

— Сейчас я сделаю для вашего супруга антисклерозник, — сказал Минц. — Но нам нужна ваша помощь. Это зеркало будет теперь работать по принципу записной книжки. Вечером или с утра, неважно когда, вы этому зеркалу будете сообщать, куда вашему супругу надо идти, с кем встречаться. А когда он будет перед зеркалом причесываться на предмет ухода из дома, лицо, к которому он идет, будет появляться в зеркале и сообщать... Впрочем, к чему лишние слова! Смотрите.

Минц смазал из тюбика большое зеркало и сказал:

— Сегодня Ложкин должен пойти в универмаг и купить пасту.

— Зачем мне паста? — рассердился Ложкин.

— Это условность, — сообразила его жена. — Ты иди, иди к зеркалу, проверять будем.

Ложкин подошел к зеркалу, автоматически вынул расческу и стал приводить в порядок редкую седую поросль. И тут же в зеркале возникло, как живое, изображение Ванды Казимировны из универмага, которая сказала: «Ждем, ждем, паста „Сигнал“ уже приготовлена».

— Ясно? — спросил Минц. Он спрятал тюбик и ушел.

Два дня жизнь Ложкиных протекала спокойно. По сведениям, сообщенным Матреной, Ложкин стал другим человеком. Никуда без

совета с зеркалом не выходил. Матрена лишь боялась, что мазь кончится, но Минц обещал, что мазь стойкая.

На третий день случилась беда.

Минц возвращался домой и увидел у подъезда «Скорую помощь». Оказалось, она приехала к Ложкину. Ложкина вынесли из дома на носилках, при виде Минца он принялся ругаться, отчего Минц понял, что жизнь Ложкина вне опасности.

Профессор поднялся к Матрене Ложкиной. И первое, что он увидел — из зеркала на него таращилось страшненькое изображение смерти с косой в руке.

— Что? Почему? Откуда? — накинулся перепуганный Минц на Матрену.

— Сам ее и спрашивай! — гневно ответила Матрена.

Смерть в зеркале повторяла, словно испорченная пластинка:

— Жду тебя в три, Николай Ложкин. Не забудь, Николай Ложкин!

Минц присмотрелся к смерти и крикнул:

— Сними маску, глупец!

Смерть послушно сняла маску. Под маской было молодое, прыщавое, розовое лицо Раечки, воспитательницы детского садика.

— Куда вы его ждете? — грозно спросил Минц.

— На репетицию детского утренника, — ответила Раечка. — По мотивам сказок. Он у нас обещал консультантом быть.

— На репетицию его не ждите, — сказал Минц. — Если Ложкин пробился в больницу, его оттуда не выжить, пока он все лекарства не попробует.

— Так это Раиса! — спохватилась Матрена. — А он-то решил, что его туда, наверх, к трем часам вызывают! Побегу в больницу, разьясню дураку.

Девочка с лейкой

Ничего нельзя предсказать.

Поэтому самые лживые люди — футурологи. Они надувают свои умные щеки, морщат свои крутые лбы и сообщают нам, что человечеству грозит гибель от перенаселения. К двухтысячному году на Земле останется мало свободных для жилья мест, люди примутся толкаться локтями, возникнут кровопролитные войны за место в очереди за водкой, и земные ресурсы будут вычерпаны до дна.

Есть и другие прогнозы. Экологические и индустриальные об увеличении озоновой дыры или о наступлении зимы из-за замутнения атмосферы.

Вы об этом читали? Вы об этом слышали?

Не верьте!

Разумеется, Земля погибнет. И в ближайшем будущем. Но ни один футуролог не догадывается, отчего. Потому что действительная угроза Земле сегодня не очевидна. Она, можно сказать, путается под ногами, отчего и разглядеть такую мелочь трудно.

Укус каракурта опаснее, чем укус слона!

Ввиду трудностей, переживаемых городом Великий Гусляр вследствие неразумно проведенной ваучеризации, либерализации и приватизации, властям приходилось искать способы раздобыть денег. Тем более что оставшиеся без зарплаты работники секретного предприятия № 12, о существовании которого в городе стало известно лишь в последние годы, особенно после первой демонстрации его сотрудников, постоянно стоят с красными флагами у Гордома, требуя возвращения старого гимна Советского Союза под названием «Интернационал». Демонстранты даже поют порой первые строки гимна:

*Вы жертвою пали в бою роковом
Отмстит неразумным хазарам...*

А у окна своего кабинета стоит демократично выбранный новый главгор Леонид Борисович Мощин, патриот, русофил, радикал, глава движения за возвращение Шпицбергена в Великогуслярский район, известный не только в Вологде, но и в Москве.

Денег в городе нет, идеи иссякли, рейтинг падает...

В кабинет вошел пенсионер Ложкин, сохранивший острый критический ум.

— Пора отмечать юбилей, — сказал пенсионер. — Пополним казну, прославимся.

— Ты о чем, хороший мой человечиче? — спросил Леонид Борисович.

— Надвигается дата.

— Подскажи какая, старик, — попросил Мощин, указательным пальцем поправляя очки, съехавшие на кончик острого носа.

— Судя по Андриановской летописи, — продолжал Ложкин, отбивая такт своим словам ортопедической тростью, — в 1222 году от Рождества Христова потемкинский князь Гаврила Незлобивый «пришех и истребих» непокорных обитателей города Гусляр.

— Так давно? — удивился Мощин.

Он подвинул к себе органайзер и записал в него дату. Потом поинтересовался:

— А он почему потемкинский? Фаворит?

— Это от села Потьма, соседнего района, — ответил Ложкин. — В те времена Потьма была центром небольшого княжества.

— Любопытно, очень любопытно, — сказал Мощин и занес сведения в органайзер. — Продолжайте.

— Сейчас в разгаре какой год?

— Девяносто седьмой.

— Теперь вычитаем!

Мощин долго шевелил губами, нажимал кнопки в своем органайзере, и родил интересную идею:

— Нашему городу исполняется 775 лет!

— Это юбилей, — сказал старик Ложкин.

— Какой такой юбилей? Разве это тысяча лет? Разве это сто лет?

— Москве 850 как отпраздновали! Весь Кремль зайками и мишками обставили, — возразил Ложкин. — Нам тоже допустимо.

Бейте в набат! Вызывайте главного редактора городской газеты, давайте интервью кому ни попадя. Ищите спонсоров.

Мощин ходил по кабинету, заложив руки за спину и горбясь от мыслей.

— А в какое время года? — спросил Мощин.

— Князь Гаврила Незлобивый в декабре нас штурмом брал, — ответил Ложкин. — Тогда зимой легче было технику подвозить, летом грязь непролазная.

— Это правильно, — похвалил Мощин наших предков. — Собираем актив.

На следующий день газета «Гуслярское знамя» вышла под шапкой:

«ВЕЛИКОМУ ГУСЛЯРУ 775 ЛЕТ! ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ МОСКВУ!»

Корнелий Удалов сказал своему другу Минцу:

— Тоже мне, круглая дата! Через год снова справим, да?

— Народу нужны зрелища, — ответил Минц. — Нужнее хлеба, не считая колбасы.

Мощин совершил ряд дальних и ближних поездок. Собирал деньги на юбилей. Дали многие, но понемногу: Вологодская администрация, Академия вредителей леса, банк «Неустройкредит», Министерство культуры, Ассоциация малых народов Севера и ряд коммерческих структур.

Конечно, если бы Мощин догадался, то денег у Ассоциации не стал бы брать. Гусляру еще национальных проблем не хватало.

Деньги стекались в Гусляр тонкими ручейками. Их было недостаточно.

И тут на прием к Мощину пришел Глеб Неунывных.

Это был небольшого росточка дядечка, в одежде черного цвета на пять размеров больше, чем надо. Галстук ему тоже был велик.

Посетитель уселся на стул и достал визитку, вырезанную из янтаря, с золотыми буквами:

«Глеб Неунывных, генеральный президент ООО „Чистюля-онал“».

— Зачем пожаловали? — спросил Мощин.

Посетитель был крутой, денежный и опасный.

— Зима наступает, — сказал генеральный президент. — Снегопады, заносы. Катастрофа! Юбилей придется отменить.

— Зачем же отменять? — усмехнулся Мощин. — Народ съедется. Может, даже из дальнего космоса. Спонсоры есть.

— Спонсоры не помогут, — сказал посетитель. Глазенки у него злобно сверкнули. — Спонсоры в снегу утопнут. У вас в городе уборка не организована.

— Опять же ошибка! — радостно засмеялся Мощин. — У нас в наличии два уборочных комбайна...

— Без запчастей.

— Три грузовика для вывоза.

— Водку возят.

— Целая армия дворников.

— Пьет ваша армия.

— Может, и пьет, но когда город говорит: «Надо!», они отвечают: «Есть!»

— Будем чистить, — сказал генеральный директор. — Поможем. Обеспечу уборку города на период зимы. Почти бесплатно.

Мощин нашелся и ответил пословицей:

— Бесплатный сыр, дорогой мой человек, бывает только в мышеловке.

— Принимаю вашу шутку и отвечаю: моя фирма имеет завод по производству «розочки». Приходилось слышать? Не приходилось. Безвредно, быстро, ласково. По минимальной отпускной цене, возможны варианты. Закупаете тонну, получаете комиссионные.

— Как так комиссионные? — рассердился Мощин. — Кому какие комиссионные, понимаешь?

— Безвредно, — ответил гость. — Лично в конверте, сто баксов с тонны. Радость всеобщая.

Он положил на стол длинный белый конверт, совершенно пустой на вид. Конверт загадочным образом скользнул к Мощину, но тот отбивался и попискивал.

— Место! — крикнул Неунывных конверту. Потому что вряд ли он мог так крикнуть городскому главе.

Конверт исчез в кармане Мощина, и тот, как ни выковыривал его, ничего не вышло. Мощин сказал посетителю:

— Вон отсюда! Чтобы вашей ноги здесь не было.

— Поставка завтра, будете благодарить до конца жизни, — ответил Неунывных и исчез. Через пять минут взвизгнула из приемной секретарша, а еще через минуту зашуршал шинами белый «Мерседес». Мощин выбежал в приемную. Валюша была почти растерзана, она сладко стонала.

— Прикройся, — сказал Мощин.

Валюша попыталась прикрыться зелеными купюрами, что лежали стопкой на ее животике.

Через неделю прибыл «КамАЗ», полный пластиковых мешков с изображением роз в натуральных цветах. Мощин подписал накладную и созвал городской актив на полевые испытания.

Как раз прошел снег, площадь Землепроходцев была похожа на степь-да-степь-кругом, заслуженный дворник Рахат Мухитдинов вышел на простор с эмалированным лукошком через плечо и пошел по целине, размахивая правой рукой, как сеятель на агитплакате двадцатых годов. Демонстранты с красными флагами выкрикивали критические замечания. Снег за спиной дворника начал таять, чуть дымясь. На площади образовалась черная блестящая полоса.

Присутствовавший на демонстрации Глеб Неунывных стал хлопать в ладоши.

— А если тридцать градусов мороза? — спросил Ложкин.

— Будем испаряться! — ответил генеральный директор. — И в сорок не замерзнем! Ваш город спасен.

— Сколько придется платить? — спросил Корнелий Удалов.

— По бартеру, — ответил Мощин. — Все утрясено. Город не потеряет ни копейки.

Неунывных умчался на своем «Мерседесе» на базу благоустройства. Оттуда он взял курс в свои края. За «Мерседесом» следовали два грузовика и три снегоуборочных комбайна, которые он получил по бартеру как предоплату за «розочку».

В Великом Гусяре началась цивилизованная жизнь. Как в Москве.

При трескучих морозах его жители брели по черным лужам, хлюпали по черной жирной грязи, машины разбрызгивали грязь по стенам домов, вечерами женщины старались отстирать засоленные

брюки и ботинки, а шоферы соскребали с машин белый жгучий налет... Было куплено вдоволь кумача на украшение улиц.

Профессор Минц пришел к Мощину в начале декабря, когда до юбилея оставались считанные недели. Мощину не хотелось видеть надоедливого профессора, добра от этой встречи он не ждал, к тому же он спешил: пора было выкупать красный кирпич для завершения строительства замка. Благо Глебушка привез вчера две сотни баксов.

— Ну что у вас, мой дорогой человечиче? — спросил Мощин, поправляя очки, которые все сползали на кончик острого носа, удивительно выдававшегося на совершенно круглом и даже пухлом лице.

— Я подсчитал возможные последствия, — сказал Минц. — Это может плохо кончиться для города.

— Лишнее, лишнее, вот это лишнее. Не советую слушать злопыхателей. Наверное, опять Корнелий Иванович Удалов под меня копает?

— Вы хоть состав этой «розочки» установили?

— Одобрено. Одобрено ассоциацией фармакологов, мне лично даны гарантии, — сказал Мощин.

— При контакте ног с солью «розочки» могут начаться процессы деформации, — сказал Минц. — Дыхание сопровождается...

— Ах, спрячьте свою записную книжку, дорогой мой дружище, — сказал Мощин. — И покиньте мой кабинет. Вы хотите возмущения? Народ вас не поддержит. Раньше мы как жили? Ходили и скользили. А теперь где ваши дворники? На заслуженном отдыхе.

— Вы тоже не застрахованы, — сказал Минц. — Ваши поставщики везут в Гусяр отходы завода «Льзифосгенпроект-13 имени Клары Цеткин».

Мощин заткнул уши указательными пальцами и стал топтать ногами, чтобы не слышать проклятого профессора.

Не могут футурологи предсказать главную опасность. Даже Нострадамус им не помощник. Он ведь что написал в шестьсот тридцатом катрене:

*В конце рокового столетия
В стране гипербореев
Город от имени крупной птицы
Будет поражен проклятием подобно столице.*

Каждому ясно, что страна гипербореев — Российская Федерация, а крупная птица — гусь.

После обеда главгор Мощин велел шоферу ехать на строительство объекта номер один — своей дачи. Он ехал и думал, что дачу надо завершить до юбилея. «Пригласим из Москвы какого-нибудь великого скульптора, чтобы поставил монумент. Все равно какой. А на даче будет большой банкет — руководители области отведдают наших осетров».

Машина неслась по улицам, разбрызгивая черную грязь. Прохожие жались к стенам. Стоял жгучий мороз, у центрального супермаркета мерзла очередь за резиновыми сапогами. Детей выпускали на улицы только в марлевых повязках. Поперек улицы рабочие растягивали транспарант:

«СЛАВА НАШЕМУ ГОРОДУ НА ПУТИ К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ!»

Второй плакат Мощину попался на выезде из Гусяра:

«ЭКОЛОГИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОЛОГИЧНОЙ!»

— Вот именно, — сказал Мощин. — Так держать!

— Вы ко мне? — спросил шофер.

— Я с собой беседовал, — ответил Мощин.

— Это правильно, — согласился шофер. — Всегда лучше с умным человеком поговорить. У меня к вам просьба, Леонид Борисович. Когда будете снова с собой разговаривать, спросите, когда будем новый кар получать?

— А чем тебе наш скромный «Ауди» не подходит, Трофимыч? — удивился Мощин.

— Беспокоит меня состояние его днища, — сказал шофер.

— Отчего же?

— От этой грязи! От «розочки», блин.

— Не надо бы тебе слушать бабские сплетни, — сказал Мощин.

Машина съехала с шоссе и пошла, слегка подпрыгивая, по дорожке, что вела к стройке века. Пока еще здесь не было покрытия.

Вот и показался впереди возведенный до третьего этажа замок — личная резиденция Леонида Борисовича.

Машина съехала с пригорка, в ней что-то треснуло, и днище ее отвалилось. К счастью, скорость была невелика и, отваливаясь вместе с днищем, шофер успел тормознуть.

Мошин рассердился на шофера, на машину и на интриги.

Он вылез и пошел дальше пешком по снегу, а шофер вел машину сзади, держась за руль и перебирая ногами.

Дальнейшая судьба плавгора складывалась драматично.

Отдав деньги за кирпичи, Мошин оставил шофера с машиной, а сам побрел обратно к шоссе, чтобы там проголосовать и вернуться в город.

Время было к вечеру, пятница, ни одной машины к городу не встретилось, а те, что встретились, не остановились.

Только к шести часам вечера (вы представляете, в каком состоянии?) Леонид Борисович вступил в Гусяр, который уже издали дал о себе знать легким запахом тления, испускаемого «розочкой». Над городом царил мир. Кое-где в окнах мерцало голубым — работали телевизоры. По мере продвижения руководителя к центру города глубина грязи увеличивалась. Одно дело ездить по Гусяру на персональной машине, другое — оказаться в положении пошлого пешехода.

Мошин был зол на фирму «Ауди», которая выпускает такие негодные автомобили, на глупого шофера, на черную грязь, на плохое освещение на улицах, на машины, которые, проезжая, обдавали его черной грязью, на молодежь, которая не уступает дороги, на жену, которая не ждет его обедать...

Жена не ждала его обедать. У жены было горе.

Она ждала мужа, чтобы поделиться с ним.

— Герасима Ксюша привезла, — заплакала она, увидев на пороге мокрого, несчастного, осунувшегося мужа. — С утра доктора надо вызывать.

— Что еще? — Мошин уселся на стул в коридоре. Дорогой был стул, из итальянского мебельного гарнитура.

— Сказать нельзя, — ответила жена. — У них в садике эпидемия, но такая страшная, что даже нельзя сообщить.

— Опять бабские сплетни, — сказал Мошин и пошел на кухню, забыв раздеться. — Покормила бы...

— Ты что не разуваешься! — закричала вслед мужу Мошина. — Мне опять за тобой подмывать. По колени промок!

На крики из комнаты выбежал, постукивая копытцами, милый ребенок Герасик.

— Это что еще за мода? — спросил Мошин, стягивая мокрый ботинок. — Сейчас же сними.

Ботинок стягивался с трудом, настолько одеревенела, заостенела от мокрого холода нога.

— А у Нинки из младшей группы копыта зеленые, — сказал Герасик.

Мошин хотел было накричать на внука, и на жену, и на дочку — на всех, кто занимается чепухой, когда человеку так плохо, но тут наконец его ступня выскочила из мокрого ботинка, и оказалось, что она очень похожа на копыто.

— Еще этого не хватало! — сказал Мошин. — Где мои шлепанцы?

Жена кинула ему шлепанцы — она была недовольна.

Мошин решил не говорить жене о своих копытах. Он знал, что она скажет. Поэтому кое-как надел шлепанцы и пошел в туалет, но по дороге один шлепанец потерял, и жена заметила. И крикнула ожидаемое:

— Козел, ну прямо козел!

— Ты на своего внука посмотри, — сказал городской голова. — А потом обзывайся.

Это было несправедливо, и жена начала рыдать. Внучок тоже начал рыдать.

Открылась дверь, пришла дочка.

— Эй, что за лужа! — закричала она с порога.

Все стали смотреть на лужу — оказалось, что это не лужа, а киселеобразная масса ботинок и сапог черного цвета.

Запах от этого шел фосгенный, решила дочь.

— Нет, — сказал Мошин, — пахнет таллием. Его соли.

— Я тебе говорила, оставляй обувь на лестнице! — крикнула жена, хотя она этого говорить не могла — даже в элитном доме все равно бы через две минуты все украли.

— У нас, — сказала дочка, раздевшись, — сегодня первый этаж конторы пополз. Опустился, понимаешь, весь дом на этаж. Кто с первого этажа остался в живых, к нам переселились. Представляешь, какая толкотня началась!

— Почему мне не докладывают? — совсем уж рассердился Мощин. — Сейчас же еду в Гордом. Я им покажу!

Тут зазвенел телефон.

Звонил начальник пожарной команды. Сообщил, что площадь Землепроходцев осела на метр. Что делать?

— Сейчас буду! — крикнул Мощин. — Высылай за мной пожарку!

— Они все без резины стоят, — ответил начальник пожарной охраны. — Резину у них съело.

— Ничего, — упрямо сказал городской начальник. — Пешком дойду. Я им покажу! Я все поставлю на место!

Он попытался натянуть на копыта ботинки, но не получилось.

Дочь посмотрела на потуги отца равнодушно.

— У нас, — сказала она, — есть некоторые — потеряли ноги и ползают.

— Как так ползают? — спросил внучок. — На животиках?

— На санках, — ответила мама.

— А то у нас две девочки в садике на животиках ползали... — Мальчик заплакал.

Но взрослым не было до него дела, потому что потухли лампочки и все стали искать свечи. Мощин все грозился уйти на голых копытах, а жена говорила ему:

— Не смей, Леонид, потеряешь ноги, новых не будет. Кости не восстанавливаются, я тебе как учитель начальных классов говорю.

— Папочка, не ходи, — присоединилась к маме дочь. — Мороз двадцать градусов, копыта отморозишь!

Но Мощин не послушался. Он вырвался и побежал, стуча копытами, вниз по лестнице.

К счастью, не он один был сознательным гражданином. У дверей, в черной грязной речушке, покачивалась спасательная надувная лодка

желтого цвета. В ней сидел профессор Минц в дождевике.

— Что делать? — крикнул Мошин от дверей.

— Садитесь! Поплывем, будем принимать меры.

Профессор Минц уже не казался Мошину таким отвратительным, как недавно. Приятный профессор, отважный.

— Какие меры? — спросил Мошин.

Надувную лодку понесло вдоль по Пушкинской улице.

— Кружок «Юный химик» имени Петрянова-Соколова, — загадочно ответил Минц, энергично гребя по скользкой дороге.

Но путешествие, начавшееся так славно, чуть не закончилось трагедией.

Лодка попала в поток черной жижи, стремившийся к реке Гусь. Потребовалась вся сила и сноровка немолодого профессора, чтобы не быть смытыми в речку, которая также вскрылась ото льда и несла к Белому морю свои черные непрозрачные воды. Тяжко воняло.

— Постарайтесь не дышать! — приказал Мошину профессор, и тот прижал к носу рукав. Стало немного лучше.

Сквозь ткань Мошин строго крикнул:

— Смесь совершенно безопасная.

— С чем вас и поздравляю, — ответил профессор.

— А скажите, откуда у Герасика копыта? — спросил Мошин.

— Оттуда! Помолчите, вы мне мешаете грести!

От реки Гусь, скользя, падая и отчаянно крича, бежало несколько любителей подледного лова. С ужасом Мошин увидел, что из реки к ним стремятся щупальца непонятных чудовищ, напоминающих персонажи американского фильма ужасов.

Вот одно из щупальцев дотянулось до старика в дохе. Старик отбивался от чудовища удочкой.

— Что это? — закричал Мошин.

— Возьмите пистолет. Он у вас под ногами! — отозвался профессор.

— Но что это? — повторил вопрос Мошин, шаря в ногах в поисках оружия.

— Стреляйте! Это водоросли! — крикнул профессор.

Мошин стал стрелять и, стреляя, он все более входил в раж. Водоросли не пострадали от его стрельбы, но несколько рыбаков ему поразить удалось.

Патроны кончились. Мощин запустил пистолетом в щупальце, а профессор укоризненно произнес:

— Не по-хозяйски себя ведете. Пистолеты на улице не валяются.

Он вытащил из кармана маленький, но мощный электромагнит и притянул пистолет себе в карман.

Они пересекли грязевой поток и взяли курс выше по склону.

Там, на суше, надувную лодку пришлось бросить, и они побежали задними дворами, где еще лежал снег. Его белизна выгодно отличалась от черной грязи. Даже Мощин наконец проникся этой мыслью и сказал:

— А может, зря мы так чистим, дорогой мой человечисце?

— Поздно раскаиваться. Вас предупреждали, а вы не вняли. Теперь вся надежда на соколовцев-петряновцев.

— На кого?

— Не отставайте!

Они подбежали с тыла к трехэтажному кирпичному зданию. Мощин, который никогда не ходил по дворам, не сразу сообразил, что это — средняя школа № 2.

Задняя железная дверь была закрыта.

Минц постучал в нее три раза, потом — после паузы — еще два.

Дверь приоткрылась. Мощин ожидал увидеть в щели человеческое лицо, но ничего не увидел, потому что, как оказалось, лицо появилось на уровне его пояса. И голос оттуда потребовал:

— Пароль!

— Таблица Менделеева, — послушно ответил Минц. — Отзыв?

— Гафний! — произнес высокий голос.

Железная дверь со скрипом отворилась, и девочка лет десяти в синем халате и респираторе впустила мужчин в темный коридор.

— Следуйте за мной, — сказала девчушка. — Смотрите под ноги. Здесь свет вполнакала. На электростанции предохранители летят. Один за другим. Сначала слизью покрываются, а потом летят к чертовой бабушке!

— Девочка, разве можно так выражаться? — удивился Минц, а Мощин спросил:

— Почему они летят к этой бабушке?

— А вы солями гафния пробовали действовать на медные провода, ну?

— Не пробовал.

— Тогда нагнитесь, — сказала девчушка, — а то лбы расшибете, коллеги.

— Я те не коллега, — рассердился Мощин, — я руководитель этого города!

— Кто вас не знает, — вздохнула девочка. — Как говорит моя мама, «скорей бы он по этапу загремел».

Мощин хотел спросить адрес мамы, чтобы принять меры, но остерегся.

Девочка провела их темным коридором до лестницы, затем наверх, мимо школьной раздевалки, в которой в ожидании хозяев смиренно стояли ряды резиновых сапог и резиновых дождевиков. У двери в химический кабинет она остановилась и условно постучала. Из-за двери послышался голос:

— Пароль?

Но вместо отзыва девочка сказала:

— Открывай, нас могут в любую минуту засечь. Я привела людей.

Дверь приоткрылась.

Взрослые вошли.

В химическом кабинете тревожно пахло. Из нескольких детей, ожидавших там, трое или четверо были в противогазах.

— Садитесь, — предложил мальчишка в красном свитере. — Располагайтесь. Вы пришли просить союза?

— Чего просить? — не понял Мощин.

— Да, — сказал Минц. — Мы пришли просить помощи от имени всего города.

— Так не пойдет. — Мощин поправил очки и повишневел щеками. — Все идет путем. Все под контролем.

— Покажите копыта, — приказал мальчик Мощину.

— Попрошу без выпадов! — рассердился глава города. — Кто твои родители? Давно не пороли.

— Оставь его, Руслан, — сказала девочка, которая привела Мощина. — Ему нравится ходить на копытах, ездить на машине без дна и крыши, а когда он придет домой и увидит, что сделали с его квартирой водопроводные удавы, он будет хохотать!

— Какие удавы? — слабым голосом сказал Мощин. — Где удавы?

— Идите, — сказала девочка, — мы вас не задерживаем.

Мощин, конечно, хотел покончить с безобразиями, которое обрушилось на Великий Гусяр, он хотел видеть себя и близких красивыми и здоровыми, но его возмущало то, что за спасение города взялись недоросли, двоечники, детишки.

— Пожалейте самолюбие Леонида Борисовича, — попросил детей Минц. — Он нервничает и не понимает, что бормочет. Он же не знает, чем все это грозит...

— А чем? — быстро спросил Мощин.

— Гибелью всему живому, — ответила девчушка. — Возьмите элементарный компьютер, и он вам все экстраполирует.

— И можно все вернуть назад? — спросил глава города.

— Можно, но не сразу, — ответил злой мальчик Руслан — видно, главарь этой банды несовершеннолетних химиков.

— Мне надо посоветоваться, — сказал Мощин.

— С кем? — удивился Лев Христофорович.

— С товарищами, — строго ответил глава города, потому что не знал, с кем бы ему посоветоваться. Но знал, что советоваться необходимо, это как бы административный ритуал.

— Пускай идет, — безнадежно сказала девочка.

Она так показала на дверь, что на Мощина, который направился к этой двери, снизошло прозрение.

«Что я делаю? — подумал он. — Я иду к смерти и толкаю к ней мою семью. Я уже стал уродом... и чего я боюсь? Кого я презираю?»

Мощин обернулся к детям, что смотрели внимательно ему вслед, и тихо произнес:

— Простите меня, дети. Давайте спасать наш город вместе. К сожалению, я истратил доллары...

— О деньгах ни слова, — сказал Минц. — Нам все известно. Перейдем к делу.

— Нам нужны ваши гарантии, — сказал Руслан. — Во-первых, прибавить зарплату учителям нашей школы.

— И заплатить ее наконец, — добавила девочка.

— Во-вторых, отремонтировать в школе крышу.

— Сделаю, — сказал Мощин.

— И главное — больше никогда не вступать в сделки с грязными типами.

— Но он же из Москвы приехал! — сказал Мощин.

— В Москве тоже в отдельных случаях иногда встречаются не очень хорошие люди, — заметил Минц.

— Забудьте об этой соли, — сказала девочка, — что бы вам ни предлагали.

— Клянусь! — воскликнул Мощин. — Клянусь здоровьем моего внука!

Потом он понизил голос и спросил:

— А копыта мне вы исправите?

— Пока копыта появились на ногах сорока двух процентов жителей нашего города, — сказал Минц.

— А я и не заметил!

— Вы вообще не очень наблюдательный, — сказал Минц. — Так поклянитесь!

В комнату снаружи ворвался глухой шум.

— Что это? — спросил Мощин.

Руслан ответил:

— Как я и предполагал, под землю ушел памятник землепроходцам.

— Да вы с ума сошли! — закричал Мощин. — Вы забыли, что ли, что это — гордость нашего города!

— Спешите, клянитесь, — сказал Руслан. — Иначе с каждой минутой положение будет ухудшаться.

— Клянусь! — сказал Мощин. — Клянусь, клянусь, клянусь!!!

Руслан стал раздавать детям опрыскиватели, сделанные из садовых леек. Досталось по лейке и Мощину с Минцем.

— Пошли по улицам, — сказал Руслан. — Чтобы ни одного квадратного метра без обработки не осталось! Экономьте дезинтегратор!

Лейка была тяжелой. Мощин наклонялся, неся ее. Детям тоже было нелегко, но они не жаловались.

— Как же они все это изобрели? — спросил Мощин у Минца.

— Химическую формулу мы определили вместе, — сказал Минц. — Практическую сторону дела осуществляли кружковцы.

— Может, мне на ноги попрыскать? — спросил Мощин.

— Все в свое время, — ответил Минц. — Выздоровеем.

— И у вас тоже? — Мощин показал дрогнувшим указательным пальцем на сапоги Минца.

— Нет, — ответил тот. — Я вовремя спохватился.

Когда все дети и взрослые вышли на улицу, мальчик Руслан указал, кому в какую сторону идти. Мощину достался фабричный район в слободе, а Минцу — набережная. Так их развела судьба.

Мощин пошел к фабричному району, прыскавая по дороге из лейки на черную мостовую, но на четверти дороги остановился. Тревога за судьбу семьи взяла свое. «Тут этих юных химиков, — подумал он, — больше чем достаточно. Они весь город погубят. А меня ждет семья».

Обхватив лейку руками, Мощин засеменял к родному дому.

Когда он, скользя и спотыкаясь по пустынным улицам, добежал до родного подъезда, там, за дверью, его поджидала отвратительная девчонка, дочь невоспитанной матери.

— Мы так и знали, — сказала она, — что вы не станете заботиться о городе, а побежите в свою нору.

Рассерженный Мощин замахнулся лейкой, но девочка каким-то китайским приемом положила его в грязь. А сама передала лейку Мощина его внуку, который и поспешил за девочкой спасать население.

Как оплеванный, Мощин побрел к себе и стал ругать жену, что недосмотрела за внуком, а теперь он может погибнуть.

Потом он принялся затыкать все дырки и щели, чтобы не проникли водопроводные змеи.

Тут он устал, и его сморил сон.

Леонид Борисович проснулся на следующее утро.

Светило зимнее скупое солнце и рассыпалось искорками по снежному покрову, который за ночь очистил городские пейзажи.

По улице бегали лыжники и мальчишки с санками.

Мощин потряс головой, как бы отгоняя дурной сон.

Заглянула жена и спросила, будет ли он завтракать.

Мощин был зверски голоден.

Кушая яичницу с салом, он спросил жену:

— Римма, как наш Герасик?

— Я его уже в садик отвела, — сказала жена.

— А его копыта?

— Окстись, старый богохульник! — испугалась жена. — Откуда у Герасика копыта?

— Как и у меня. — Мощин вспомнил о состоянии своих ног и поглядел под скатерть. Его ноги, упрятанные в шлепанцы, были обыкновенными человеческими ногами, правда, с мозолями.

И тогда Мощин понял, что все ему приснилось.

Хотя в прихожей стояла лейка с пульверизатором, а на площади он увидел, как экскаватор и подъемный кран вытаскивали наружу гигантский бронзовый памятник землепроходцам, Мощин решил, что это — галлюцинация и безобразия.

В плохом настроении Мощин пришел к себе на службу и поднялся в кабинет. Поздоровался с Валюшей, потрепал ее по щечке, велел согреть чайку.

Начал было перебирать бумаги, но тут Валюша сунула мордочку в дверь и сказала, что пришел господин Неунывных, Глеб Степанович.

Мощин нахмурился, вспоминая, кто это такой.

Вошел ничтожный человек в обрамлении современного дельца.

— Вижу, у вас весь порошок вышел, — сказал он радостно. — Так у меня с собой новый самосвал. Победим снежный покров к юбилею родного города, а?

— Нет, нет и еще раз нет! — закричал Мощин.

Он все вспомнил. Значит, это не сон. Значит, пришла смерть Великого Гусяра в человеческом образе.

— Уходи, — сказал Мощин.

— Ты что, старик, как бы охренел? — спросил Неунывных. — Ты же контракт с моей фирмой подписал.

— Нельзя. Город гибнет, — сказал Мощин.

— А блин с ним, с городом.

Неунывных вынул из кармана длинный конверт.

— Здесь пятьсот, на крышу твоего особняка.

— Возьмите их обратно! — сказал Мощин.

— У меня в машине, — сказал на это гость, — два крутых лба. Достойные люди. В городе Котласе демократы чертовы попытались помешать цивилизации. Знаешь они где? В больнице!

И Неунывных принялся пронзительно хохотать.

— Вы не представляете, к чему это приводит! — сказал Мощин.

— Представляю, как не представить, — ухмыльнулся гость. — На месте Москвы уже грязевое озеро. Аромат, скажу тебе, класс. Будем создавать грязевой курорт, блин. Японцы приедут.

— Жалко столицу...

— Ты мне лучше скажи, у тебя продукт кончился или какая-то сволочь формулу разгадала?

— Не скажу! — мужественно ответил Мощин.

Неунывных покачал головой и вынул из внутреннего кармана еще один конверт. Положил его на расстоянии вытянутой руки от главы города и произнес:

— Я пока пряником тебя обрабатываю. Смотри, возьмусь за кнут, будешь бедный и больной.

— Но у меня копыта отросли!

— А что, плохо? Я сам на копытах, понимаешь, хожу, рога только утром спилил. И что? Говори имена моих врагов, блин!

— Нет, я не могу взять на себя ответственность за гибель города и государства в целом.

— Понимаем, — сказал Неунывных и потянул к себе конверт. Другой рукой подхватил второй конверт, который лежал совсем уж близко от Мощина.

— И сколько тут... всего? — спросил глава города хриплым от страха и волнения голосом.

— Всего кусок — тысяча баксов. Считаю, закончишь крышу и останется на ботинки внучку.

— У него тоже копытца... — Слезы показались в глазах Мощина.

— Цивилизация требует эволюции, — туманно заметил делец. — У тебя выбора нет. Или ты остаешься без денег, весь в синяках и переломах, или ты сотрудничаешь с цивилизацией. Проведешь отпуск на Канарских островах, отдышишься. Наши все там отдыхают.

Страшно было Мощину. Но он понимал, что не сможет противостоять организованной цивилизованности, у которой телохранители возле «Мерседеса». Бессмысленная борьба с прогрессом.

— Кружок юных химиков, — признался он, — в школе № 2. Петряновцы-соколовцы. Во главе их профессор Минц. Старый, но подлый. Стоит на пути цивилизации. А вы мне переизбрание обеспечите?

— Мы за своих горой стоим, — сказал Неунывных. — Не дрейфь, кореш.

Разумеется, Мощин никому бы не позволил так к себе обращаться, но в тот момент его охватило сладкое чувство принадлежности к могучему миру организованной цивилизованности.

— Если что, то всегда отмоем, — нежно закончил Неунывных. — Мы таких вытаскивали... По пять трупов на шее и миллиарды долларов. А в результате — все их уважают.

— Но я не хотел бы, чтобы наши отношения...

— Ну ты и тюфяк, — с добрым юмором ответил гость. — Скажи теперь, как покороче к той школе пройти.

— По Лермонтовской, потом повернете на Советскую... А детям ничего не будет?

— А что им может быть? Не переживай. Ты о себе думай. А Минца мы где возьмем?

— Пушкинская, дом шестнадцать, — быстро сказал Мощин и постарался все сразу забыть.

— Все! — подытожил Неунывных. — Начинай рассыпку! Зови дворников.

Что Мощин и сделал. Хотя ему было душевно тяжело. Он, правда, утешал себя, что с копытами и рогами жить можно, даже интересно.

О приезде в город «Мерседеса» и сопровождающего его самосвала юным химикам было известно.

Они, правда, не могли поверить в то, что Мощин сменит свои позиции, но их предупредил об этом профессор Минц.

Дети не хотели вступать в конфликт с приезжими, но когда в школу с переднего входа вошли два телохранителя с резиновыми дубинками в сильных руках и стали допытываться у гардеробщицы тети Дуси о том, где скрываются юные химики, они поняли, что пути к миру нет.

Тетя Дуся сначала пыталась сопротивляться, но ее ударили дубинкой по щеке и кулаком под дых. Тетя Дуся начала плакать, но детей не выдавала.

Мальши разбежались по классам, преподавательницы заперли двери.

На лестничной площадке над гардеробом неожиданно появились юные химики. Впереди — совсем маленькая, но талантливая девочка, за ней — ее юные друзья во главе с Русланом.

Все держали в руках пульверизаторы, сделанные на основе обычной садовой лейки.

— Отпустите тетю Дусю, — сказала девочка.

— Ага! — закричал Неунывных. — Вот они, юные, блин, химики.

— Последствия будут ужасны, — закричал Руслан, увидев, что вся троица бежит к нему, размахивая дубинками.

Но кто остановит цивилизованного бандита?

Никто, казалось, их не остановит. И даже профессор Минц, который бежал сверху по лестнице, чтобы встать между детьми и нападающими, не успел ничего сделать.

За три шага до юных химиков бандиты остановились.

Не по своей воле.

Из распылителей вырвался нейтрализатор химической опасности.

И на глазах у всех Неунывных и его охранники превратились в грязного цвета жидкость.

— Что вы наделали! — воскликнул Минц. — Вы их убили?

— Нет, — скромно ответила девочка. — Они живые, только жидкие.

И все они наблюдали, как грязная жидкость шустро стекала по ступенькам и стремилась в подвал.

Минц посмотрел на жидкость с сожалением и сказал:

— Главное, что мы спасли наш любимый город.

В ответ на его слова здание школы покачнулось. Оно не упало, не рассыпалось, оно куда-то поехало.

Все выбежали наружу.

Страшно подумать, что творилось с Великим Гусяром!

Как оказалось впоследствии, Леонид Борисович Мощин, возглавив дворников, начал новую кампанию по борьбе со снегом.

Насыщенная жирной слизью земля не выдержала, и весь город, держась за верхний слой почвы, включая асфальт, пополз, набирая скорость, к реке Гусь.

И поплыл по ней, постепенно погружаясь в черную воду.

Жители города успели в основном выбежать из домов и не последовали за домами.

Они стояли на косогоре, который был раньше набережной, смотрели, как проплывают мимо памятники архитектуры, плакали и мерзли.

— Как жалко, — сказала девочка с лейкой. — Придется все начинать сначала.

— Ничего, восстановим, — сказал мальчик Руслан. — Главное, мы ликвидировали опасность.

Посреди реки, на крыше Гордома металась человеческая фигурка. Многие узнавали Мощина.

Мощин просил, требовал, умолял, наконец, чтобы его сняли и переправили на берег.

А из реки поднялись странные жидкие слизняки, оказавшиеся на поверку переродившимися бандитами.

Они тянулись к Мощину.

— Не смотрите, дедушка Минц, — попросил Руслан. — Это зрелище не для пожилых. Вы привыкли жить в мире, где можно договориться. У нас другие законы.

Но Минц не отвернулся, он увидел в толпе Корнелия Удалова, бывшего начальника стройконторы, и крикнул ему:

— Корнелий, пора город поднимать из руин. Ты готов?

— А как же! — ответил Удалов.

Шестьдесят вторая серия

Удаловы приходят домой в разное время. Раньше всех Ксения — из магазина, с базара, от соседней — и сразу к плите. Затем появляется Максимка Удалов, школьник, садится за уроки, или спешит на двор, или отправляется к соседям играть на соседском компьютере. Последним появляется сам Корнелий Иванович, опять задержался в стройконтуре — дела, перемены, борьба за выживание, не то что при победившем социализме. Тогда приходил домой в шесть, если не было партийного собрания.

Удаловы обедают все вместе. Ждут последнего и обедают. Чаше всех запаздывает Корнелий, и тогда все на него сердиты.

После обеда каждый идет смотреть свой сериал.

В Гусяре свои сериалы, не то что в Киеве или Мелитополе.

Корнелий включает свой экран в восемь двадцать — сегодня новая серия. Двухсотая, юбилейная. Сюжет сериала в принципе таков. Треугольник. Он — фармацевт, спокойный человек, подумывающий о пенсии. Она — младше его на несколько лет, сохранившая многочисленные следы недавней красоты, женщина полная, но в самом соку. И новый сосед по лестничной клетке — на двенадцать лет младше ее и на двадцать лет младше, чем он. И конечно же проблема с племянницей, которую подкинули на лето и до сих пор не могут взять обратно, а также неизвестно, отдавать ли маму в дом для престарелых, если в таком случае освобождается ее комната... Словом, небогатые тоже плачут. Так называла этот сериал Ксения Удалова, которая предпочитает другой — о молодоженах, которые снимают комнату, а владелец квартиры влюбляется в молодую жену... Но все происходит в пределах порядочности и без эротики.

Максимка должен смотреть молодежный сериал, о семье с шестью детьми, которые занимаются гимнастикой и проводят много времени на свежем воздухе, но мальчик вышел на запрещенную ему родителями программу об одной рок-группе, вступившей в конфликт с рокерами, так как руководитель рок-группы влюблен в Ирен, которую любит предводитель рокеров. Это крутой фильм! С

насилием, металлом и сексом. Для семиклассника Максимки — самый кайф!

Так что в восемь все Удаловы отдельно уходят в мир увлекательных зрелищ.

А когда серии кончаются, Ксения несется в комнату к Максимке и кричит на него диким голосом, потому что застаёт концовку серии о рок-группе, в финале которой руководитель страстно смотрит на Ирен, а предводитель рокеров крадется к ним с монтировкой в руках.

— Выключаю! — мрачно говорит Максимка. Он знает, что мать не переспоришь.

Еще через час Ксения загоняет сына в постель — завтра контрольная по математике, а голова опять будет несвежая.

Максимка лежит в постели и слышит, как за стенкой отец слушает по радио ночной выпуск новостей о политике и экономическом развале. Потом они собачатся с матерью. Максимка думает не о контрольной, а о горькой судьбе Ирен. Он хотел бы узнать, что будет завтра, но как ускорить время! Хотя его, как ребенка, даже еще не подростка, страшно беспокоит, не случилось бы чего ночью — уж очень обострились отношения между рок-группой и бандой рокеров. Ему чудится, что под окном пролетают мотоциклы без глушителей, но может быть, это всего лишь папин храп... Максимка представляет себе, как он вмешается в конфликт и тогда Ирен достанется ему. Конечно, целоваться с девчонками глупо и неинтересно, но вот пройти по Пушкинской за ручку с Ирен было бы большой победой. Весь город лопнул бы от зависти. С этой сладкой мыслью Максимка засыпает.

Назавтра в школе он был рассеян. Даже не смог решить ни одного примера на контрольной — да и бог с ней. Есть в жизни куда более серьезные проблемы. Судьба Ирен была ему важнее. Потому что если ты попадешь между двумя такими типами, как руководитель рок-группы и предводитель рокеров, то вполне можешь лишиться жизни.

Весь день Максимка ждал вечера, а следовательно, новой серии.

И вот, дождавшись, пока отец и мать уселись у себя в комнате смотреть занудную серию об устаревшем фармацевте и его переживаниях, Максимка прикрыл к себе дверь и углубился в события, происходившие в молодежной среде.

То, что должно было произойти, но чего мы боялись, возможно, произошло прошедшей ночью, хотя и за кадром. Об этом можно было только догадываться из яростного спора между руководителем рок-группы и Ирен.

— Я не хотела этого! — кричала Ирен, заламывая тонкие длинные руки. — Он не смог унижить мое человеческое достоинство на темном пустыре среди сломанных мотоциклов под отдаленный шум магнитофона. Дело ограничилось поцелуями, чтоб мне не жить!

— О нет! — вскричал в ответ руководитель рок-группы. — Не лги, несчастная! Ты добровольно ушла к нему и отдалась этому подонку. Я развоню о твоём позоре на весь мир!

— О, только не маме! Мама не должна знать!

Мольба Ирен осталась безответной. Всклопоченный и тоже не спавший всю ночь руководитель рок-группы бросился на нее. Он хотел задушить девушку.

Ирен ускользнула от его хватки, и они начали бегать вокруг ударных инструментов, расставленных на сцене.

Но Ирен недалеко убежала. На помощь руководителю пришел ударник. Вместе они связали Ирен и затолкнули ей кляп в розовую плотку. Потом они потащили ее за кулисы, там было темно, и зрители остались в неведении, куда ее заточили.

За сценой послышался грохот — прямо в зал въехал на своем «харлее» вожак рокеров.

— Где она? Куда вы ее дели, лабухи?! — закричал он.

Но пыльный, просторный зал молчал — никто не ответил рокеру.

Рокер принялся искать свою возлюбленную, но безуспешно. Он плохо ориентировался на сцене — видно, попал туда впервые в жизни.

И тогда Максим понял, что наступает его звездный час...

Он подошел на цыпочках к двери — из-за нее доносился шум голосов — родители были заняты. Их не оторвешь от сериала. У Максимки оставалось примерно полчаса, чтобы выполнить задуманное.

Удалов-младший накинул куртку и по-прежнему на цыпочках прокрался за спинами родителей. В тот момент жена фармацевта убеждала молодого соседа по лестничной клетке:

— Но вы же меня совсем не знаете! Вы не можете понять моих душевных запросов, трепета моей зрелой души.

— Разве это так важно? — страстно шипел в ответ сосед, поглаживая Ванду по гладкому плечу.

Дальнейшее Максимку не интересовало.

Кубарем он скатился по лестнице, придержал входную дверь, и вот он уже на улице.

Вечер был прохладным, осенним, только что прошел дождь, пахло палой листвой и мокрыми заборами. Маленькая фигурка Максимки проскакивала освещенные редкими фонарями круги мостовой и исчезала в густой полутьме.

Возле Дома культуры речников Максимка на секунду остановился, раздумывая, как лучше проникнуть внутрь. Заметив у главного входа два мотоцикла с курящими рокерами, он понял, что проникнуть ему сподручнее будет через служебный вход.

Он пробежал узким проулком между Домом культуры и баней. Вот и служебный вход. Он приоткрыт. За ним слабый свет. Сегодня в Доме культуры выходной, никого быть не может — только репетирует рок-группа.

Вот раскатилась дробь ударника, взвыл саксофон... Тишина. Издали доносятся приглушенные голоса.

Максимка собрал в кулак всю свою волю и скользнул внутрь Дома культуры. Пыльная темнота закулисы охватила его. Далеко впереди горела одинокая лампочка свечей на десять. Теперь главное — не попасться на глаза негодям. Они из Максимки сделают котлету. Во-первых, потому что они сильнее его, а во-вторых, потому что он нарушил главный закон сериала...

Максимка примерно представлял, где должна находиться пленница.

Ему пришлось долго пробираться между колосников и свернутых в рулоны занавесов, прежде чем он смог проникнуть в хранилище сундуков, в которых приписанный к Дому культуры народный театр «Анализ» перевозил на гастролях декорации и костюмы. Теперь следовало угадать, в каком из сундуков заперта несчастная девушка.

— Ирина, — негромко позвал Максимка.

Никакого ответа.

— Ирина, я пришел спасти тебя.

— Меня не надо спасать, — прошептала Ирен. Голос ее доносился из дальнего сундука. — И не смей ко мне приближаться.

Иначе я буду кричать.

— Ты думаешь, что я рокер, да?

— А ты кто?

— Я зритель, — ответил Максимка. — Я зритель твоего сериала, и я не могу равнодушно отнестись к твоей судьбе.

— Врешь, — сказала Ирен. — Ни один зритель не посмеет вмешаться в действие. За такое по головке не поладят.

— А мне плевать, — решительно ответил Максим.

— Отключат от сериала.

— Мне только спасти тебя — больше ничего не надо.

— Но я не уверена, что хочу, чтобы ты меня спасал, — сказала, подумав, девушка. — Может, мне лучше лежать в сундуке.

— Нет, ты не представляешь, что они задумали! Они не пощадят твоей девичьей чести!

— Кто именно? — деловито спросила Ирен. — Если Вася — я против, но если Коля, то это еще надо обсудить.

— Тише! — прошептал Максимка.

Скрипели старые доски пола. К ним кто-то приближался. Максимка понимал, что ему бы сейчас спрятаться, залечь, замолчать, испариться, но вместо этого он с отчаянием молодости распахнул крышку сундука, в котором руководитель рок-группы заточил девушку Ирен, и потянул ее за руку.

— Бежим! Я тебя спасу!

Был бы Максимка сверстником Ирен, она бы вырвалась от него и снова залезла в сундук, чтобы ожидать решения своей судьбы. Но когда она поняла, что ее спасает парнишка лет на пять ее моложе, она прониклась к нему жалостью. Хотя бы потому, что знала, насколько жестоки бывают рок-музыканты и рокеры.

И она послушно побежала за Максимкой.

— Черт побери! — раздался сзади зловещий голос. — Вы куда?! Я вам головы поотрываю!

Огромными шагами руководитель рок-группы кинулся за беглецами.

Максимка знал несколько малоизвестных проходных огородов и дворов, куда он и увлек Ирен. Правда, Ирен тоже знала эти дворы и огороды. И руководитель Вася их знал. Так что бег по задворкам проходил с переменным успехом.

— Ты куда меня тащишь? — спросила на бегу Ирен.

— К твоим предкам! — ответил Максимка.

— Ты офонарел, что ли? Они же мне косы поотрывают!

Им нужно было пересечь бывшую Базарную, затем Сталинскую, затем Советскую, а ныне площадь Первопроходцев. Посреди площади Ирен стала отчаянно сопротивляться, потому что не хотела домой, а куда хотела, — еще не решила. Тут их и настигла рок-группа в полном составе — патлатые, неумытые, расхристанные, романтические музыканты взяли беглецов в полукольцо, но не смогли взять их в кольцо, потому что с другой стороны площади вырвались с диким ревом мотоциклы рокеров, которые тоже хотели заполучить Ирен.

Страшная тишина обрушилась на площадь. У рокеров в руках сверкали начищенные мотировки, у музыкантов — смычки. Враги неумолимо сближались.

— Да, подвел ты меня, — сказала хорошая в принципе девушка Ирен, перебирая пальцами бант на чудесной русой косе. — Ты оказался слишком отважен, и потому меня лажанул. Видно, пришла наша смерть...

Ирен нагнулась к Максимке и запечатлела на его щеке невинный, но горячий поцелуй.

— Йеэээх! — закричали рокеры.

— Бей уродов! — завопили лабухи.

И в этот момент справа раздался крик:

— А ну, прекратить безобразие!

И слева послышался голос:

— Сейчас я вам покажу!

На площади, кое-как освещенной фонарями, показались новые действующие лица драмы. Справа приближалась мать Ирен, слева — Корнелий Удалов, отец Максимки.

Грозные, рычащие звуки издавали противники, но тем не менее мотоциклы начали отъезжать и вскоре покинули площадь, а лабухи спрятали в футляры смычки и также растворились во тьме.

— Я те покажу, как по ночам бегать! — произнесла мама Ирины, крепко схватила ее за руку, дала другой рукой подзатыльник Максимке, чем огорчила Корнелия Удалова, который сам собирался дать подзатыльник сыну, но не успел.

Поэтому Корнелий тычками погнал Максимку домой. А мама Ирины повела домой свою дочку. Максимка вырывался и кричал на всю площадь:

— Я люблю тебя, Ирен! Если надо, я завтра освобожу тебя снова!

— Тоже мне, освободитель... — начала было Ирина, но осеклась, потому что в глубине души ценила мужскую преданность. И громко крикнула, обернувшись к Максимке: — Спасибо, мальчик!

Больше она ничего не смогла произнести, потому что начала рыдать. И в рыданиях оплакивала свою девичью свободу, стремительность не успевших расцвести чувств, приятное своей неожиданностью сидение в пыльном сундуке и сверкание режущих предметов в руках соперников...

— Хорошо, что соседи прибежали, — говорил между тем Удалов, мрачно подгоняя Максимку к дому. — Переключись, говорят, на другую программу, на молодежную. Там твой Максимка в шестьдесят второй серии нелегальное участие принимает. Нет, говорю я им, этого не может быть, потому что Максимка делает уроки в соседней комнате. Но все-таки кинулся я в соседнюю комнату, а ты где? Тебя нет! Кто тебе позволил без спросу в программу лезть? Ты же знаешь, что нас отключат и будут правы. Ты забыл, какие неприятности у Ложкина были в прошлом году?

Максимка ничего не забыл, но не очень переживал из-за неприятностей старика Ложкина. Старик Ложкин смотрел сериал из жизни старшины Пилипенко. Ну, что может быть более обыденного — детектив как детектив, полицейский роман из провинциальной жизни. И тут старику Ложкину показалось, что, когда Пилипенко искал на городском рынке пропавшие колеса от «Жигулей», один из приезжих торговцев дал ему взятку. Ну, может, и дал, да вернее всего, Пилипенко не взял. Ведь не мелочный же он, в конце концов! И знает к тому же, что играет в сериале. А вот Ложкину никто не позволял нарушать правила многосерийной жизни. Никто не разрешал ему писать на Пилипенку письмо в горотдел милиции! С изложением фактов и подозрений. Пилипенку, конечно, сняли и наказали. Но двести сорок семей города Великий Гусляр, которые каждый день смотрели сериал из жизни старшины, остались без зрелища и никогда уже не узнают о том, кто же укатил колеса от «Жигулей» и грабанул пивной ларек. А это немалый удар по культуре.

Так что Ложкина справедливо отключили. Должно же быть наказание — не смешивай зрелище и поганую жизнь!

Все это Удалов на ходу напоминал сыну, а сын выслушивал, мрачно глядя в сторону и спотыкаясь. Плевать сыну было на проблемы Ложкина — в нем вспыхнула первая любовь, а взрослые так упорно и неудачно заливали ее упреками и поучениями.

Худшие опасения Удалова начали сбываться, когда они приблизились к своему дому. В свете одинокого фонаря, горевшего над воротами, стояла тесная черная группа людей.

При приближении Удаловых от группы отделился плотный мужчина в шляпе, надвинутой на уши.

Он загородил Удаловым дорогу и протянул руку ладонью вверх. На ладони лежала черная метка.

— О нет! — воскликнул Корнелий Иванович. — Я буду сам пороть этого бездельника каждый день! Не наказывайте всю нашу семью! Мы не можем остаться без культурного зрелища.

Но человек в шляпе ничего не ответил Удалову. Он повернулся и пошел прочь по улице. За ним — остальные. Улица опустела.

— Ну вот, что ты с нами сделал! Мы теперь неприкасаемые.

Максимка упрямо молчал. Он знал, что даже если бы предвидел все заранее, все равно бы вел себя неразумно. Любовь приходит к человеку неожиданно, как кирпич на голову. И зачастую лишь раз в жизни.

Когда они вошли во двор, из темноты из-за сиреневых кустов, уже частично опавших, выбежали две девочки — дочери Афиногеевых из соседнего двора. Обе держали в руках по небольшому букету поздних астр.

— Возьми, Максимка, ты настоящий герой, — сказала одна.

А вторая только всхлипнула, чмокнула Максимку в щеку и тоже отдала ему букет.

После этого девочки убежали.

— Это еще что такое? — рассердился Корнелий и хотел было отнять у сына цветы, но тот не дался.

— Это признание, папа, — сказал он отцу. — Тебе, может, никогда не дарили цветов. А мне уже в двенадцать лет начали, понял?

— И где ты рос? И когда мы тебя упустили? — закручинился вслух Корнелий Иванович, но сын не ответил ему на эти вопросы.

Когда они поднялись к себе домой, за столом сидел и пил чай их сосед снизу профессор Минц Лев Христофорович. Ксения хлопотала вокруг профессора. Предлагала ему пышки и печенье собственного изготовления. Но все зря. У Минца не было аппетита.

— Ну вот, — грустно произнес он, увидев вернувшихся Удаловых, — получается, что добрые намерения приводят в ад. Получили черную метку?

— Вот, — сказал Корнелий и протянул ее Минцу.

На черном кружке размером с ладонь было написано мелом: «Отстраняетесь от сериалов сроком на один месяц».

— Месяц, — задумчиво повторил Минц. — Ну и строго они взялись за зрителя.

— За месяц действие так далеко уйдет, что и за год не догонишь, — сказал Удалов.

— А может, они перемрут все, — предположила Ксения.

— Мы будем к ним ходить и смотреть через забор, — сказал Максимка, и все посмотрели на него с осуждением. Это было таким плохим тоном, что впору было отказываться от испорченного ребенка.

Даже добрый Лев Христофорович укоризненно покачал головой.

Он недаром чувствовал себя виноватым и пришел к Удаловым, как только прослышал о беде, постигшей семейство соседей. Ведь именно профессор Минц после того, как в России перестало работать телевидение и вся страна разделилась на шестьсот сорок два независимых государства, предложил великогусярцам простой и гениальный выход из положения: смотреть друг на друга. С этой целью весь Великий Гусяр был опутан множеством труб и коробов, так что не осталось дома, не подсоединенного к общей телевизионной сети города. Отныне каждый получил возможность смотреть по вечерам события и даже отсутствие таковых в любом на выбор доме города, в любой семье, в любом общежитии. Но для того, чтобы создать материальные стимулы, было решено: тот, кто смотрит на соседскую жизнь, каждый месяц платит сто рублей по соответствующему адресу. А если ты не хочешь, чтобы за твоей жизнью наблюдали, то имеешь право закрыть заслонки — и живи в тайне от окружающих. Но если подписал документ об участии в сериале — терпи, даже когда хочется опустить заслонку в своей

комнате, потому что жена так несправедливо оскорбляет тебя действием.

Главное было оговорено и постановлено городскими властями: даже если тебе очень не понравилось, как ведет себя главный герой или как страдает его несчастная возлюбленная, ты не имеешь права хватать топор и наводить справедливость. А если кто-то из зрителей позабудет, что смотрит не дешевый спектакль, а наблюдает настоящую гусярскую жизнь, и потому захочет в нее вмешаться и изменить ее течение, пускай пеняет на себя. Наказание одно: тебя встретит у дома Государственная комиссия в черных шляпах и вручит тебе черную метку, а это означает, что на день, два, месяц, год или на всю жизнь у тебя в доме законопачивают входные и выходные смотровые трубы и ты слепнешь. Утром в очереди за хлебом хозяйки станут обсуждать трехсотую серию фильма под условным названием «Семейная драма провизора Савича», а ты, потупившись, будешь обливаться тайными слезами, ибо твоему взору вход в дом Савичей запрещен.

Поначалу все гусярцы радовались и благодарили изобретателя самого дешевого в мире телевидения Льва Христофоровича Минца. Но вскоре начало зреть тайное, а потом и явное недовольство — и главная беда пришла с неожиданной стороны. Называлась она завистью. Обнаружилось, что наибольшую выгоду от сериалов получают не добропорядочные, честные и рассудительные граждане, а лица сомнительной репутации и низкого морального уровня. Поясняю: никому не хочется смотреть в подробностях на жизнь профсоюзных активистов Ивановых и трех их детей. Зато весь город кипит желанием узнать наконец, задушит ли алкаш Сидоренко свою развратную сожительницу Катьку или та сама пырнет его кухонным ножом и уйдет к Кольке Косому.

Зная об этом интересе и пируя на телевизионные гонорары, Сидоренко и его сожительница отлично пользовались славой. Они даже установили дополнительные трубы и дыры возле своей супружеской постели, а ножей разложили по дому несколько десятков. Резать друг дружку они не намеревались, но держали Великий Гусяр в напряжении и каждый вечер пропивали по несколько тысяч рублей.

В этот критический для города момент и случилось чрезвычайное событие — выходка Максима Удалова и получение его папой черной метки...

— Даже я, со всеми моими способностями, не смогу вам помочь, — сказал наконец Минц. — Я не могу, пользуясь дружбой, уговорить городской парламент и лично господина Белосельского сделать для вас исключение.

С этими словами Минц распрощался с Удаловыми.

А вечер в их семье закончился тем, что Удалов попытался выпороть своего наследника, не учитывая того, что мальчик занимается боксом. Встреча между папой и сыном закончилась вничью.

Наутро Удаловы проснулись мрачными и злыми — семья разваливалась.

Ксения приготовила мужчинам подгоревшую кашу. Удалов, уходя на службу, забыл дома портфель. Максимка сделал вид, что пошел в школу, а на самом деле убежал в овраг и там прятался, невзирая на дождик. Но что удивительно — именно в овраге его отыскал Гоша Качиев, председатель акционерного общества «Георгий и К°». Гоша спустился в овраг, раздвинул кусты и спросил:

— Вы не возражаете, господин Удалов-джуниор, если я к вам обращусь?

Максим удивился, но хамить не стал. И оказался прав.

Когда вечером Корнелий Удалов возвратился со службы домой, он был удивлен тем, что возле подъезда стоит небольшая толпа соседей, которая при виде Корнелия молча расступилась.

Корнелий внутренне задрожал. Он понял, что в его семье случилось несчастье.

Перепрыгивая через две ступеньки, он взлетел наверх и распахнул дверь.

И увидел, что посреди комнаты стоят три японских телевизора: «Панасоник», «Сони» и «Акаи». Каждый из телевизоров показывает свою программу — на японском языке, на английском языке и на мексиканском наречии латиноамериканского языка.

И на каждом экране крутится своя программа — одна другой интереснее.

А перед телевизорами сидят Максимка и Ксения и потягивают через соломинку кока-колу.

— Что? — закричал Удалов, подозревая худшее. — Признавайтесь!

— А ты посмотри на балкон, папа, — небрежно ответил сын.

Удалов послушно ринулся к балкону.

И увидел на нем две большие, с человека, белые тарелки, которые для знающего человека были принимающими антеннами спутникового телевидения.

— Откуда это? — Удалов снова ворвался в комнату.

— Папа, — спросил тогда Максимка, — ты как думаешь, сколько могут заплатить все жители города Великий Гусяр, если они одновременно включают одну и ту же внутреннюю программу?

— Ну, по сотне... — произнес Удалов.

— Вот именно!

— А они, — вмешалась в разговор Ксения Удалова, которая вовсе позабыла об обеде, — все без исключения, смотрели вчера вечером шестьдесят вторую серию, где главную роль играл наш мальчик! — И мать погладила мальчика по головке.

— Понимаешь, папа, — сказал повзрослевший сын, — Гоша Качиев нуждается в наличных средствах — будет строить под площадью Первопроходцев подземный гараж. На миллион, который мне подарил народ, он установил вот эту технику — самолетом из Потьмы после обеда доставили. Так что мы месяц без гусярского телевидения перебьемся.

— Перебьемся, — улыбнулась Ксения, будто не принимала вчера участия в экзекуции сына.

И Удалов, пока суд да дело, уселся в кресло и стал смотреть настоящий мексиканский сериал.

Постепенно толпа зевак и завистников у подъезда рассосалась, все поспешили по домам смотреть внутренние программы. И тут в дверь постучали.

— Войдите, — крикнул Максимка.

В дверь вошла и робко остановилась у порога светловолосая приятная девушка по имени Ирина, которую Максим спас вчера вечером.

— Максим, — спросила она, — можно я тоже попляжу? Твои старики не возражают?

— Мои старики в таких случаях молчат. Они у меня в строгости. Чуть что — отключаю технику, — сказал Максим, как будто ожидал прихода очаровательной гостьи.

Удаловы-старшие смолчали.

Ирен села на диван рядом с Максимкой.

В тот вечер сериал с ее участием в Великом Гусяре не демонстрировался, а рокеры и лабухи напились на берегу реки Гусь и клялись рассчитаться с Удаловым и неверной Ирккой. Это им не удалось, о чем будет рассказано в другой истории.

Разговор с убийцей

По бескрайней степи от самого горизонта волной неся горячий ветер. Со склона холма мне было видно, как, клонясь под ветром, трава показывает изнанку листьев, и от этого вся степь голубела.

Подчиняясь движению ветра, над степью медленно парила большая птица с когтями на концах крыльев. Порой она складывала крылья и бомбой устремлялась к земле, подхватывая выброшенных ветром насекомых.

Ветер взлетел на холм, в лицо пахнуло жаром.

Птица, заметив меня, испуганно взмыла к раскаленному небу.

Я закинул за плечо забарахлившую фотокамеру и решил, что лучше займусь ее починкой вечером, на биваке. Я ведь собирался провести здесь, в верхнем кайнозое, дней восемь. Спешить мне некуда.

Вопрос, который вы можете мне задать и ответ на который у меня готов, очевиден.

Почему я, совершив величайшее открытие в истории человечества, осуществив путешествие во времени, отправился в столь отдаленный период истории нашей планеты? Почему меня не заинтересовали битвы седой старины или эпоха Великих географических открытий? Что потянуло меня в дикие времена, когда разум еще не осчастливил своим появлением эти края?

Отвечаю: меня терзала извечная загадка. Как, когда и почему возник человек?

Умоляю, не надо отсылать меня к пухлым трудам изможденных наукой старцев. У них на все найдется неубедительный ответ. Они знают все закономерности и последовательности. Позвольте же мне им не поверить.

А верил бы, никогда не стал бы тратить семнадцать лучших лет жизни на столь сомнительное и рискованное предприятие.

Но в тот момент все труды и сомнения были позади. Я у цели!

Я иду по широкой степи, ожидая встречи с нашим прошлым.

Но что это? Быть того не может!

...Вслед за полосой ветра ко мне приближался человек, такой маленький издали! Он был одет странно, но просто. Сначала я разглядел одежду, непривычный цвет и покрой. Только потом увидел лицо. Лицо было тоже странным.

Оно было шире, чем у обыкновенного человека, и цвет его был куда более, скажу, теплым. Такое впечатление, что вены проходили слишком близко к кожному покрову. Я попытаюсь описать цвет его глаз. Его глаза были темными, почти черными по краю радужки и светлели к центру, где находился маленький, как точка, совершенно черный зрачок.

Потом я взглянул на его руки.

Он раскрыл ладонь, как бы приветствуя меня, и ладонь была испещрена морщинами и полосами, как ладонь обезьяны, а большой палец — куда больше, чем у людей, — отстоял от четырех остальных. Мне даже показалось, что он не смог бы собрать все пальцы в щепоть.

Через плечо у этого существа висел темный мешок. Простой мешок, если не считать раструба сбоку.

— Здравствуйте! — крикнул он издали. — Как вы сюда попали?

Я подождал, пока он подойдет поближе. Снова поднялся ветер и относил в сторону слова.

— По всему судя, вы не принадлежите нашему миру, — сказал я.

Он остановился неподалеку от меня, снял с плеча мешок и поставил его на траву.

— Естественно, — сказал он. — Я прилетел с другой звезды. А вы? Из будущего?

— Вы правы, — сказал я. — Я изобрел машину времени и потому очутился здесь. А что вас привело на нашу планету?

Следует заметить, что я, зная в принципе о том, что во Вселенной может находиться множество обитаемых миров, в глубине души никогда этому не верил. Уж слишком много случайностей должно было произойти, слишком много объективных факторов соединиться, чтобы возник редкий, хрупкий и, в общем, невероятный в космосе феномен — разумная жизнь.

Но это существо не было плодом моего воображения. В глазах его, выразительных и чужих, светился ум. Холодный и расчетливый.

— Я сожалею, что вы изобрели машину времени, — сказал он. — И сожалею, что вы встретили меня.

— Почему? — Я сразу встревожился. Я понял, что он не шутит. Он искренне сожалеет.

— Я намерен, — сказал он, — изменить будущее этой планеты. И сделаю это. Никто бы не заподозрил. Если бы не ваше прискорбное изобретение.

— Говорите яснее, — сказал я. — Как вы можете изменить будущее, если оно уже свершилось, чему я — доказательство?

— Это выше вашего понимания.

— Вы забываете, что я изобрел машину времени. Следовательно, я не только образован и умен, но и обладаю воображением.

— Мне это ясно, — ответил пришелец. — Иначе бы я не стал с вами разговаривать. Но дело в том, что я намерен изменить ход вашей эволюции. Вы присаживайтесь, здесь сухо.

Мы сели рядом на вершине холма. Со стороны могло бы показаться, что мы — близкие друзья. На самом деле я понимал, что вижу перед собой злейшего врага человечества.

— В этом мешке, — сказал пришелец, — семена растений, присущих нашей флоре. Я намерен рассеять их по этому району вашей планеты. Мои спутники сделают то же самое в других ее областях.

— Зачем?

— Чтобы вытеснить вашу флору.

— Но зачем же?

Пришелец поглядел на меня сверху. Даже сидя, он на голову возвышался надо мной.

— Затем, — сказал он, — чтобы спасти наш род, наше племя.

— Выразитесь яснее, — попросил я. — Мне непонятно, зачем для спасения своего племени прилетать к нам?

— Я буду искренен с вами, хотя моя искренность вам будет неприятна. Приготовьтесь к худшему.

— Вы говорите, как хирург в больнице о неудавшейся операции, — постарался улыбнуться я. Хотя улыбаться мне не хотелось.

— Удача или неудача операции зависит от точки зрения, — ответил пришелец. — Но моя цель заключается в том, чтобы пациент умер, не родившись и потому не догадавшись, что он умирает.

— Не говорите загадками, — попросил я. Мой собеседник был мне неприятен. Груда мяса, волосы, торчащие из щек и даже из ушей, вывернутые ноздри... Господи, и ведь есть на свете какая-то самка, которая полагает его красивым и называет «моя птичка!»

— Я и не собирался говорить загадками. Мы собираемся исправить историческую ошибку. Наша цивилизация, мудрая и древняя, вынуждена дорого платить за ошибки молодости и увлечения зрелости. Иными словами, наша история — это цепь трагических ошибок, что свойственно, впрочем, любой другой цивилизации. Наши леса сведены, почвы истощены, водоемы безнадежно отравлены. Мы вынуждены существовать в искусственной, химической сфере, мы лишены нормального воздуха и даже нормальных пейзажей. Есть опасность вырождения и окончательной гибели...

— Да, — вздохнул я, — подобные проблемы свойственны и для нас. Мы тоже натворили, простите...

— Теперь уже не натворите, — усмехнулся мой собеседник, раздвинув в усмешке тонкие губы. — Мы позаботимся.

— А что? Что вы намерены сделать? — Страшное, не ясное еще подозрение когтями схватило меня за грудь.

— Мы намерены исправить наши ошибки. Но, как вы понимаете, это невозможно сделать, не принеся ничего в жертву. Мы намерены принести в жертву вас.

— Как так?

— Мы избрали вашу планету, так как состав атмосферы, температурный режим и инсоляция здесь примерно соответствуют условиям на нашей планете. И мы решили заселить планету нашими соотечественниками.

— А мы? — глупо спросил я.

— А вас нет.

— Как так нас нет?

— Оглянитесь, мой друг. Можете ли вы найти здесь хоть одного разумного жителя?

— А я?

— Вы — та случайность, которая так замечательно подтверждает правило.

— Но мы потом родимся, я вам это гарантирую!

— Ничего подобного. Вы не родитесь. Мы отправились в прошлое, далекое для вас, но не столь далекое для нас. Мы прилетели на вашу планету. Мы засеем ее семенами наших растений, и через несколько лет они полностью вытеснят ваши травы и кусты.

— Но зачем?

— Чтобы изменить белковый баланс. Наши растения — это пища для наших животных, наши животные станут пищей для наших предков. Мы заново выведем наш род на чистой и пустой планете. Это будут наши потомки, в то же время это будут наши улучшенные варианты.

— А как же мы?

— Господи, ну сколько же нужно повторять! Животные, которые водятся здесь, постепенно вымрут, отравившись нашими растениями. И тогда мы запустим сюда животных, а затем и людей с нашей планеты. Они будут развиваться в естественной атмосфере, они создадут здесь свою цивилизацию. А уж мы позаботимся, чтобы они не совершали ошибок, которые натворили мы сами.

— Нет, я все же не понимаю! А как же мы?

— Но вас не будет! А раз вас не будет, вы не догадаетесь, что вымерли. Так как вы вымрете до того, как появитесь на свет! На этой планете даже предков ваших не появится! Да закройте вы рот, у вас слюна изо рта капает! Стыдно так распускать слюни! Возьмите себя в руки, имейте смелость вымереть достойно!

— Но может, вы просто так привезете своих детишек? Пускай они живут, и мы будем жить? — Я произносил эти слова и понимал, что несу чепуху. Тигр и трепетная лань не могут кушать манную кашу.

А собеседник мне не ответил. Он лишь пожал своими уродливыми плечами.

Более минуты прошло в молчании. Потом пришелец прихлопнул на щеке комара и задумчиво сказал:

— А хорошо, что ваши родственники и не родятся. Наша флора им так враждебна... Они бы вымерли и, может быть, в мучениях, потому что не сразу.

— А гуманизм? — спросил я.

— Гуманизм? — повторил он без издевки. — Я слышал это слово. А почему вы считаете себя более гуманными, чем мы? Мы не

можем изменить биологических законов. Любой вид старается захватить и расширить свою экологическую нишу. И мы по-своему гуманны, потому что разумны. Мы никого не уничтожаем. Вы же не исчезнете. Вы просто не родитесь. Вас нет, не было и не будет.

— И моей жены не будет?

— Она — лишь плод вашего воображения.

— И дети?

— И дети.

— Что же мне делать?

— Полагаю, что лучше всего вам остаться здесь. Пока размножатся наши травы и кустики, пока изменятся воздух и вода, у вас будет время — несколько лет, — чтобы пожить в свое удовольствие. Если, конечно, вам нравится ходить с дубиной и кушать лягушек.

Он издевался надо мной!

Только этой откровенной издевкой можно объяснить мой поступок.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я вскочил на ноги.

— Не суетитесь, — сказал пришелец. — Я вас сильнее.

— Но я защищаю судьбу планеты!

— Защищайте. А я пока займусь распылением семян.

Он поднялся и взял мешок с семенами.

— Я вас убью! Честно предупреждаю.

— Вряд ли, — ответил пришелец. — Судя по всему, вы недостаточно агрессивны. Вы из тех, кто выходит на шумные демонстрации и думает, что демонстрации что-то меняют. Но зато вам приятно, вы как бы пережили сексуальный климакс и теперь можно спать.

— Я убью вас, — сообщил я. — Затем я отправлюсь в будущее, соберу сознательных людей, мы вернемся сюда и оторвем вам головы.

— Не получится. Встанут новые бойцы. Мое место займут товарищи по борьбе.

Я лихорадочно думал, чем его убить.

Он был прав — я не склонен к насилию. Шансов победить пришельцев у меня ничтожно мало. Но разве это основание, чтобы отказываться от борьбы?

Я вспомнил, что у меня через плечо висит фотокамера, почему-то вышедшая из строя. Тем более ее не жалко.

Камера была тяжелая, с металлическими уголками.

Я поднял ее и замахнулся.

— Ну-ну, — сказал он, — попрошу без шуток. Вы ведь не умеете убивать, так что с непривычки можете натворить черт знает чего.

Я был неумолим. Мною владело отчаяние. Я должен был убить разумное существо, против чего восставала вся моя натура. Я погнался за ним.

Он бросил мешок, чтобы было легче убежать от меня. Я наступил на мягкую округлость мешка и даже наподдал его ногой. Потом помчался следом. Самое странное, что мы на бегу продолжали говорить.

— Вы у нас были? — кричал я. — Вы нас видели? За что вы нас убиваете? Мы, может быть, лучше вас!

— Я у вас не был! — кричал он в ответ. — И не буду. Вас не существует. Вы — исторический нонсенс. Эта планета будет принадлежать моим братьям!

— Постыдитесь! — кричал я, размахивая фотокамерой. — Мы существуем! Ищите себе пустую планету!

— Вы украли у меня мешок! — кричал он. — Эти семена мы собирали по всей планете! У нас экологический кризис!

Я почти догнал его, но тут он, забежав за скалу, скрылся. Когда я последовал за ним, то увидел, как закрывается люк в небольшом летающем блюде. Я колотил камерой по борту его корабля, но без результата. Потом он взлетел.

Тогда я побежал обратно. Я хотел найти мешок с семенами и сжечь его. А потом нестись в будущее, в мое время, чтобы поднять всех на ноги, чтобы привести сюда с собой моих друзей и уничтожить этих пришельцев, всех до последнего, как вредных насекомых.

Но сколько их? Вроде бы он говорил что-то о бригаде сеятелей? А кто поверит мне?

Я шел по степи, в которой были разбросаны камни, и старался вспомнить, где же тот пригорок, на котором пришелец оставил смертельный мешок?

Но камни были одинаковыми, пригорки схожими, трава одинаково сгибалась под настойчивыми порывами ветра.

В конце концов я утомился настолько, что мечтал лишь об одном: скорее вернуться домой, отдохнуть, прийти в себя и тогда уж взяться за борьбу с таким странным и безжалостным нашествием.

К счастью, место временного прыжка было отмечено воткнутым в траву шестом с белой тряпкой. Рядом с шестом было углубление, обложенное белыми гольшами. Это и есть пункт времени.

Я вступил в центр круга и совершил необходимые действия для начала переброски.

В глазах у меня потемнело.

Я понесся через века и тысячелетия к себе домой.

Вот и мой год.

Я вышел из круга.

Я должен был оказаться в небольшом парке, который окружает мою загородную резиденцию.

Но это был не мой парк!

Я стоял на опушке леса, представлявшего собой нелепую коллекцию странных сине-зеленых растений многометровой высоты с иглами вместо листьев, между ними носились странные насекомые с прозрачными крыльями и длинными тельцами. Воздух прямо и зловеще пахнул чуждыми и ядовитыми ароматами, он буквально источал сладковатый запах смерти.

Если бы я не был уверен в силе своего здравого смысла, если бы я не помнил, к сожалению, разговора с сеятелем-пришельцем, я бы решил, что сошел с ума. Сейчас же я не мог утешить себя забвением или даже сумасшествием.

Безумие, спасительное безумие не было даровано мне небесами!

Но надо что-то делать.

Я пошел по краю леса, отмахиваясь от насекомых. Вместо моего дома появился берег реки, на том берегу высились строения совершенно чуждой для меня архитектуры.

По берегу в мою сторону направлялись два живых существа, происхождение которых не вызвало никаких сомнений в том, что это и есть соотечественники моего недавнего оппонента.

Они победили!

Я трагически опоздал.

Жуткий, жестокий эксперимент, поставленный несколько сотен или миллионов лет назад, удался.

Мой славный мир погиб.

Его не существует.

Нет моей жены, нет моих детей, моих друзей и моей библиотеки!

Два существа подошли ближе.

Одеты они были иначе, чем тот давешний пришелец, но те же жестокие глаза, те же странные кисти конечностей...

Мне от них не убежать. Да и стоит ли бежать?

Я не стал убегать. Куда убежишь в чужом мире?

Один из них был пониже ростом и весьма толст, другой — худой, с густой неопрятной растительностью на голове. Слово множество тонких червячков расплодилось над его лбом.

При виде меня эти существа заговорили между собой. Их ротовые отверстия, окруженные отвратительного вида алыми полосками кожи, активно шевелились, но ни единого слова я не разобрал.

Ноги мои подкосились, и я устало рухнул на траву.

Мой путь завершен.

Ну почему я не догнал и не задушил того пришельца? Впрочем, сколько их там было? Сколько надо душить? Десять, сто?

* * *

— Что же будем делать? — спросил Корнелий Удалов, опуская на траву корзинку с опятами. — Судя по внешнему виду — инопланетный пришелец. От своих отбил, оголодал. Помрет, пожалуй.

— Не дай бог, Корнелий! — воскликнул Саша Грубин. — Разве можно так говорить о гостях из космоса?

Он склонился к пришельцу — маленькому, худенькому — соломинкой перешибешь, в длинных трусах и свободной рубахе, и произнес:

— Товарищ... Господин хороший, мы вам постараемся помочь. Следуйте за нами.

— Нет, не понимает, — сказал Удалов. — Давай я ему медленно скажу на космолингве, не зря ее учил. Дорогой наш брат по разуму, вы находитесь на Земле, в Вологодской области, в городе Великий Гусляр. Вы среди друзей. Мы вас вылечим и отправим обратно.

— Наверное, была катастрофа, — сказал Грубин. — И он выпал из своей тарелочки. Это бывает. Не жилец...

— Плохо одному в чужом мире, — согласился Удалов. — Надо будет его ко Льву Христофоровичу отвести. Пускай сделает ему анализы и накормит. А то еще отравим невзначай.

— Ты прав, Саша, — согласился Удалов. — Отдых ему требуется и диетическое питание. А пока он у нас приходит в себя, мы ему покажем наш город, а если нужно, то и в Москву свозим. Ему, наверное, интересно.

Они подошли к пришельцу и склонились над ним.

* * *

Они подошли ко мне вплотную.

Они подхватили меня под локти и потащили в плен.

Вернее всего, у них есть приказание уничтожить без следа любого истинного хозяина этой планеты, прежде чем он их разоблачит.

Но мне все равно.

Я последний.

Я покорно иду к своей гибели...

Звёзды зовут!

На закате, сверкнув в косых лучах солнца, во дворе дома № 16 приземлился антрацитовый вертолет с золотым двуглавым орлом на борту — знак президентской связи.

Детишки, что играли во дворе, разбежались, испугавшись, по углам, но двухметровый фельдъегерь в форме с галунами заметил их и, улыбнувшись, негромко спросил:

— А ну, кто скажет мне, где проживает профессор Лев Христофорович Минц?

Он вынул из верхнего кармана шоколадную конфетку и показал ее детям. Дети наперебой закричали:

— Во второй квартире!

Фельдъегерь кивком поблагодарил детей, спрятал конфету в карман, раскрыл рыжую, давно не крашенную дверь и вошел в дом. На лестнице было темно, потому что опять перегорела лампочка, но фельдъегерь был готов к нестандартным ситуациям и включил фонарик, вмонтированный в козырек фуражки. При ярком свете он отыскал квартиру № 2.

Фельдъегерь позвонил в дверь. Никакого ответа. Он постучал в дверь кулаком, обутым в стальную перчатку. Наконец дверь распахнулась.

В проеме двери стоял пожилой, тугой телом мужчина, настолько лысый, что об его макушку можно было бы наводить опасную бритву. Взгляд мужчины был гневен.

— Сколько можно повторять, — воскликнул он, — что до шестнадцати часов я ежедневно думаю!

С этими словами он попытался закрыть дверь, но фельдъегерь успел вставить обшитый титановым сплавом острый носок сапога в щель, и профессор был вынужден сдаться и отступить.

Комната профессора поразила фельдъегеря неуютом и бедностью.

В комнате умещались кушетка, окруженная бастионами книг, и большой стол, уставленный приборами, заваленный научными журналами и грязной посудой. В комнате не было ни одного предмета

настоящей профессорской обстановки. А так как фельдъегерь книг не любил и печатное слово признавал только запечатанным в специальном конверте, то у него возникли сомнения, туда ли он попал.

— Имя! — приказал он. — Фамилия! Отчество!

— А вам кто нужен? — нагло спросил толстяк. — Не бойтесь, говорите, я не кусаюсь.

Фельдъегерь растерялся. Его давно никто не упрекал в трусости. Поэтому он сразу признался:

— У меня конверт для профессора Минца Льва Христофоровича.

— Давайте конверт. — Минц уже уселся за стол, подвинул к себе тарелку с холодной яичницей и принялся пилить ее ножом.

Фельдъегерь все еще колебался. Тогда профессор спросил:

— Расписываться где?

Вопрос убедил фельдъегеря, и он протянул профессору пакет и потом дал расписаться в специальной книжке.

Профессор неуважительно бросил письмо на кипу журналов, но фельдъегерям не положено давать советы адресатам.

Как только дверь за фельдъегерем закрылась, профессор протянул руку за конвертом, ибо не был лишен любопытства, но тут перед его носом в воздухе столкнулись две осы, и Минц занялся подсчетами вероятности такого столкновения. Так что когда через полчаса к Минцу заглянул его сосед Корнелий Иванович Удалов, он застал профессора углубленным в подсчеты, для чего у него был старенький арифмометр «Феникс», которому он доверял больше, чем всем компьютерам Земли.

— Уже шестнадцать двадцать, — сказал Удалов. — Мы с тобой собирались сходить на выставку цветов в парке. Забыл, что ли?

— Я ничего не забываю, — ответил профессор. — Через три минуты я завершу работу над новой теорией столкновений свободно летающих тел, и сам буду свободен, как это самое тело.

— Зачем к тебе фельдъегерь заходил? — спросил Удалов. — От Президента, что ли?

Иному может показаться странным спокойствие, с которым обитатели дома № 16 относились к мировой славе профессора Минца. Но в этом не было притворства — Удалов, например, и сам славой не

обойден, да и весь Великий Гуслияр занимает не последнее место в мировых новостях.

— Давай вскрывай конверт, — сказал Минц, — может, что срочное?

Удалов сломал печать и вытащил лист бумаги.

«Глубокоуважаемый Лев Христофорович! — писал Президент Минцу. — Не откажите в любезности посетить меня в среду, часика в четыре. Заодно и пообедаем, моя жена чудесно готовит котлеты с картошкой. Если соберетесь, возьмите с собой Корнелия Ивановича. Ваш Президент».

— Надо съездить, — сказал Минц, когда Удалов кончил читать письмо. — Не отстанут ведь...

* * *

Президент был не один. В кабинете сидели несколько авиационных генералов и академиков. Удалов оробел. Хоть ему приходилось в жизни попадать в разные ситуации, но стесняться он не перестал — в отличие от Минца, который давно уже ничему не удивлялся. Он пожал руку Президенту, поздоровался с академиками и генералами.

Некоторые академики радовались встрече с Минцем, давно исчезнувшим из их поля зрения, а другие завидовали ему и не скрывали неприязни. У нас редко любят гениев.

— Садитесь, — попросил Президент и сам уселся во главе длинного стола. — Разговор предстоит серьезный. Надо поговорить о дальнейших, понимаешь, космических исследованиях.

В кабинете воцарилась тишина.

— Есть у нас, понимаешь, трудности, — продолжал Президент. — Поломки, неполадки, раздастся зарубежная критика, кое-кто ставит под сомнение тот факт, что мы, понимаешь, великая держава.

Эти слова вызвали возмущение среди генералов и академиков. Они принялись высказывать возмущение открыто, чтобы Президент их услышал. Президент поднял руку и произнес:

— Не выступайте, все я слышу, все понимаю. И думаю, что мы найдем способы. Не оскудела наша земля талантами. Есть у нас камни за пазухой.

Президент сделал знак референтам, и тут же открылась дверь и ввели юношу лет пятнадцати — худенького, лохматого, с серьгой в ухе, в футболке, джинсах и грязных кроссовках.

Некоторые из присутствовавших не смогли сдержать своего негодования из-за того, что наша молодежь оставляет желать.

— Погодите вы, — рассердился Президент. — В молодежь верить надо, а не подножки подставлять. Подножки подставлять — это каждый умеет. Иди сюда, Сережа, расскажи нашим корифеям, чего ты открыл и обнаружил, пока они по границам ездили.

Юноша оказался не таким робким, как того ожидал Корнелий Иванович.

Он вынул из заднего кармана джинсов какую-то считалочку, начал нажимать кнопки. Шум в кабинете утих. Все ждали.

— Объяснить, как произошло открытие, или вкратце? — спросил юноша у Президента.

— А если подробно, мы пойдем?

— Боюсь, что нет еще, — смущенно улыбнулся Сережа. — В общем, мне удалось вычислить, что в нашей Галактике есть обитаемые планеты. К сожалению, они находятся довольно далеко. Но я точно знаю их координаты и, если кто захочет, могу показать расчеты.

Всем захотелось возмутиться, но заявление Сережи было настолько неожиданным и наглым, что никто не отыскал нужных слов.

И тут, как назло, поднялся академик Кочубей, ведущий наш астрофизик, и сказал:

— Мальчик занимался в моем кружке при планетарии. Я проверял его расчеты. Ошибки нет.

Вот тогда начались споры и даже крики. Словно Президента не было в комнате. Таким сенсационным было событие.

Пошумели, покричали, потом Президент легонько стукнул ладонью по столу, стол вздрогнул, и академики и генералы вспомнили, где они находятся.

— Хочу заметить, — сказал Президент, — информация совершенно секретная, Сережу мы пока изолировали...

— Вот об этом я и хотел сказать, — вмешался Сережа. — Ну сколько можно! Если б знал, никогда бы такого открытия не делал.

— Эх, юноша, юноша, — заметил академик Беневоленский. — Поработали бы со мной при изобретении водородной бомбы, тогда бы не возмущались.

— Кстати, — добавил генерал-полковник с дьявольской бородкой, — всем присутствующим придется дать подписку о неразглашении.

— Ну это ты, понимаешь, поспешил, — остановил ретивого генерала Президент. — Это мы успеем. А знаешь почему? А вот и не знаешь, раз мигаешь глазами. До нашего брата по разуму еще долететь надо. А ведь не долететь. Сколько у тебя парсеков получается?

— Шесть, — ответил юноша.

— Вот и я говорю, что не долететь. А долететь надо. Я собрал вас, понимаешь, посоветоваться.

С разрешения Президента академики начали допрашивать Сережу с целью его унижить в глазах Президента, тот понимал и посмеивался, генералы тоже стали спрашивать о глупостях вроде военного потенциала наших братьев по разуму, а Удалов крепко задумался.

Он-то отлично знал, что Галактика кишмя кишит разумными цивилизациями, к нам прилетают, Удалова тоже возили на отдаленные планеты. Но это, разумеется, тайна в пределах Великого Гусяря. Сережа до своего открытия дошел самостоятельно. А раз так — скажите, почему Президент вызвал в Москву именно Минца с Удаловым из Великого Гусяря, а не Пупкина с Рабиновичем из Нижнесосенска?

Совещание продолжалось еще часа полтора и не пришло ни к какому результату. Даже если кто и поверил мальчишке, то предложить космическую экспедицию, чтобы утереть нос всем американцам, не смог, нет у России такой возможности.

По прошествии двух часов Президент поблагодарил всех участников. Когда гости стали подниматься, он сказал Минцу:

— Лев Христофорович, останьтесь, и вы, Корнелий Иванович, задержитесь, пожалуйста.

Ежась под злыми взглядами некоторых академиков, Удалов с Минцем задержались. Вскоре они с Президентом остались одни.

— Нет, — сказал Президент, — с нашим народом каши не сваришь. Я так и думал, что ничего они не придумают. Но чтобы до такой степени, то даже я не предполагал. А вы как думаете?

Профессор Минц поскреб блестящую лысину и произнес:

— Не мое дело судить коллег и генералов. Но ваши мысли мне понятны.

— Вот уже лучше! — обрадовался Президент.

— Достаточно сложить два и два, чтобы получилось два в квадрате.

— Надо запомнить, — сказал Президент и записал слова профессора. — Смешной, понимаешь, парадокс.

— Вам принесли координаты иноземной цивилизации, — продолжал Минц, — и вы как государственный человек сделали вывод...

— Я сделал вывод — надо лететь! — сказал Президент.

— Это сегодня единственный способ обогнать Америку и показать всему миру, что Россия остается великой страной.

— Ну молодец, ты — наш старик! — обрадовался Президент. — Продолжай!

— Но я тоже не представляю, каким образом... — начал было Минц, но тут Удалов его перебил:

— Я думаю, что речь идет о минимизации.

— Об этом неудачном опыте?

— Вот именно! — воскликнул Президент. — Зря вы это изобретение выбросили, Лев Христофорович... Зато сейчас оно нам очень пригодится. Если у нас имеется отдаленная цивилизация и если у нас нет денег, чтобы отправить туда космическую экспедицию, то почему бы не уменьшить космонавтов до миниатюрных размеров, и тогда...

— Запасов воздуха и пищи надо в сто раз меньше, вес корабля в сто раз меньше — всего надо в сто раз меньше! — заявил Удалов. — Вы гений.

— О гениальности — это лишнее. У меня есть семья и другие советчики. В коллективе живу, думаем вместе. А решения приходится

принимать, понимаешь, в одиночестве. Устал я, ребята. Пошли, что ли, пообедаем. Супруга ждет.

* * *

Все приборы для корабля изготавливались на станции юных техников и в Институте борьбы с вредными насекомыми. Мебель и прочие вещи поручено было изготовить фабрике твердой игрушки. Фабрику оцепили автоматчики, прочие организации тоже охранялись.

В Министерстве обороны об операции «Звезды зовут» знали три человека. Зато очень многие знали о параллельной операции «Галактика». На полигоне в Плесецке готовили к старту настоящий гигантский космический корабль, и хоть цель полета держали в тайне, половина населения Земли о ней знала — готовился полет к дальним звездам.

В США эксперты по русским делам категорически заявили, что русская технология и экономика такого запуска не выдержат, а если корабль и пролетит сколько-то там миллионов километров, то он обязательно рассыплется. Так что к звездам все равно полетят американские астронавты. Только надо погодить.

А пока суд да дело, американские агенты и купленные ими мафиозные кланы вели поиски юноши Сережи. Сбились с ног, но найти не смогли, потому что он сдружился с академиком Минцем и уехал с ним на время подготовки экспедиции в Великий Гусляр, где жил на правах внучатого племянника и вел со Львом Христофоровичем бесконечные споры о кибернетике. Старый и юный ученые крепко подружились.

Присутствие Минца пока не требовалось. Дела шли и без него под президентским контролем.

Дети во дворе дома № 16 уже привыкли, что в семь вечера там опускается черный вертолет с золотым гербом России на борту и из него выходит дюжий фельдъегерь, у которого всегда найдется для них конфета.

Наконец — уже осенью, когда трава в городском парке пожухла, а клены стали огненными, — подготовка к экспедиции была завершена.

В Гусляр пришло послание от Президента:

«Удалову и Минцу быть в Плесецке к шести вечера».

На том же фельдъегерском вертолете и вылетели.

На космодроме наших знакомых тут же провели в бункер. Там находился Президент. Нет, не инкогнито, а совершенно официально, так как только он мог помахать рукой улетающим космонавтам.

Президент сидел за простым дубовым столом, который остался в наследство от академика Королева. Справа сидел Генеральный, слева генерал с бородкой под Троцкого. Комиссия принимала доклады служб.

Когда выяснилось, что все службы свое дело сделали и корабль к полету готов, Президент отправился на пресс-конференцию.

Журналистов собралось столько, словно Президент только что взял штурмом Кремль.

В коридоре, в тот момент, когда никого рядом не было, Президент по-товарищески обнял Минца и Удалова и спросил:

— Не передумали?

— Нет, — сказал Минц.

— Средство привезли?

Минц похлопал себя по верхнему карману.

— Инкубационный период проверяли?

— И не раз, вы не волнуйтесь, — сказал Удалов. — Короткий у нас инкубационный период.

Президент поспешил на пресс-конференцию. От двери обернулся и громко прошептал:

— Вся надежда на вас, старики! Если опозоримся, меня скинут, вас на пенсию, если не хуже, а удар по репутации России будет такой, что уже не управиться.

— Не подведем, — заверил Удалов.

В отведенной им комнате они просидели минут двадцать. Работал маленький телевизор. Они смотрели, как Президент отбивается от скептически настроенных журналистов. Настроение было тревожным. Ответственность — громадной.

В дверь заглянула дочь Президента, доверенное лицо.

Она сделала жест рукой. Дочь была вся в черном, на голове черный платок.

Черной монашкой она повела друзей по коридору.

Они вышли на поле. Дул холодный ветер. Удалов пожалел, что не взял плаща.

Впереди возвышалась громадная башня — космическая ракета.

Дочь Президента легко вспрыгнула на небольшую платформу, Минц с Удаловым последовали ее примеру, и тележка покатила к кораблю.

Возле корабля было тихо.

Часовые у башни мирно спали.

— Никто не заметит нашего прихода, — сказала дочь Президента.

— Куда его денут? — спросил Удалов, показывая на корабль.

— В сторонке постоит, — ответила дочь Президента. — Их тут две дюжины, несчитанные. Еще со времен «холодной войны».

Они поднялись на лифте в космический корабль, прикрепленный спереди к ракетоносителю. Ракета была большой, корабль казался маленьким.

— Папа очень на вас рассчитывает, — сказала дочь.

Минц поцеловал молодой женщине руку, а Удалов крепко пожал ей прохладные пальцы.

Минц и Удалов остались одни.

— Что ж, — сказал Удалов. — Может, попрощаемся? Мало ли что может произойти?

— Ничего не случится, — отрезал Минц. — Мои открытия абсолютно надежны.

А тем временем пресс-конференция кое-как закончилась. Президенту не удалось убедить иностранных корреспондентов, что миссия к Дальней звезде завершится успешно. Оппозиционные журналисты обвинили его в безжалостном отношении к русским людям. В сознательной попытке убить космонавтов по указке западных спецслужб. Репутация страны и лично Президента была поставлена на карту.

На глазах у сотен телекамер Президент пожал руки космонавтам и пожелал им скорейшего возвращения.

Гедике Петр Матвеевич был высок ростом, у него были курчавые черные волосы и нос с горбинкой. Он отличался безумной храбростью и находчивостью. Еще пять лет назад, до окончания летного училища, он был капитаном команды веселых и находчивых Московской

консерватории. Петр Иванов — коренастый, светлоглазый, малоподвижный, с пшеничными волосами, которые спадали на лоб, — был слесарным гением. Он собственными руками построил действующий самолет и пытался улететь на нем в Америку. Его поймали в районе Северного полюса и вместо тюрьмы отправили в отряд космонавтов.

Весь мир глядел на то, как космонавты строевым шагом, поблескивая прозрачными круглыми шлемами, прошагали последние метры до ракеты. Петр Гедике отрапортовал лично Президенту.

— С богом, — напутствовал Президент.

Патриарх сказал небольшую речь.

Космонавты исчезли внутри космического корабля. Весь мир затаил дыхание.

Начался отсчет времени.

* * *

Космонавты не смогли скрыть изумления, увидев в космическом корабле двух пожилых джентльменов — толстого и низенького.

— Вы что здесь делаете?! — воскликнул командир корабля Петр Гедике. — Сейчас же покиньте космический корабль.

— Нет, — твердо сказал Минц. — Мы летим все вместе.

— Как вместе? — удивился Петр Иванов. — У нас каждый кусок хлеба, каждая капля воды на учете.

— Воды и хлеба достаточно! — отрезал Удалов. Он вынул из кармана и протянул космонавту Гедике свой заграничный паспорт с открытой космической визой. Минц также дал космонавтам убедиться в том, что его документы в полном порядке.

— Отныне и до конца полета, — сказал Минц, — я буду научным руководителем экспедиции, а Корнелий Иванович — консультантом по галактическим вопросам.

Космонавты находились в растерянности, и Петр Гедике решил выйти на связь с Центром управления полетами.

— погоди, — велел ему Удалов. — Сейчас будет связь.

И точно. Вспыхнул экран телевизора, и на нем показалось усталое лицо Президента.

— Вы удивлены, космические соколы, — сказал Президент. — Но попрошу вас не удивляться. Как Верховный главнокомандующий я беру на себя всю ответственность за неожиданные назначения. Я подтверждаю полномочия моих представителей Минца и Удалова. Прошу вас, во всем слушайте старших товарищей. Счастливого пути и мягкой посадки!

Экран погас, а Петр Иванов сказал:

— Вот блин!

На что Минц ответил:

— Ругань и ненормативную лексику попрошу из нашей жизни изъять.

Петр Иванов замолчал и молчал с тех пор несколько недель, стараясь придумать фразу без этой лексики.

— А сейчас, — продолжал Минц, — мы с вами сделаем укольчики и отправимся в полет.

— Уколы уже делали, — возразил Петр Гедике. Но его возражения не были приняты во внимание. Одно утешение — иголка у профессора была такая длинная и острая, что проколола скафандры — не пришлось раздеваться.

За двенадцать минут до старта космонавты заснули. Еще через минуту они стали уменьшаться и уменьшались до тех пор, пока Минц не положил их в спичечный коробок и не отнес в секретный носовой отсек корабля, где помещался такой же космический корабль, только в семьдесят раз меньше настоящего.

— Ну что ж, — сказал Минц, — ничего не поделаешь. Родина слышит, Родина знает...

— Как в небесах ее сын пролетает, — закончил куплет Удалов.

— На старости лет дома надо сидеть.

— Может, в последний раз, Христофорович, может, в последний раз...

Минц сделал уколы и себе с Удаловым. Только из другой склянки — снотворное спасителям России не требовалось.

Друзья уселись у ступенечек, что вели в махонький кораблик, и стали ждать, пока подействует зелье.

— То-то американцы утрутся, — сказал Удалов. — Со всей их хваленной техникой. Им до звезд никак не добраться.

— Геополитически важно, — развил его мысль Минц, — то, что некоторые страны Восточной Европы, в первую очередь Польша, откажутся от притязаний на членство в НАТО.

— Вот именно, в НАТО, — согласился Удалов и стал уменьшаться.

Вместе с ним уменьшался и Минц. Так как они делали это одновременно, то уменьшение прошло незаметно, лишь отсек корабля быстро увеличивался.

— Под ложечкой щекочет, — признался Удалов. — С непривычки.

Когда уменьшение закончилось, Минц с Удаловым быстро поднялись в миниатюрный кораблик, прикрепленный к носу корабля настоящего. Космонавты спали на полу в гигантском двуспальном гробу. Таким предстал глазам Удалова спичечный коробок.

— Как только мы их вытащим? — удивился он.

— А нам этого не надо делать.

— Как не надо?

— За нас это сделает природа, — загадочно ответил Минц и надел на нос какой-то аппаратик, смысл которого Удалов понял буквально через минуту.

Глухой и чуть взволнованный голос руководителя полетов наполнил отсек.

— Готовы ли вы к полету, друзья? — спросил он.

— Готовы! — ответил Минц голосом Гедике. Вот для чего ему понадобилась насадка на носоплотку! Великий человек велик и в мелочах. Удалову бы никогда не догадаться до такой гениальной детали. А ведь не будь ее — все могло сорваться.

— Помните, за вами наблюдает вся наша страна! — сказал руководитель полетов. — Весь мир. Все цивилизованное человечество. Но и наши недруги, закусив губу, не отрываются от телевизионных экранов в надежде на то, что ваш полет сорвется. Так что...

— Погоди, понимаешь, — послышался другой голос, голос Президента. — Я вам тоже скажу. Заранее приношу вам благодарность от всего народа и от меня лично.

— Начинаем отсчет последних секунд, — произнес руководитель полетов. — Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Минц с Удаловым уселись в кресла и привязали себя ремнями. Только успели это сделать, как невероятная сила прижала их к креслам, взревели двигатели ракеты.

— Поехали! — сказал сакраментальное слово профессор Минц.

* * *

Как всегда, профессор Минц оказался прав.

Когда завершился взлет и ракета исчерпала свои возможности, первая ступень отлетела и сгорела, как положено, в атмосфере. То же случилось со второй и третьей ступенями. Но в отличие от остальных носителей звездная ракета имела дополнительную четвертую ступень, при включении которой миниатюрный кораблик отделялся от своего большого брата, а тот оставался на орбите ждать возвращения космонавтов.

Когда это случилось, пришла пора просыпаться Петру Гедике и Петру Иванову. И вот тут снова сказалась предусмотрительность Минца. К тому времени на корабле воцарилась невесомость. А это означало, что космонавты сами приподнялись над спичечной коробкой и начали парить в воздухе. Коробок, конечно же, оказался складным, и профессор спрятал его за рояль, который стоял в кают-компании кораблика, чтобы путешественники могли развлекаться долгими космическими вечерами.

Разумеется, космонавты очень удивились тому, что проспали старт, но Минц убедил их, что их наказывать за это не будут, так как стартовый сон входит в программу.

Мастера с фабрики твердой игрушки потрудились на славу. Даже рояль в три сантиметра длиной почти не фальшивил. Разумеется, космонавты и не заподозрили, какую злую шутку сыграл с ними профессор Минц. Так что полет прошел в согласии и спокойствии.

В назначенные моменты начинались сеансы связи, и наши космонавты плавали в воздухе перед телевизионными камерами, рассказывая об опытах над растениями и насекомыми, которые они проводили. В эти минуты Удалов с Минцем сидели в туалете, чтобы случайно не попасть на глаза зрителям.

На восьмой или девятый день полета сеансы связи завершились. Слишком далеко.

Кораблик уже покинул пределы Солнечной системы, серебряным шариком мелькнул за иллюминатором Плутона, и вокруг стало пусто.

Корабль все разгонялся и разгонялся, пока не помчался со скоростью света. И тогда, согласно теории относительности, время на нем существенно замедлилось, и дни, которые мелькали для землян, как огоньки пролетающего навстречу поезда, потянулись на корабле как положено, с трехразовым питанием.

На третий месяц пути Удалов начал узнавать знакомые созвездия и космические маяки. Они влетели в обжитую высокими цивилизациями часть Галактики. Именно оттуда к нам прилетают неопознанные космические объекты и всевозможные тарелочки.

Но Удалов помалкивал. Его могли неправильно понять. Да, он путешествовал по Вселенной, но на чужих кораблях, капитаны которых не подозревают о существовании Альберта Эйнштейна, а пользуются обычным космическим флопом — то есть прыгают через пространство. Эту технологию Земле знать еще рано, слишком нестабильно ее внутреннее положение, слишком много на ней очагов напряженности и взаимной вражды.

А вот и планета, так удачно высчитанная и открытая мальчиком Сережей. Она лежит на краю Космической Федерации, и сюда редко залетают корабли.

Планета медленно вращалась под кораблем.

Наступало время решительных и ответственных действий.

Минцу предстояло вернуть космонавтам их обычные размеры, чтобы они не потерялись среди чужих громадных людей. Ничего себе будет сенсация, если кто-то из космонавтов, не говоря уж об Удалове, попадет под каблук аборигену!

Но сделать это надо было осторожно, уже после посадки. Для этого садиться придется вдали от местного космопорта, если таковой имеется, потом превращаться в людей нормального размера, а уж потом выходить на контакт.

Корабль вышел на орбиту. В приемнике раздались голоса — значит, здесь уже открыто радио!

План Минца заключался в следующем.

Корабль должен был выбрать самое укромное место, спуститься незаметно, затаиться в траве, среди жуков и лягушек.

Дальнейшие действия — по обстановке.

Поведение Минца, который пожелал отыскать безлюдное место, показалось космонавтам бессмысленным. Ну зачем им было лететь через половину Галактики, чтобы прятаться от местных жителей?

Зато Удалов-то все понимал.

— Мальчики, — сказал он. — Мне хочется жить, вам хочется жить и приносить пользу Родине. А для этого нужна элементарная осторожность. А вдруг здесь живут вспыльчивые, подозрительные люди, которые откроют зенитный огонь по кораблю пришельцев, пикирующему на столицу их державы? Может, они будут правы?

— Прилетим, отдышимся, сделаем анализы, — подхватил речь Удалова Минц. — Вышлем разведку, пускай она поговорит, объяснит. А там и торжественная встреча.

Подумавши, космонавты согласились.

Несколько раз кораблик облетел планету. И если не считать одного опасного момента, когда попали в грозу, ничто не угрожало. Видели города и посеы, но цивилизация оказалась не очень развитой.

Отыскивали густой лес в умеренном поясе, чтобы поменьше было тигров и анаконд. Опустились на полянке.

К счастью, лес был невысоким, к тому же темнело.

Посадка получилась мягкой, ничто не вызывало тревог.

Настроение было приподнятым.

Распили бутылочку водочки, взятую для этого случая. Удалов в который раз порадовался таланту российских умельцев. Ведь, если говорить объективно, высотой бутылочка едва достигала трех миллиметров, но в ней оказалась пробка, на боку наклейка, а внутри содержимое.

Потом Минц приказал всем спать.

Они с Удаловым тоже заснули — сказало действие напитка.

Когда занялся синий прохладный рассвет и незнакомыми голосами запели чуждые нам инопланетные птицы, Минц растолкал Удалова и сказал:

— Пора.

Удалов с некоторого похмелья помотал головой и спросил:

— Чего пора?

Минц показал на спящих товарищей-космонавтов.

— Вытаскиваем их на улицу, вкалываем им увеличитель и делаем уколы себе самим. Через несколько минут мы все становимся обычного размера.

— Ясно, — согласился Удалов. — А корабль?

— Для корабля мне выдали надувную копию. — Минц перекинул через плечо сумку со сложенным кораблем-гигантом. — Поставим ее в отдалении, а сами поведем друзей в другую сторону.

С немалым трудом они вытащили крепко спящих космонавтов на лужок. Минц притащил медицинский ящичек.

Только он собрался сделать уколы для увеличения космонавтов, как кусты неподалеку раздвинулись и незнакомый голос произнес на космолингве, к счастью, знакомой Удалову:

— Добро пожаловать на планету Столоки. Мы есть поисковая партия, наблюдавшая спуск вашего замечательного корабля в наш заповедный лес, да.

Удалов выпрямился и сделал шаг навстречу дружественно расположенным аборигенам.

Ну слава богу, подумал он. Они оказались нормального роста. И ничего не надо делать.

Он посмотрел на Минца, который так и остался сидеть на корточках возле спящих на траве космонавтов, и увидел на лице профессора выражение крайнего изумления. Хотя изумляться было нечему.

Он переводил взор с профессора на скромно, по-походному одетых аборигенов, которые мило улыбались...

Удалов пошел к ним, протягивая руку.

Глава поисковой партии тоже сделал шаг навстречу. Рукопожатие получилось теплым, дружеским, настоящим.

— А это профессор Минц, — сказал Удалов, указывая на друга.

Тот стоял со шприцем в руке, и с иглы капал ценный увеличитель...

И только тогда Удалов понял, что местные жители — это не нормальные люди, не большие люди, а очень маленькие люди, почти

такие же, как Удалов, Минц и космонавты. И нет нужды никого увеличивать.

Или, как сказал вечером профессор Минц после окончания официального банкета по случаю прилета дружественных инопланетян с Земли:

— А кто тебе сообщил, что все существа во Вселенной должны быть одного роста? Шансов на то, что они будут человеческого размера, не больше, чем на то, что они — карлики. И еще меньше, чем на то, чтобы они оказались осьминогами. Нечего удивляться. Нам просто повезло, как бывает в приключенческих романах или в телевизионных передачах, где в кустах обнаруживается рояль.

— И все-таки это странно и невероятно.

— Не более невероятно, чем зарождение белковой жизни. А это произошло, — сказал Минц.

Удалов задумался.

— Ты не отвлекайся, — сказал Минц, — снимай кино про наше пребывание. С тебя на Земле строго спросят — где доказательство того, что мы утерли нос американскому империализму?

Удалов снимал встречу, и постепенно его настроение улучшалось. Куда хуже было бы, окажись братья по разуму скорпионами или гигантами-циклопами. А ведь и те, и другие в Галактике существуют, занимаются науками и культурой, ходят на свидания и не подозревают о своем страшном уродстве. Может, даже считают нас, людей, не очень красивыми.

— Лев, — сказал он между делом, — а ведь мы можем с их помощью всю Вселенную освоить.

— Не понял, — откликнулся Лев Христофорович, который в этот момент пожимал руки почтенным старцам из встречающей комиссии.

— Они же мелкие, значит, экономичные.

— И как же ты это представляешь?

— А так, что мы им поставляем технику, а они летают. Дешево и сердито.

— А зачем летают? — спросил Лев Христофорович.

— Ну... это самое, чтобы врагам нашим дулю показать.

— Мы уже показали, — заметил профессор. — Пора собираться в обратный путь. Теперь никакой Киссинджер не сможет сказать, что мы здесь не были. Были!

Пять дней пребывания на планете Столоки, как называли ее жители крупнейшего из континентов, пролетели как сон. Космонавты и консультанты питались как на убой, посещали увеселительные заведения, а также школы, фабрики, заводы и сельскохозяйственные фермы. Хозяева были откровенны и доброжелательны. Они предложили установить дипломатические и торговые отношения, обмениваться студентами и попросили оказать им помощь в развитии новой технологии.

Минц с Удаловым взяли на себя формальную сторону общения, а молодые Петры пропадали неизвестно где и даже ночевать на корабль не являлись. Это было грубейшим нарушением дисциплины, Удалов хотел было собрать всю группу и обсудить поведение молодежи, но Минц возразил.

— Зачем, — сказал он, — изображать из себя тоталитаризм? Раз в жизни наши космонавты попали к живым людям, в свободное общество, а ты тут же — собрание!

— Не лежит у меня душа к этим гулянкам. Ох, плохо это кончится.

И вправду, это кончилось неожиданно.

На шестой день космонавт Петр Гедике заявился к ужину с молодой зеленоватой особой (таким был цвет кожи у жителей Столоки) с небольшим третьим глазом во лбу, но в остальном простой девушкой. Девушка смушалась и все порывалась уйти.

— Мы полюбили друг друга, — сказал Петр Гедике.

Девушка потупилась. Петр Иванов нарушил молчание.

— Ну, блин! — сказал он.

— И что же вы предлагаете? — спросил профессор Минц.

— Придется мне жениться, — сказал Гедике.

— Этого еще не хватало! — воскликнул профессор. — Да вы понимаете, что говорите!

— Понимаю, и сам бы не спешил с браком, но Гругена настаивает.

Минц посмотрел на Удалова. Удалов на Минца.

— А ничего в этом плохого нету, — сказал Гедике. — Ну привезем мы с собой представительницу другой планеты — нам же за это спасибо скажут. А американцы уж точно утрутся!

— Молодой человек! — сказал тогда Минц. — Это вы ошибаетесь, когда полагаете, будто наш полет осуществляется в пику Западу. Он осуществляется с научными целями.

— Во блин! — сказал Петр Иванов.

В его голосе Минц уловил справедливое осуждение. Ведь космонавты хотели как лучше...

— А может, мы отложим свадьбу? — спросил Минц. — Вы же даже взаимную генетическую терпимость не выяснили!

— Любовь превозможет, — сообщил Гедике.

Невеста висела на его локте, как спелая груша.

— Так что вас так торопит? — спросил Минц.

— Я ее обесчестил, — признался Гедике.

— Нет, я сама напросилась, — доверчиво возразила девушка.

— Это еще не трагедия, — вмешался Удалов. — Мы с моей женой Ксенией активно встречались до свадьбы — и ничего.

— А мне, по законам нашего общества, придется утопиться.

— Не может быть! — удивился Минц. — У вас такое гуманное общество!

— Для кого гуманное, а для меня сволочное, — ответила девушка. — Живем здесь, как в четырех стенах, отстаем в прогрессе, даже кино не изобрели, а чтобы из Галактического центра попросить — ни-ни! И всё эти проклятые старцы!

И она с неприязнью поглядела на Минца.

— Если ее утопят, я тоже утоплюсь, — сказал Гедике.

— И ребеночек, который развивается во мне, тоже утонет, — сказала Гругена.

Она зарыдала, Гедике заплакал, и даже Иванов уронил мужественную слезу.

— Приготовьтесь выслушать горькую правду, — сказал Минц. — Вы садитесь, садитесь, в ногах правды нет. Я хочу вас сначала спросить, известно ли вам, что наша страна переживает некоторые временные экономические трудности?

— Читали, — ответил Гедике. — Только при чем тут моя любовь?

— А при том, что в естественном состоянии ты не смог бы поцеловать свою невесту, потому что случайно проглотил бы ее вместе с ее прекрасными тремя глазами.

— Во блин! — Петр Иванов даже зажмурился от отвращения.

Гедике страшно побледнел. Он начал дрожать в предчувствии роковых новостей.

И тогда, понимая, что отступить некуда, Минц рассказал собратьям по полету всю горькую правду.

Наступила тишина, прерываемая лишь короткими вздохами невесты.

Потом Гедике сказал:

— Могли бы нам довериться с самого начала. Я ведь успел в комсомоле побывать.

— И в пионерах, — добавил Иванов.

— Правительство полагало, что стресс, вызванный страхом остаться в маленьком виде, будет слишком сильным.

— И мы рехнемся? — спросил Гедике.

— Вроде того.

— Теперь вы понимаете, почему я посоветовал вам повременить с браком, — сказал Минц.

— Теперь мы многое понимаем, — ответил Иванов.

* * *

Экспедиция оказалась в страшном положении.

Можно отвезти Гругену домой, на Землю. Кажется даже, что такой выход устраивает всех. Его одобрит и Президент.

Но подумайте: на Земле космонавт просто обязан стать снова большим, иначе всемирный обман будет разоблачен, и на нашу страну падет тень, а Президент станет посмешищем в реакционных кругах и среди радикалов. Значит, Гедике будет давать пресс-конференции, выступать по телевизору, писать отчеты о полете, а где будет его жена? В спичечном коробке? А где окажется его ребенок, который родится уже в этом году?

В том же коробке. И их склюет первая же ворона.

Тут невеста зарыдала. И сказала, что лучше потонет на своей родине, чем станет насекомым на родине мужа.

— Есть другой вариант, — сказал Минц. — Гедике остается здесь.

— То есть как я остаюсь здесь? — возмутился космонавт. — Меня товарищи ждут, мне орден должны дать, геройскую звезду, меня за границу, наверное, пошлют... А вместо этого меня придется судить! За дезертирство с космического фронта.

— Миленький, дорогой! — взмолилась невеста. — Неужели эти ордена и воинственные слова важнее, чем наша любовь? Папа дает нам в приданое виллу на берегу моря и яхту. Ты давно хотел иметь яхту, не так ли? Я рожу тебе пять или шесть богатырей...

— Ну, блин, — сказал Петр Иванов.

— Нас ждут, — сказал Минц, который полагал, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. — Вся страна приникла к телевизорам. Ведь пленки, на которых снят наш прилет и встреча, уже получены на Земле. Какие широкие объятия, как всегда, раскроет Родина!

— Придется возвращаться, — печально вздохнул Гедике. — Сначала долг, а потом любовь.

— А мне что, утопиться? — спросила невеста.

— Полетишь с нами, — сказал Гедике. — обойдемся без яхты. Нам правительство подарит и виллу, и катер, и верхового коня. Лев Христофорович, у вас найдется еще немного средства, чтобы привести Гругену в крупный человеческий размер?

— Ох не знаю, получится ли! — развел руками Минц. — Средство испытано только на людях. А вдруг не получится?

Тут зазвонил телефон. Незнакомый голос с иностранным акцентом спросил:

— Здесь ли находится известный космический путешественник Корнелий Удалов?

— Я у телефона.

— Ты что, не узнаешь старых друзей?

Необычный акцент, певучие интонации вызвали в памяти Удалова образ старого знакомого, с которым он общался на Съезде Обыкновенных Существ Галактики несколько лет назад, когда Удалов удостоился почетного звания Самого среднего обитателя Галактики.

Разумеется, на Земле Удалов об этом не распространялся, да и жена Ксения не одобряла той его поездки, но сейчас он искренне обрадовался, услышав голос кузнечика Тори.

— Надо встретиться, — сказал Тори. — Я для этого специально из Центрального разведуправления сюда флопнул. Даже уменьшиться пришлось. Спускайся на улицу, выйдешь в скверик, садись за розовым кустом на третью скамейку справа. Нас не должны видеть вместе.

Удалов мысленно улыбнулся таинственности, которую так любит напускать на себя кузнечик. Но не стал спорить, оглядел комнату, понял, что никто не обращает на него внимания — все утешают невесту Петра Гедике — и поспешил вниз, в скверик.

* * *

На улице было пасмурно, дул осенний ветер и нес над мостовой желтую листву. Розовый куст, за которым стояла нужная скамейка, уже отцвел, и лишь последняя алая роза осыпала лепестки на жухлую траву. Удалов опечалился.

«И зачем все это? — подумал он. — Зачем суета, планы, космические полеты, премии и ордена? Наверное, права девушка Гругена, которая призывает космонавта Гедике поселиться на берегу моря и кататься на яхте...»

— Ну, старик, ты совсем не изменился! — раздался пронзительный голос.

К Удалову подбежал, подпрыгивая, зеленый кузнечик, одетый аляповато и ярко. Он уткнулся твердым носом Удалову в живот, всхлипнул от радости. Удалов почувствовал, как внутри него зашевелились пальчики душевного волнения.

— Надо худеть! — заявил кузнечик. — Ты, Удалов, перешел все границы. Посмотри на меня — как огурчик!

Такими грубоватыми словами кузнечик Тори пытался прикрыть свои чувства. Он боялся, что его сочтут сентиментальным.

— Тебе что, — сказал Удалов. — У тебя кожа хитиновая, как стальная. Куда тебе жиреть?

Они уселись на скамейку.

— Я как увидел в сводке нашего разведуправления, что на Столоки прибыл миниатюрный кораблик с Земли, то решил, что не иначе как вы с профессором Минцем что-то придумали! Ведь раньше звездных экспедиций Земля не посылала.

— Ты прав, — сказал Удалов. — А ты почему сводки смотрел?

— Я теперь в разведуправлении Галактического центра консультантом тружусь, специалистом по России.

— Ну какой же ты специалист?

— Не хуже других, — обиделся кузнечик. — После того как я твоим переводчиком работал, мне полное доверие в Центре.

— Ну спасибо, — сказал тогда Удалов. — Искреннее спасибо, что вспомнил меня, прилетел поздороваться...

— Ты дурак, Удалов, — с грубоватой прямоотой возразил ему кузнечик. — Если бы только поздороваться, мы бы с тобой в таверне «Жареный индюк» встретились, я бы тебя напоил в стельку! А если я тебя на секретное randevу вызываю, значит, есть другие основания. Не требующие отлагательства.

— Что же, говори, — вздохнул Удалов. Он-то надеялся посидеть с Тори, поговорить, вспомнить молодость. А тот опять о делах...

— Скажи мне, друг, — спросил кузнечик, — вы уже отослали на Землю кассету с кадрами вашей встречи и пребывания?

— Отослали, — ответил Удалов. — Как получили позавчера телеграмму из Москвы, тут же отправили.

— Плохо, — сказал кузнечик. Он задумчиво водил носком башмачка по песку, вырисовывая на нем загадочный узор.

— А что случилось? — встревожился Удалов.

— Я тебе этого говорить не должен, — сказал кузнечик, поворачиваясь к Удалову и внимательно глядя на него неподвижными выпуклыми глазами. — Это, конечно, государственная тайна. Но раз уж она касается тебя, моего лучшего друга, я не могу молчать!

— Не томи! — взмолился Удалов. — Говори. И без тебя тошно.

— Не секрет, что Земля давно находится под космическим наблюдением, — сказал кузнечик. — Мало ли чего натворят ваши политики или генералы.

— Знаю. Сам как честный человек беспокоюсь.

— Так вот, мы получили по своим каналам информацию. На тайном совещании в верхах принято решение вас ликвидировать.

Кузнечик вздохнул, как заскрипел внутри, и поднял к небу выпуклые глаза.

— Зачем нас ликвидировать, если мы — гордость нашей необъятной Родины?

— Минутку, — сказал Тори и большими прыжками умчался следом за большой разноцветной бабочкой.

Минуты через три он возвратился, стирая платочком с углов рта цветную пыльцу.

— Я только поглядел, — сообщил он, — занесена она в Красную книгу или нет? Оказывается, занесена. Вот я и вернулся несолоно хлебавши.

Кузнечик тонко застрекотал, довольный, что вспомнил редкое русское выражение.

Удалов понимал, что существу на таком ответственном посту стыдно жевать бабочек из Красной книги, и потому промолчал, чтобы не смущать приятеля.

— Что ты говорил о секретном совещании? — спросил Удалов.

— Как обычно. Собрались генералы и некоторые секретные академики, а также представители Службы безопасности и решили, что вам придется героически погибнуть на подлете к Земле.

— Но почему же? Мы выполнили задание, встретились, поговорили, даже невесту возем — она от нашего космонавта, прости, понесла. Скоро ждем прибавления семейства.

— Фильм ваш на Земле. Весь мир знает, что вы выполнили свой долг. Америка, считай, в позорном трауре. Президент в отставку просится. Польша отказалась в НАТО вступать. Самое время вам героически погибнуть.

— Я все равно ничего не понимаю!

— Скажи, ты иногда выпиваешь? — спросил кузнечик.

— Только за компанию.

— А космонавт Петр Гедике во сне разговаривает?

— Представления не имею.

— А профессор Минц воспоминания не начал писать?

— Вроде что-то такое...

— А инопланетная невеста будет держать язык за зубами?

— К чему ты клонишь?

— Компьютеры подсчитали, что кто-то из вас обязательно проговорится. И довольно скоро. И тогда секрет минимизированного космического полета выплывет наружу. И будет громадный ущерб престижу России. Хуже, чем если бы и не начинали.

— Нет, — заявил Удалов. — Президент этого не допустит!

— Президент уже три дня как в отпуске, — сказал кузнечик. — Президенту сообщат неприятные новости — через три дня. Так-то и так — героически погиб твой друг Удалов. Всплакнет Президент, велит бюсты поставить на родинах героев, а потом подумает — ну так и к лучшему...

— Как нас уничтожат? — Удалов вдруг поверил кузнечику и ужаснулся.

— На подлете. Ракетой собьют. К тому же должен тебе сказать, что деньги, которые на полномасштабную экспедицию выделили, треть годового бюджета — уже разворовали.

— Куда же они делись?

— В основном они направлены на улучшение жилищных условий администрации Президента и его управления делами... Ну сам понимаешь, каждому хочется квартиру с подземным гаражом и бассейн в Барвихе.

— Нет, я не могу поверить! Я отказываюсь поверить!

— Кое-что ушло в швейцарские банки...

— Нет, нет, нет!

— Можешь послушать на досуге запись переговоров о вашей ликвидации. — Тори протянул Удалову кассету.

Удалов отвел его руку.

— Не надо, — сказал он упавшим голосом. — Только разум мой отказывается поверить...

— Надо верить, — возразил Тори. — Нет ничего невозможного в вашей стране.

* * *

Удалов собрал товарищей по полету. Он боялся, что они поднимут его на смех, обвинят в трусости или даже в отсутствии патриотизма.

Но космические путешествия делают людей мудрыми.

Выслушав удаловскую информацию, помолчали.

Петр Гедике крепко сжал руку невесте. Она прильнула к нему, как лиана к дубу.

— А что, блин? — задал риторический вопрос космонавт Иванов.

— Мне грустно признавать такой вариант, — сказал Минц, посчитав в уме вероятность предательства, — но все к этому шло, и только такой доверчивый старый дурак, как я, умудрился не предусмотреть самой простой возможности.

— Звони папе, — обратился Петр Гедике к своей невесте, — скажи старику, что я согласен на яхту.

Невеста Гругена счастливо засмеялась, а потом кинулась к телефону.

Космонавт Иванов как человек военный вдруг сказал целую речь:

— Корабль, блин, запускаем в режим автоматического полета. В сторону Земли, но соответственно без экипажа.

— А экипаж? — спросил Удалов, который знал ответ, но хотел получить подтверждение.

— А экипаж в составе Петра Гедике и меня остается на постоянное жительство на планете Столоки, учитывая удовлетворительные жилищные условия.

— Правильно, — сказал Минц. — Пускай наше славное космическое ПВО сбивает пустой кораблик. Нам не жалко.

На прощание все вместе пошли в ресторан «Жареный индюк», пели песни, клялись в вечной дружбе, хмельной Тори приставал к официанткам, повар набил ему физиономию.

На следующий день расстались.

Космонавты остались на Столоки, а консультантов, которым так далеко от дома оставаться не хотелось, Тори на своей служебной тарелочке отвез на Землю.

Они успешно миновали космические заслоны и опустились на опушке леса у Великого Гусяра.

— А может, передумаете? — спросил на прощание Тори.

Минц сделал укол себе, Удалову, а Тори пока остался малюткой.

Пока они увеличивались, Тори продолжал:

— Боюсь, что они пронюхают о вашем возвращении и пошлют сюда киндеров.

— Киллеров, — поправил его Удалов.

— Не бойтесь, — возразил Минц. — Не будет никто на нас пулю тратить. Формально мы никуда, кроме как на рыбалку, из города не уезжали. И за пределы Солнечной системы не вылетали. Нас же нет в списке космонавтов — ни живых, ни погибших.

— Мое дело предупредить, — сказал Тори и улетел в Галактический центр. А Минц с Удаловым пошли к автобусной остановке — им еще надо было минут двадцать ехать до Пушкинской улицы.

Школьные каникулы Корнелия Удалова (Шкурка времени)

Лев Христофорович пригласил к себе Удалова на чашку кофе. Ксения не разрешала Корнелию Ивановичу пить настоящий крепкий кофе, к которому он пристрастился за время своих космических странствий, полагала его вредным для удаловского сердца, а Минц сам был кофейным любителем, умел выбирать, молоть, обжаривать и варить в старинных армянских турках такой напиток, что его запахом пропитывался весь дом, и жильцы — кто с завистью, а кто с негодованием — нюхали воздух и покачивали головами. Впрочем, любой из обитателей дома № 16 по Пушкинской улице мог заглянуть к Минцу на чашечку, если тот, конечно, не был занят изобретательством или научно-теоретическими размышлениями. Но Минц большую часть суток был занят.

Старые друзья пили кофе маленькими плотками, чтобы лучше прочувствовать, и запивали его из бокалов добрым французским коньяком, присланным профессору из Сорбонны, где он в прошлом году делал доклад, а заодно походя решил проблему протекавших крыш старинного университета, окружив их силовым полем. Вот и благодарили его коллеги, не забывали.

— Странно, — произнес Корнелий Иванович, — я тут под Новый год купил французского коньяку, в такой же почти бутылке, только золота было больше на этикетке. А вкус оказался хуже, чем у трех звездочек мелитопольского розлива.

— Ничего странного в этом нет, — возразил профессор. — Типичный пример несоответствия вывески и содержания.

— Это грустно, — сказал Удалов, — всю жизнь я с этим сталкиваюсь. Еще на пионерской линейке рапортовал, помню, о сборе двух тонн макулатуры, а было ее три кило. Помню, такая была добрая девочка, Ириной звали... — Удалов вздохнул и задумался.

— Ты о ком, Корнелий? — спросил Минц.

— Это во втором классе было. Я ей все фантики отдал. И марки потом тоже. А когда была контрольная по арифметике, она списать не дала.

— Обидно, — согласился Минц. — Очень обидно. Печенья хочешь?

— Нет, не хочу. У меня в школе и другие печальные случаи были.

— Какой период жизни для тебя ярче всего стоит в памяти? — спросил Минц.

— Школьные годы, особенно школьные каникулы, — без колебания ответил Удалов.

— Я так и думал, — согласился Минц. — А вот о себе я этого не скажу. Не знаю, не помню, не участвовал...

Они помолчали. Когда ты сжился с человеком, сблизился с ним, пережил немало приключений, то можно посидеть молча, это не мешает общению.

— Как мы можем разбираться в других людях, — неожиданно для себя сказал Удалов, — если сами себя не знаем.

— Правильно, — ответил Минц. — Потому что наш облик вовсе не отвечает внутреннему содержанию. Об этом писали еще древние. Я старался решить эту задачу, ответить на вызов, который мне бросила природа, но понапрасну. Ты же знаешь...

Удалов кивнул. Он понял, что Минц имеет в виду свое последнее не совсем удачное, хотя и гениальное изобретение. Лев Христофорович изготовил мазь, которой можно было покрыть зеркало. И тогда зеркало отражало не видимость, не зрительный образ человека, а его истинную сущность. Однако это изобретение имело недостаток: ведь состояние человеческой души непрестанно меняется. Сейчас вы дьявол, потому что общаетесь со своим начальником, а через две минуты — вы сущий ангел, так как увидели его секретаршу Ларису.

В зеркале Минца один и тот же человек мог последовательно увидеть десять своих лиц и рож, в зависимости от обстоятельств.

— Ты же знаешь, — повторил Минц, — что нельзя упрощать обыкновенного человека, нашего с тобой современника. Он многообразен.

— Вот я — точно многообразен, — согласился Удалов.

Они еще помолчали.

— Жизнь слишком быстро проходит, — продолжал Удалов. — Если в отпуске или командировке, то еще терпимо. Но если в будние дни, то просто катастрофически несется.

Кофе чуть остыл, но не потерял насыщенности и сочного вкуса. Удалов пил его маленькими плотками, а Минц смотрел на друга и покачивал головой, как китайский болванчик.

— Порой мне легче увидеть то, что было сорок лет назад, тогда как прошлогоднее забывается. И я задаю вопрос небу: «Кто я такой? Сколько прожил на Земле? Сколько мне еще суждено прожить?» — размышлял вслух Лев Христофорович.

Пожилой кот Мурзик, который приходил к Минцу через форточку подкрепиться или подремать на коврике у плиты, уставши слушать разговор стариков, стал играть с катушкой ниток.

— И он туда же, — вздохнул Удалов. — Как будто котенок. Тоже не заметил, как жизнь пролетела мимо. А ты говоришь — люди себя знают.

— Я не говорил такого. Я повторяю, что наблюдаю видимость людей, маски. Мои попытки сорвать маски и увидеть истинные лица моих сограждан пока не приносили результата.

— А ты подумай, Лев, — попросил Удалов. — Изобрети что-нибудь. А то совсем старый станешь, истратишься. — Удалов улыбнулся.

— Сколько тебе лет? — спросил Минц.

— Я уже на пенсии.

— Трудно поверить, — сказал Минц. — Трудно поверить...

И словно отключился, словно забыл, что в гостях у него сидит дорогой друг и давнишний сосед. Но Удалов не обиделся. Он знал момент начала творческого процесса в профессоре Минце. Не раз его наблюдал. Теперь, пока изобретение не совершится, профессора лучше не трогать. Бесплезно. Он находится в ином мире, в мире буйного воображения и трезвых математических расчетов...

Удалов собрал чашки, вымыл их на кухне, попрощался, на что Минц кивнул головой, словно заметил уход друга.

* * *

У Минца был один верный способ внедрять свои изобретения в жизнь. Для этого надо было забраться на колокольню церкви Параскевы Пятницы и, если нужно, опылить или обрызгать город чем

следует. И тогда в Великом Гусяре начинались очередные волшебные изменения.

— Пойдем побрызгаем, — говорил Минц в таком случае своему верному Удалову, а Корнелий в ответ спрашивал:

— А жертв среди мирного населения не будет?

— Пока не будет, — заявил Минц. Он отвечал за последствия эксперимента, но никогда не брал на себя ответственность за последствия последствий.

Стоял нежный осенний день, словно мороз-террорист, намеревавшийся совершить революцию в природе, позволил еще несколько дней пожить в квартире милой и робкой старушке, которая нежно опускала на землю золотые листья кленов и тянула, поддерживая дыханием, тонкие осенние паутинки. Небо над колокольней в тот день было сиреневым, чистым и хрупким, гудок речного пароходика от пристани показался Корнелию трубным гласом оленя. Канистра с очередным зельем, снабженная распылителем, стояла на перилах колокольни.

— Так что же мы сегодня сеем? — спросил Корнелий Иванович.

— Помнишь наш вчерашний разговор? — произнес Минц.

Последний разговор между друзьями состоялся больше недели назад, но, как известно, в глазах Минца время — фактор крайне относительный. Видно, неделя показалась ему несколькими часами.

— Помню.

— Ты задел во мне больную струну.

Минц проверил, хорошо ли работает пульверизатор, прозрачное облачко вещества вырвалось из него и улетело вдаль.

— Ты открыл мне глаза, насколько бессмысленно я провел жизнь, если при моих гениальных способностях так и не смог решить главную задачу науки — как открыть истинного человека? Каков он? Не в тот момент, когда поглядел в зеркало, не в тот момент, когда ссорится с женой или подает доллар нищему. Нет! Я хочу, чтобы с человека слезла привычная шкура и мы увидели его голеньким!

С этими словами Минц сильно нажал на рычаг, и вскоре невесомая кисея окутала весь город.

— Надеюсь, ты не в прямом смысле? — спросил Удалов.

— Не понял!

— Надеюсь, не в смысле всех раздеть, как в банный день!

— Одежды спадут сами! — туманно воскликнул Минц.

* * *

Опустевшую канистру Удалов донес до дома. По дороге он спросил:

— Уже начало действовать?

— Начнет в ближайшем будущем.

Удалову показалось, что в голове у него что-то стрекочет. Он сообщил профессору о стрекотании, выясняя, не результат ли это опыления.

— Пускай стрекочет, — сказал Минц равнодушно.

По улице шли люди. Все были такими же, как прежде, и в основном знакомыми. Никаких перемен в них не наблюдалось.

— Утром, — пообещал Минц на прощание. — Утром сам поймешь.

Ксения встретила мужа сердито — почему надо ждать его к обеду? Тут пришла Маргарита, невестка, жена Максима. Привела младшего Максимку. Отношения Удалова с невесткой были прохладными, на грани холодной войны. Это происходило от того, что Маргарита была серьезным образованным человеком, который попал в мещанскую семью. За мещанство сильно попадало Максиму, доставалась толика презрения Корнелию Ивановичу. Только Ксению Маргарита не смела презирать, потому что с Ксенией такие номера не проходили. Тут живо вернешься в общежитие речного техникума, откуда взял себе невесту Максим Удалов, плененный ею на стадионе, где крепкая брюнетка стала призером района по толканию ядра.

Вскоре пришел и Максим, который второй год работал парикмахером, перейдя на заочный. А что будешь делать, если надо воспитывать ребенка в лицее, чтобы он не стал мещанином?

Удалов хотел было поцеловать внука, но тот знал, кто правит домом, и уклонился от поцелуя.

— Твои поцелуи отдают пошлостью, — заметил он.

Удалову стало горько. Он понял, что, несмотря на определенный авторитет в Галактике, он с годами потерял в семье остатки прежнего

значения и скоро ему уже будут ставить миску с едой в углу, рядом с кошачьим блюдцем.

— Подучили, — догадался Удалов.

— Я сам, — возразил Максимка. — Я сам подслушал, как мама говорила.

Вошел усталый Максим Корнельевич. От него пахло одеколоном. Начался обед. Удалов оглядывал свою семью и думал: «Скоро я распознаю вашу истинную сущность. Не ведаю еще, каким образом, но Минц свое дело знает. Он снимет с вас шкуры».

И тут же Удалова охватила жалость. Нельзя вот так, без предупреждения, раздевать родственников. Удалов откашлялся и хрипло произнес:

— Минц проводит опыт.

Маргарита, конечно же, только наморщила крупный нос, свела поближе к переносице черные брови — она Минца знала мало, лишь по рассказам мужа, и ни одному слову в них не верила. Но Максим с Ксенией встревожились.

— Что еще дядя Лева задумал? — спросил Максим, с детства испытывавший пиетет перед Львом Христофоровичем.

— Опять какую-нибудь дрянь? — заранее возмутилась Ксения, которой казалось, что Минц когда-то чуть было не разрушил ее семейное счастье. Она уже не помнила, при каких обстоятельствах это случилось и почему ее семья все же пережила кризис, но Минц для нее был отрицательным раздражителем. Что не мешало ей бегать к нему, когда дома возникали проблемы, которые не решить без нового открытия в физике.

— Лев Христофорович решил показать нас, какие мы есть, — сказал Удалов.

— В каком смысле? — удивилась Ксения.

— Сам не знаю, — признался Корнелий, — только знаю, что опыт уже произведен, препарат рассеян над городом, и мы его вдохнули. Так что к утру все будет понятно.

— Что будет? — угрожающим голосом произнесла Маргарита, поднимая над столом массивную фигуру и сдвигая черные брови. — Травить будете?

— Да не бойся, Марго, — вмешался Максим. — Дядя Лева, может, и ошибается, но сознательно еще никого не отравил.

— Ух, сионист татарский! — выдохнула Маргарита придуманное или подслушанное проклятие.

После этого она направилась к телевизору — начинался первый из ее обычных вечерних сериалов.

Удалов пошел спать с тревогой на сердце. Все в жизни непредсказуемо! И стареющий Минц, и толстеющая Марго, и глупейшие приятели. Жизнь пролетела... Где она? И что продемонстрирует она завтра?

* * *

Похожее с Удаловым уже было...

Много лет назад. Ему уже приходилось временно превращаться в мальчика. Сейчас было иначе.

Удалов проснулся от странного, свежего и счастливого чувства внутренней гармонии. Не открывая глаз, он уже понял, что в нем все прекрасно — и мысли, и дела, и тело.

Удалов потянулся, но не достал ногами до спинки кровати, что раньше всегда ему удавалось. Что-то мешало ему открыть глаза — словно он попал в лесу в большую паутину и теперь должен ее с себя стряхнуть.

С легким шорохом почти невесомая оболочка слезла, разрываясь, с Удалова, он отбросил ее и открыл глаза.

Привычное округлое пятно на протекшем потолке приветствовало его, как каждое утро. Рядом тяжело дышала Ксения. Солнце бросало косые лучи бабьего лета в окно, в лучах плавали пылинки. Жужжала поздняя муха... Солнце лишь всходило.

Ксения спала, отвернувшись от Корнелия, он видел ее округлую спину в ночной рубашке и крашенные волосы с сединой у корней. Собственная рука попала в поле зрения Корнелия Ивановича, и он сначала поразился перемене, происшедшей в ней, а потом решил не удивляться: рука была не очень толстой, мальчишеской, покрытой редким пушком и уж никак не седеющим волосяным покровом, как у вчерашнего Корнелия.

Он провел ладонью по животу. Живот, выпуклый все последние десятилетия, оказался впалым.

Осторожно, чтобы не разбудить Ксению, Удалов опустил детские ноги с кровати и ступил в шлепанцы. Пижамные штаны сразу свалились на пол, и пришлось идти в ванную, придерживая их рукой.

Удалов обратил внимание на тонкую, прозрачную шкурку, валяющуюся рядом с кроватью. Каким-то шестым чувством он понял, что это — его собственная шкурка. Сбросив ее подобно змее, он помолодел.

В ванной Удалов стал смотреть в зеркало. Он себя узнал. С поправкой на много лет. Сейчас Удалову было лет двенадцать-тринадцать. Скорее отрок, чем подросток. Романтически настроенный, лохматый, голубоглазый, круглолицый Корнюша, добрая душа. Вот мы какой, Корнелий! Добро пожаловать!

Умываясь, Корнелий рассуждал о том, что его превращение — без сомнения, следствие эксперимента — опыления, в котором он сам вчера принимал участие. Неясно только, зачем надо было молодить Корнелия на столько лет, если ты хочешь докопаться до сути людей нашего города. Что-то неладно! Опять Минц ошибся.

Корнелий Иванович натянул брюки, завернул их снизу, затянул ремень на последнюю дырку. Ботинки болтались на ногах, но шнурки, намотанные на щиколотки, держали их. Пришлось закатать рукава рубашки.

Совершая туалет, Корнелий продолжал ломать голову над причинами превращения. Тревоги, правда, не было, потому что он знал: если будет плохо, Минц всегда изобретет антивещество, которое снимет отрицательный эффект. А впрочем, Корнелию и не хотелось пока возвращаться в прежний облик, потому что в нем жило ощущение гармонии.

...Ксения продрала глаза и сидела в постели, пытаюсь очистить себя от невесомой шкурки — своего прежнего облика. Сейчас она, хоть и изменилась, скинула с себя лет десять, все равно оставалась узнаваемой. Ну ладно, стала помоложе, покрепче, позлее. А так мы наблюдаем прежнюю жену — несчастье всей жизни. Вот американцы или москвичи, подумал Удалов, умеют же подобрать себе жен из красивых, длинноногих, а главное, покорных и интеллигентных женщин. А вот в Великом Гусляре таких жен почти нет, а если и есть, то давно разобраны иногородними.

— Ты чего! — крикнула Ксения с осуждением. — Ты с ума сошел, что ли? Опять за свои штучки взялся?

— Ксения, — сказал Удалов ломким детским голосом, — возьми себя в руки. Зачем-то нас изменили. И я думаю, что скоро Лев Христофорович зайдет и даст разъяснения.

— Как так изменили? Всех изменили или опять тебя, горемычного, морскую свинку, макаку-резуса изменили?

— Ты тоже помолодела, — заметил Удалов, и его жена, как только поняла, что он сказал, опрометью кинулась в ванную — смотреться в зеркало.

Не успела закрыться за Ксенией дверь, как распахнулась другая — в комнату молодых. И тут Корнелий испытал удивление, которого не испытывал давно. Из комнаты вышли три человека: пожилая женщина грузного вида и брюнетного облика, по бровям которой можно было узнать Маргариту. За ней несмело брели двое: мальчик лет десяти, в котором Удалов узнал сына Максима, и сердце его дрогнуло от отцовских чувств, а также карлик без возраста, но с бородкой — повзрослевший внук Максимка.

— Какой телефон милиции? — басом спросила Марго.

Не успел Удалов ответить, как его сын бросился к нему на грудь.

— Папа! — кричал он. — Папочка! Какое счастье, что мы с тобой теперь одинаковые! Ты меня от нее защитишь!

А внук, который так и не вырос, остановился в дверях, сунул палец в рот и замер в такой позе.

— Что все это значит? — спросила Ксения, выходя из ванной и обозревая преобразившееся семейство.

— Сейчас узнаю! — откликнулся Удалов и прежде, чем его успели остановить, кинулся прочь из квартиры, чуть не сбив по пути старика Ложкина, который в трусах и майке спешил вниз, на улицу, чтобы совершить пробежку. Он каждое утро совершал пробег до набережной и обратно.

— Ты кто такой? — спросил он мальчишку, пробежавшего мимо. — Ты зачем в наш дом залез? Воруешь?

— Не до тебя, Николай Иванович! — откликнулся мальчишка и принялся барабанить в дверь к Минцу.

Изнутри долго не открывали, и раньше открылась соседняя дверь к Саше Грубину. Из нее выглянул подросток Саша с пышной

шевелюрой.

Саша все сразу понял и сказал:

— Заходи, Корнелий. Дело серьезнее, чем ты предполагаешь.

Корнелий покорно прошел к Грубину, волоча большие ботинки.

— Я все знаю, — сказал подросток Грубин. — Я тебя узнал, и ты меня тоже?

— Да, Саша, я тебя тоже узнал, но считаю, что пора будить Минца.

— Не надо будить Минца, — ответил Грубин. — Он спит. Он всю ночь со мной проговорил, а потом я его спать уложил.

— Тогда ты мне, может, объяснишь? Как друг!

— Я тебе объясню. Мысль у Минца была простая. Он хотел открыть истинные лица жителей Великого Гусяра. Истинные. Он хотел понять, что же таится за фасадом каждого из нас. Но, как всегда, при гениальности эксперимента имела место непродуманность концепции. Средство Минца действует лишь на физиологическую сторону наших организмов.

— Говори яснее, Саша!

— Куда уж яснее. Каждый человек с возрастом вступает в противоречие с самим собой. Один всю жизнь прожил, состарился, а на самом деле у него сохраняется душа или внутреннее содержание мальчишки. А другой родился уже стариком, хотя на вид он младенец. Из-за противоречия между формальным возрастом человека и возрастом истинным происходят различные внутренние конфликты, и некоторые лица даже сходят с ума.

— Значит, какой тебе возраст задан...

— Генетически задан!

— Какой возраст задан, такое у тебя и поведение?

— Вот именно! Человечество давно уже заметило это противоречие. В народном фольклоре это отмечено, в песнях и пословицах осмеяно. Вспомни: «Седина в бороду, бес в ребро», «Маленькая собачка — до старости щенок».

— «Как волка ни корми, он все в лес смотрит!» — дополнил фольклор Корнелий Иванович.

Грубин поднял бровь, но спорить не стал. А Удалов продолжил:

— Значит, пока мы спали, с нас слезла шкурка...

— С тебя тоже?

— Разумеется. А под ней, как под шкурой змеи, оказались мы, в полном соответствии со своим истинным возрастом... — Удалов согнал с лица счастливую улыбку и спросил: — Только все не так просто. Ты знаешь, сколько лет Ксении?

— Могу догадаться, — ответил Грубин. — Она должна быть женщиной пожилой. Она так и родилась пожилой женщиной.

Удалов кивнул.

— Но хуже всего с Марго, — сказал он.

— Маргарита должна быть в вашей семье самой старшей, — сказал наблюдательный Грубин.

— Вот именно.

Дверь распахнулась — в нее влетел удаловский сынишка Максим.

— Папочка! — закричал он. — Меня Марго бьет!

— Это еще почему? — взъярился Удалов, но не успел броситься к двери, как в проеме показалась грузная немолодая Маргарита, держащая на согнутой руке своего старообразного сына.

— Я звонила в милицию! — сообщила она. — Я их всех разгоню!

— И что в милиции?

Марго хотела было игнорировать вопрос незнакомого юноши, но язык помимо ее воли сказал:

— Там черт-те знает что! К телефону мальчишка подошел и велел мне катиться куда подальше. Мальчишка!

— Не исключено, — заметил Грубин. — Ведь это случилось со всем городом.

— Надо будить Минца и останавливать, — предложил Удалов. — Ты же понимаешь, какие могут быть недоразумения!

— погоди, — ушел от ответа Грубин. — Может быть, мы того... поглядим, погуляем. Ведь уникальный случай. Когда ты еще своих знакомых встретишь в их истинном возрасте и облике?

Удалов понял, что Саша говорит дело. Проверяет, есть ли у соседа любопытство или уже исчерпалось.

* * *

Максимка увязался за взрослыми, в которых никто бы и не признал взрослых, и втроем они отправились в утренний город, пораженный в самое сердце открытием самого себя.

Это был счастливый город, хотя далеко не каждый сообразил бы, что это именно так, потому что некоторые люди передвигались по улицам с проклятиями и сопротивлением судьбе. И это неудивительно: ведь когда вам откроют глаза на вашу истинную суть, это совсем не значит, что вы будете счастливы. С самим собой еще надо сжиться, свыкнуться, а может, и примириться.

Встревоженные происходящими в себе переменами, гусярцы вышли на улицы, словно было Первое мая.

Удалов почему-то думал, что город большей частью постареет, но оказалось наоборот. Можно было подумать, что они попали не на площадь Землепроходцев, а во двор городской школы — столько детей всевозможного возраста, одетых странно и нелепо, в кое-как подобранных одеждах со взрослого плеча, ходили, бегали, перекликались, узнавали друг дружку, как вернувшиеся после каникул сорванцы, хотя каникулы для многих протянулись на десятки лет.

Кое-где валялись шкурки людей.

По улице бежал толстый мальчик, подгоняя перед собой футбольный кожмитовый мяч. «Господи, так этим мячом мы выиграли у шестого „Б“!» — сообразил Удалов и закричал:

— Савич, пасуй сюда!

А толстый Савич даже завопил от радости, что встретил одноклассника, спутника по самым сладким временам их жизни. Он пасанул Корню, а Корень отбросил мяч Сашке Версте, но тут на площадь вбежала юная, рано расцветшая красотка Ванда, по которой сох весь десятый класс второй школы. Ванда казалась лет на десять старше Савича, но при виде мужа, гонящего мяч по площади Землепроходцев, она ринулась к нему и схватила за руку.

— Ты с ума сошел! — закричала она с нежностью. — Разве не понимаешь, что на тебя люди смотрят?

Сын и отец Удаловы, а также Грубин продолжали, увлекшись, гонять мяч, забыв, зачем они сюда пришли. Но мало кто обращал на них внимание. А Ванда Казимировна, вчера еще директор универмага, гладила по головке любимого малолетнего мужа.

— Атас! — раздался чей-то детский крик. — Спасайся кто может!

Из-за угла Гостиного двора выскочил мальчонка — от горшка два вершка, в полковничьем кителе, который волочился за ним по земле, стуча карманами по голым ногам. В руках мальчонка держал автомат Калашникова и трата-та-такал языком, изображая бой. Вдруг мальчишка кинулся к колоннам Гостиного двора, а следом за ним на площадь вбежал другой паренек, чуть постарше. У него тоже был в руках автомат. И он из него стрелял по-настоящему — пули отбивали куски штукатурки.

Народ кинулся с площади, некоторые залегли за колоннами или кустами.

— Кто это? — спросил Удалов.

— Не узнал? — ответил Грубин. — Это же наш полковник Остапюк из ДОСААФ, или как там он теперь называется!

— А другой?

— Другой — полковник Исмаилов, военком. У него автомат с дыркой в стволе, чтобы учащиеся друг дружку не перестреляли. А вот досаафовец настоящую пушку достал.

— Неужто такие ответственные офицеры на деле тоже дети? — ужаснулся Удалов.

— Странно рассуждаешь, — ответил Грубин. — Как раз в армию чаще всего идут те, кто не может никак из детства вылезти, школьные хулиганы.

— А мы с тобой?

— А мы с тобой — школьные романтики.

Стрельба на площади утихла, но спокойствие не вернулось.

Снова пробежал мальчишка с предупреждающим криком.

Издали, из центра города, шло нечто грозное.

Уже видна была черная стена людей, перекрывшая всю улицу. Над толпой реяли красные флаги.

— Коммунисты идут! — закричала Ванда Казимировна и потащила домой Никитку Савича.

Другие жены, которые, как правило, оказались втрое старше своих мужей, тоже поволокли их с площади. Но Грубин и Удаловы остались в числе зрителей — Марго и Ксения их еще не отыскивали.

Все ближе подходила колонна. Над ней реяли стяги. Из плоток вырывался Гимн Советского Союза.

Все эти люди были как на подбор семидесятилетние, крепкие, седые мускулистые старики и старухи. Те, кто с портретами Сталина, — постарше, а те, кто с портретами Ленина, — чуть помоложе.

И разновозрастное разрозненное население Великого Гусяра понимало, что настал миг прозрения.

Колонна коммунистов ступила на площадь.

Удалов узнавал среди этих суровых и неподкупных людей своих сверстников из стройуправления, из бывшего райкома комсомола и горкома партии, узнавал пенсионеров городского и даже областного значения, но самое удивительное, что и Максимка узнавал и показывал отцу своих сверстников и даже младших товарищей по речному техникуму. Сейчас все они пребывали в расцвете старческих сил и были едины в суровости — пришел их час! В мире мальчишек и юнцов они хозяева!

— Срочно! — проговорил Грубин. — Срочно домой! Надо сказать Минцу.

— Правильно! — Удалов первым помчался к дому. Грубин с сыном — за ним.

По мере того как они приближались к дому, бег Грубина терял уверенность, ноги все более заплетались, а перед воротами юноша и вовсе остановился.

— Что случилось? — спросил Удалов.

— Понимаете, ребята, — сказал Саша, — вы сейчас только не удивляйтесь... Я совсем забыл... Может быть, положение наше не такое уж и хорошее...

Удалову чудилось, что шаги колонны коммунистов уже настигают его, как какого-то распутника — шаги Командора.

— А что с дядейлевой? — догадался спросить Максимка.

— Сейчас увидишь.

Грубин открыл дверь.

В тот момент, когда решалась судьба демократии в Великом Гусяре, обнаружилось, что попавший под каток собственного эксперимента Минц превратился в пятилетнего карапуза, довольного собой, доедающего остатки килограммового торта, который сам Минц

купил на той неделе к приезду своего кузена из Монтевидео, да забыл в морозилке.

Толстый мальчик хрустел замороженным тортом, когда в комнату ворвались юные соседи.

— Лев Христофорович! — крикнул с порога Грубин. — Эксперимент надо отменить.

Лев Христофорович отлично узнал соседей и, несмотря на столь нежный возраст, отдавал себе отчет в происходящем, но ответил решительно:

— Нет, нет и еще раз нет!

— Почему же, Лев Христофорович?

— Почему, дядя Лева? — взмолился Максимка.

— Потому что торт очень вкусный, — ответил гений.

И Минц продолжил вгрызаться в торт.

За окном раздался шум.

Удалов кинулся к окну, потом метнулся обратно, подхватил мальчика Минца, который все хрустел ледяным тортом, поднес к окну и прикрикнул на него:

— Любишься, что ты наделал!

По Пушкинской шел небольшой — шесть в ряд, три ряда — патруль усатых седовласых ветеранов. Каждый нес по красному флагу. Перед некоторыми воротами они останавливались, вешали на ворота красное знамя и рисовали красную звезду. Перед другими домами они флагов не вешали, зато ставили на воротах черный крест.

— Скоро, — сказал Удалов, — начнется красный террор. Вы этого хотели?

— До ночи много времени, — капризничал Минц. — Когда торт доем, тогда поговорим.

Малыш попытался вырваться и вернуться к тарту, но Удалов не отпускал его.

— Расколдовывай город! — кричал он на Минца. — С меня хватит!

Неизвестно, чем кончилась бы борьба между обжорой Левочкой и его соседями, но тут в комнату вошли две грузные пожилые женщины.

— А ну по домам! — приказали они своим мужьям.

И после короткой схватки на сцене остались лишь Грубин с Минцем.

— Видишь, — сказал Грубин, — для этих мальчишек достаточно старых жен. А для нашего города достаточно старых ветеранов.

— Откуда их столько? — спросил мальчик, все еще обкусывая торт.

— В сердцах сидели, в душах, — сказал Грубин.

Минц оторвался на секунду от торта и сказал:

— Послушай, Саша, давай уйдем с тобой отсюда! В лес, в Вологду. Ты меня в детский сад сдашь, и я буду каждый день добавку компота получать.

Грубин смотрел в окно. На дом № 16 флаг не повесили. Зато на воротах поставили крест.

Правда, красный флаг высунулся из открытого окна второго этажа — его вывесил пенсионер Ложкин.

— Когда на ликвидацию придете, — крикнул он старикам, — сначала ко мне постучите. Я вас по нужным квартирам проведу.

— Спасибо, товарищ! — отозвались с улицы.

— Ну теперь вы поняли, что тортов больше не будет? — спросил Грубин у маленького профессора.

За окном послышался шум мотора. Грубин снова выпянул наружу.

На этот раз он был искренне изумлен, потому что на улицу въехал и теперь тормозил перед его домом старый — времен Первой мировой войны — броневик. Броневик остановился и повернул в сторону окон Минца башенку с пулеметом.

С помощью товарищей на броневик взобрался ветеран с бородкой клинышком.

— Друзья! — закричал он. — Соратники! Ни для кого не секрет, товарищи, где свили гнездо наймиты запада, масоны и демократы всех мастей! Один раз им удалось развалить Советский Союз! Во второй раз мы сами их развалим.

Ветеран упал с броневика, потому что был очень стар. Но башня броневика пришла в движение и со зловещим скрипом принялась поворачиваться в сторону дома № 16.

Этот звук мгновенно развеял детские настроения профессора Минца.

— Эксперимент провалился, — сообщил он. — Подсади меня, Саша.

Лев Христофорович указал на пульверизатор, который стоял на верхней полке.

Грубин кинулся было за стулом, но опоздал.

Броневи́к выпустил по окнам пулеметную очередь.

Звения и лопа́ясь, полетели на пол пробирки и склянки. Грубин упал в лужу химикалиев, прикрыв телом малыша Минца. С потолка сыпалась штукатурка.

— Демократов на плаху! — радостно кричали с улицы ветераны.

— Что будем делать? — спросил Грубин.

— Ума не приложу, — ответил Минц, выбираясь из-под товарища. — Вся надежда на то, что мое средство скоро выдохнется. А пока, может, укроемся в детском саду?

— Нет ничего глупее, — ответил Саша. — По детским садам они и будут в первую очередь демократов искать.

Шум на улице утихал.

— Слушай, — сказал мальчик Минц, — а что, если нам пойти на площадь погонять в футбол.

— Но власть в городе перейдет в руки ветеранов!

— Им этого хочется, а нам с тобой чего хочется?

— Мне лично... — Грубин вдруг покраснел.

— Не стесняйся, — попросил Минц.

— Мне бы сейчас на улицу! Я бы гильзы собирал!

— А дальше?

— Я бы их в металлолом сдал.

— А дальше?

— Получил бы много денег.

— А дальше?

— Купил бы десять порций мороженого...

Минц помолчал, переваривая идею. А потом громко сказал:

— Жизнь продолжается! Почему бы нам с тобой не прожить ее еще раз при коммунизме? Когда мороженое было дешевым...

И пригибаясь, чтобы не попасть под случайную пулю, мальчики побежали на улицу собирать гильзы.

Ляльки

Когда первая лялька появилась в Великом Гусяре, сказать трудно. Но, видно, привез ее из поездки в Японию сын Савича Аркадий, коммерсант. Ляльки, как известно, неприхотливы — Аркадий привез ее в сумке. Лялька молчала, не шевелилась, словно понимала, что таможенный контроль пройти непросто.

Потом лялька пропутешествовала через пол-России и оказалась в нашем тихом городке.

Аркаша Савич пришел домой и с порога сказал:

— Индивидуальных подарков прошу не требовать. Есть один подарок на всех — надеюсь, будете довольны.

Он раскрыл сумку, и оттуда высунулась очаровательная звериная мордочка. Впрочем, никто не скажет, что у лялек звериные мордочки. Это просто милые мордочки. Мордашки.

Все смотрели на животное, затаив дыхание. Лялька тоже рассматривала новых хозяев, потом высунула мордочку побольше, чтобы оглядеться.

— Вылезай, тут все свои, — сказал Аркаша.

И послушно, как домашний котенок, из дорожной сумки вылезла лялька.

Ляльки ростом побольше кошки, ну, скажем, с бобра, если вам приходилось видеть бобра. А скорее ее можно сравнить с лисичкой. Цвет у ляльки золотистый, отлив шерсти атласный, глазенки голубые, как пуговицы, но живые и сообразительные. Личико — вернее, мордашка — подвижное, передние лапки оканчиваются пальчиками, ручки как у людей, но задние лапки будут посильнее и снабжены коготками. Рот у ляльки узкогубый, чуть загнутый в углах, так что она все время улыбается.

Обычно ляльки бегают на четырех лапках, чуть приподняв зад и поводя, как знаменем, пушистым беличьим хвостом, но порой могут встать на задние лапки и даже ходить на них — зрелище, скажу я вам, уморительное.

Главное их качество — очарование.

Второе главное качество — неприхотливость.

Третье — привязчивость к хозяевам.

Через пять минут после прихода Аркаши с лялькой все Савичи сгрудились вокруг зверька, всем хотелось ее погладить, взять на руки, потискать, почесать ей за ушком — и лялька совершенно не возражала.

— А что она ест? — спросила Ванда Казимировна.

— Что и мы, — сказал Аркаша. — В этом был великий смысл эксперимента. Неужели не читали?

Но его родители не читали. Потому что великое открытие, приведшее к появлению на свет лялек, совершилось сравнительно недавно — три года назад. И лялек тогда на свете было еще маловато. О них писали, конечно, о них говорили по телевизору. Но вы ведь знаете, сколько в мире новых игрушек и развлечений!

Хотя, конечно же, ляльки не игрушки.

Это — живые существа, но выведенные генными инженерами в Японии.

Задача была поставлена простая: хватит нам искусственных игрушек! Создадим по-настоящему живую игрушку для детей всей планеты. Идеальное домашнее животное, которое не гадит, не капризничает, не царапает хозяйского ребенка, красивое, ласковое и общедоступное.

Конечно, опыт удался не с первого раза. Но какое великое изобретение получается сразу? Это только наивные люди считают, что увидел Ньютон, как яблоко с яблони упало, и тут же придумал свой знаменитый закон. Ничего подобного. Ньютон просидел в том саду два года под дождем, солнцем и даже снегом, ожидая, когда нужное яблоко упадет в нужном месте.

— Как его зовут? — спросил старший Савич. — И вообще, это он или она?

— Это лялька, — сказал Аркаша. И не потому, что ему подсказали, как назвать животное, а так, изнутри, поднялась волна нежности к этому созданию.

— А где она будет спать? — спросила Ванда Казимировна.

Лялька, которая, конечно же, не понимала русского языка, но была, по выражению профессора, эмпатом, почувствовала, чего от нее хотят, и резво побежала на кухню, оттуда — в переднюю. Она отыскала себе место в самом укромном, непрестижном уголке

передней, где никому не могла бы помешать. И хотя новые хозяева предпочли бы более удобное место, лялька настояла на своем: легла в уголке напротив вешалки, свернувшись клубочком — будто всю жизнь там провела. Да и прочие свои житейские проблемы лялька решила так же просто — ни одной кошке не догадаться. Сначала она пошла на кухню, остановилась, подняв мордашку, выразительно поглядела на Ванду, и той захотелось поставить там мисочку для животного. Что она и сделала. И налила туда молочка. Лялька вежливо похлебала и тут же пошла в туалет, где на глазах у всех прыгнула на унитаз, показав, что и этот человеческий обычай ей не чужд.

Так началась жизнь ляльки в доме Савичей.

Лялька поднималась первой, но хозяев никогда не будила, а усаживалась в изголовье постели супругов Савичей, которых признала за главных хозяев, и ждала, пока они проявят признаки пробуждения. Тогда лялька поднимала лапку и осторожно гладила мягкими подушечками руку Никиты или Ванды — кто раньше проснется.

Охваченный чувством вины, Савич вскакивал с постели и торопился налить молочка в миску лялечке, а потом — уже за завтраком — делился с ней кусочком омлета, яичком или кексом. Лялька и на самом деле была неприхотлива — что ни давали, она с благодарностью принимала.

Поев и справив нужду, лялька шла гулять. Благо, дом Савичей индивидуальный, за забором, по двору и палисаднику можно было гулять, не опасаясь проезжего транспорта или злых прохожих.

Лялька так забавно гонялась за насекомыми, что люди смеялись. Однажды она принесла домой мышью-полевку, и Аркаша, который упустил бразды правления в семье, сказал ляльке:

— Это не в образе, старуха.

«Старуха» склонила набок головку. Она старалась понять, чего же неправильного она сделала, чем вызвала упрек хозяина. Но не поняла. Оставила мышку лежать на полу и, опустив хвост, ушла. Она была сыта. А если лялька ловила птичек, то никогда не приносила их хозяевам, и только увидев в очередной раз перышки на дворе или на подоконнике, Савичи догадывались, что у ляльки снова была удачная охота.

Избрав Ванду Казимировну любимой и главной хозяйкой, она дожидалась ее у дверей, когда та уходила в магазин, и тихо скулила,

если хозяйка задерживалась. При виде Ванды лялька принималась забавно кататься по полу — четыре лапки кверху — и мурлыкала, как котенок.

В поведении лялька многое переняла у кошек, но, конечно же, она не была кошкой: по развитию своему она стояла где-то между кошкой и обезьянкой, но преданность хозяевам и умение очаровать даже самого ярого ненавистника животных были удивительны и вызывали умиление.

Многие приходили посмотреть на зверька, благо он был в диковинку, даже профессор Минц, сам большой ученый, посетил Савичей. Лялька терлась о его ноги, но на колени взбираться не стала, словно почувствовала, насколько Минц предубежден против любых близких контактов как с животными, так и с людьми.

Лялька покрутилась возле гостя — видно, надеялась на какой-нибудь подарок, но не дождалась. Минц присаживался перед ней на корточки, заглядывал в глаза, вздыхал, но был скучен для ляльки, которая даже не пошла провожать его до двери, как обычно провожала гостей. У нее была удивительная память, она знала в лицо и по запаху всех родных и знакомых своего дома, и для каждого у нее были свои ужимки и прыжки, свое мурлыканье или иной приятный звук, так что визитеров в доме Савичей прибавилось.

Так прошло месяца два, и лялька заскучала. Она стала плохо есть, забывала о своей роли украшения дома, как-то раз даже убежала на улицу, и ее пришлось ловить — правда, она сама нашла дорогу домой раньше, чем ее выловили. Когда Минц об этом узнал, он сказал: «Хорошо, что она не начала размножаться. Добро должно быть дозированным».

Как видите, даже такой крупный ученый не смог предугадать будущего.

Однажды вечером, глядя, как томится, бродит из комнаты в комнату, потягивается, нервно зевает, вздыхает лялька, Никита Савич сказал:

— Я понял.

— Что? — спросила Ванда.

— Ей нужен дружок, — сказал Никита.

При этих словах лялька, которая давно уже научилась понимать человеческую речь, подняла остренькое ушко, удовлетворенно

пискнула, а потом бросилась к камину, над которым на полке стояла свадебная фотография Савичей, встала на задние лапки и вытянулась что есть силы, чтобы достать концом мордашки до края фотографии.

Савичи, конечно же, засмеялись догадливости зверька и начали обсуждать, что же теперь делать. Аркаша вроде бы в Японию не собирался, по почте такое ценное животное не выпишешь, в газетах объявлений не видать... И тут, на счастье, пришло письмо из Японии от фирмы «Мицубиси-энималз». Письмо было вежливое, даже дружеское, и в нем говорилось, в частности, следующее:

«Дорогой незнакомый русский друг! Вы приобрели чудесного друга — зверька хонки, выведенного нашей фирмой. Мы не сомневаемся, что зверек вам понравился, стал членом вашего семейства и вы испытываете к нашей фирме законную благодарность. Однако наступает день, когда все живое стремится к любви. Случилось это и с вашим любимцем. Он расстраивает вас, он не столь любезен вашему сердцу, как прежде. Поймите, это не его вина, а его беда. Зная об этой вашей проблеме, мы готовы выслать вам в особой упаковке таблетки для искусственного осеменения вашей хонки, что представляет собой надежное средство нашей фирмы с гарантией положительных результатов. Вы сможете сделать добрый подарок вашим близким или совершить выгодный бизнес. По получении бандероли вы должны будете заплатить небольшую сумму в 98 долларов США, а также подписать петицию о возвращении Японии островов Шикотан и Кунашир».

Письмо вызвало радость в семействе Савичей, однако проблема Южно-Курильских островов решилась не так быстро. В конце концов подписала это письмо только Ванда Казимировна — во-первых, потому, что более всех любила зверька, а во-вторых, потому, что не знала, где эти острова находятся.

Посылка была получена, зверек с жадностью проглотил таблетки и через два месяца произвел на свет четверых чудесных детенышей.

Надо сказать, что у дома Савичей выстроилась невиданная очередь на получение ляльки. Некоторые родственники радели о своих детях, другие желали скрасить одиночество старости, а дальний родственник Пупыкин хотел создать небольшой питомник и торговать ляльками.

В тот день, когда Савичи вне себя носились по дому (одни — помогая ляльке кормить малышкой, другие — доставая ей витамины, третьи — отбиваясь от родственников), профессор Минц призвал к себе соседа Удалова и показал ему газету «Сенсации недели», выходящую в Вологде, где его внимание привлекло сообщение из американского штата Калифорния, власти которого запретили ввоз из Японии животных хонки, известных в Штатах под именем «долли», так как они вытесняют из сердца людей всех иных живых тварей, заставляют пренебрегать заботой о собственных детях и, возможно, нарушают экологический баланс в штате.

— Ну, нам это не грозит, — сказал Удалов. — Это как СПИД — пугают, пугают, а эпидемии у нас не получается.

— Ох, не скажи! — вздохнул Минц.

* * *

У Родионовых был любимый кот.

Он не полюбил ляльку, которую они выпросили у Савичей. Кот ревновал, шипел и делал вид, будто хочет растерзать японского зверька, но так как уступал ему размером и резвостью, то ограничивался угрозами и попытками сожрать из его мисочки прежде, чем лялька успеет к обеду.

Это было поводом для смеха и шуток в семействе, пока Васька не пропал. Вроде из дома не выходил, был осторожный, кастрированный и умудренный. А вот пропал.

Все расстраивались, и тетя Шура вдруг сказала, что ей не нравится улыбка этой ляльки. Остальные, конечно, накинулись на тетю Шуру с упреками, а лялька — подросток, милый и робкий, от обиды спряталась под диван и не выходила до ужина.

Обглоданные кости кота нашли под лестницей. Видно, пошел гулять, да встретился с какой-то собакой.

Профессор Минц вырезал заметки о ляльках, которые все чаще мелькали в газетах, хотя лялек в нашей стране было меньше, чем в капиталистически развитой Америке или в Швейцарии. И именно профессор Минц вычитал статью в «Нейчур», где с цифрами в руках доказывалось, что, будучи идеальным домашним животным, хонки

(они же долли, они же ляльки) не выносят никакой конкуренции со стороны иных животных. И потому генетически запрограммированы на их уничтожение. Фирма «Мицубиси-энималз» подала на «Нейчур» в суд, но пока суд тянулся, в Великом Гусяре пропал карликовый пудель Бим, проживавший в одной квартире с новой лялькой. А надо сказать, что к тому времени в городе развелось десятка три лялек — третье и четвертое поколения образовались без помощи японских пилюль, естественным путем.

Ну пропал пудель — и пропал, но хозяйка увидела, вставши на рассвете, что ее любимая лялька что-то копает в палисаднике на клумбе с флоксами. Она заинтересовалась и очень удивилась, что лялька при виде нее умчалась.

В ямке, полусасыпанный, лежал обглоданный собачий скелетик. Так закончил жизнь пудель Бим.

— Этого следовало ожидать, — сказал профессор Минц и написал статью в газету «Гусярское знамя», в которой объяснил, что японские ученые добились даже лучших результатов, чем те, к которым стремились. Судя по всему, они достигли идеального «эффекта кукушки» — ради сохранения своего места в семействе (в стае) зверек лялька способен на любое преступление, ибо он не воспринимает свой поступок как преступление. Ведь нападая на гнездо малиновки, кошка не думает, что она убийца.

Статью напечатали под странным заголовком: «Берегите собак», и никто не принял ее всерьез.

Да и как примешь такую статью всерьез, если ты сидишь в кресле, перед тобой журчит телевизор, а на коленях у тебя пригрелось любимое очаровательное существо, чудо, которое позволяет тебе отдохнуть после отвратительного трудового дня и свары в автобусе.

* * *

...Это случилось в английском городке Бромли под Лондоном.

Миссис Мэри Вайкаунт беспокоилась о здоровье своего малыша, который перенес сильную простуду. Она проводила у его постельки дни и ночи, отрываясь лишь по крайней необходимости. А надо

сказать, по сведениям газеты «Дейли телеграф», Мэри жила одна, муж ее служил на Фолклендских островах.

Домашний долли менял шерсть и на два или три дня стал источником аллергии. Понятно, что миссис Вайкаунт не пускала животное в детскую спальню.

Утром в пятницу Мэри обратила внимание, что долли сердится, отказывается принимать пищу и даже скалится, чего раньше с ней никогда не случалось. А когда, проходя мимо, Мэри рассеянно хотела приласкать животное, долли отпрыгнула в сторону, чем вызвала улыбку хозяйки, которая не придавала событию значения.

Покормив малыша, Мэри отправилась на кухню и взяла там мешок с мусором, чтобы отнести его в палисадник к урне. Отсутствовала она не более двух минут и когда возвратилась в дом, ее насторожил неясный шум наверху. Движимая материнским инстинктом, Мэри кинулась наверх — и вовремя. Она застала свою любимицу долли, когда та, вспрыгнув на кровать, впиалась острыми зубками в горло малышу.

Мэри стала отрывать долли от жертвы, та сопротивлялась, распорола руки до локтей острыми когтями задних лап, но когда, оторвав ее от малышки, Мэри с отвращением отбросила долли в угол, та вдруг потеряла агрессивность и совсем по-человечески виновато прикрыла лапкой мордашку и залилась неудержимым плачем.

Когда домой приехал вызванный матерью муж, он был в бешенстве.

Он хотел немедленно отдать зверушку в клинику, где бы ее усыпили, но долли как будто поняла, что ей грозит: она легла на спину, подняв кверху лапки, и стонала от горя. Долли лизала пол, пыталась целовать ноги хозяевам, а пришедший ветеринар объяснил поведение зверька ревностью, которая, оказывается, свойственна всем животным, а наиболее ласковым и привязчивым — в наибольшей степени.

Ветеринар согласился увезти с собой несчастную долли, и Мэри, хоть и была согласна с мужем, что нельзя подвергать опасности жизнь ребенка, переживала, наверное, не меньше зверька.

Ветеринар, как стало известно впоследствии из газет, не смог отвезти животное в клинику и, охваченный симпатией к зверьку, решил отвезти долли домой, чтобы усыпить ее там. Но чем ближе он

подъезжал к дому, тем более проникался сочувствием к несчастному зверьку. Ведь долли действовала инстинктивно, она старалась сохранить неразделенную любовь к себе. В конце концов, люди поступают хуже.

Привезя долли домой, холостой ветеринар накормил зверька и вместо того чтобы усыпить, разрешил улечься в ногах, пока смотрел телевизор. Потом они с долли поужинали, долли ластилась, она была благодарна ветеринару, и тот решил оставить зверька у себя.

Ночью долли устроилась в ногах ветеринара, и тому было как никогда уютно и спокойно.

Ветеринар не мог сказать, покидало ли животное свое ложе, но когда он был разбужен звонком полицейского, долли мирно посапывала у него в ногах.

Той ночью кто-то загрыз малыша, ребенка миссис Вайкаунт.

По следам зубов и когтей сомнений не оставалось — это могла сделать только долли. А когда ветеринар сознался в том, что не выполнил обещания и пожалел животное, сомнений ни у кого не осталось.

История, разумеется, попала в газеты и вызвала грандиозный шум, ибо она относится к разряду сенсаций, наиболее близких сердцу альбионца.

Разумеется, всплыли и другие случаи — правда, они были не столь очевидны и доказуемы, как первый. Но отношение к долли изменилось, что выразилось в изгнании некоторого числа животных из домов. Долли были вынуждены скрываться на пустошах и в перелесках и перейти к полудикому существованию.

Кстати, фирма «Мицубиси-энималз» категорически отказалась верить в агрессивность долли (или хонки), ибо генетически такое качество в хонки не закладывалось. Фирма была готова компенсировать любой случай документированного нападения хонки на человека или другое животное, но документированно доказать это оказалось нелегко.

История миссис Вайкаунт докатилась до Великого Гусяра, где к тому времени проживало несколько десятков очаровательных лялек. Но надо сказать, что почти все эти животные достались владельцам недешево, а любовь к ним была беспредельна. Так что лишь пара лялек попала в лес, а остальные жили как и прежде — зачем верить

этим англичанам, которые спят и видят, как бы нагадить русскому человеку.

* * *

Как-то Минц вывел Удалова вечером погулять на набережную, а потом повлек в слободу за Грязнуху. Дело было весной, ближе к лету, вечер выдался теплым. Они гуляли, обсуждали разные проблемы, потом Минц спросил:

— Тебе ничего не кажется странным?

— Ничего.

— И тишина тебя не смущает?

— Какая тишина?

— Подумай. Обычно сейчас самое время заливаться соловьям. Соловьи — гордость гусярского заречья. Положено котам кричать — у них еще не кончились брачные игры. Положено собакам брехать...

Удалов умен — он сразу сообразил, куда клонит друг.

— Какую связь ты видишь между этими явлениями, — спросил он, — и избытком наших любимцев — лялек? Неужели и собаки от них могут пострадать?

— Собаки... Не знаю. Пока, наверное, нет. Но собаки чувствуют неладное, прячутся в будках — зубы наружу. Не веришь, загляни через забор — ни одна собака не носится вдоль забора, пугая прохожих.

— А коты?

— Боюсь, что котов в городе почти не осталось.

— Как же так? Неужели люди этого не заметили?

— Когда ты получишь молодую прекрасную женщину, то, может быть, отнесешься к исчезновению жены с определенным облегчением, — произнес Минц. — По крайней мере меньше будет уходить на питание.

— Но почему? Ведь японцы клянутся, что ляльки безобидны.

— Они безобидны, — ответил Минц, останавливаясь перед большой лужей посреди переулка Текстильщиков. За последние пятьдесят лет лужа обросла по берегам камышом, в котором таились лягушки. — Ляльки безобидны, но их функции — их вывели для этого — любить хозяина и пользоваться его ответной любовью. Это

животные для любви и ради любви. Но ведь любовь — самое эгоистичное из чувств.

— Лев Христофорович, — отмахнулся Удалов, — ну при чем тут эти лисички? Это же не люди!

— Любовь — чувство вселенское, — торжественно ответил Минц. — И если крошки ляльки любят своих хозяев, они не могут делить любовь с другими. И чем дальше, тем больше. Я даже допускаю, что японские творцы не подозревали, что чувства в ляльках будут усиливаться от поколения к поколению. Полгода назад, когда в Гусяре появилась первая лялька, она была робким нежным созданием. А сейчас в каждом третьем доме лялька правит бал, а на улицах и в садах оказались никому не нужные ляльки, которые тем не менее тянутся к человеческой любви и инстинктивно понимают, что не получают ее из-за конкурентов. Знаешь что, Корнелий, я боюсь, что стремление генетиков создать идеальную машинку любви приведет к созданию идеальной машинки смерти.

Удалов не удержался и засмеялся.

Отозвалась лягушка, которая сидела на краю лужи среди камышей. Она заквакала, словно давно молчала и вот нашла компанию.

И тут же нечто быстрое, светлое блеснуло в луче фонаря, плеснула вода — лягушка не успела прыгнуть в воду, как исчезла в ротике ляльки, которая тут же растворилась в камышах.

— Что? — удивился Удалов. — Что случилось?

— Ничего особенного, очередная сцена ревности. Лялька полюбила тебя, а ты стал смотреть на лягушку.

Удалов отмахнулся, не поверил старому другу. И они пошли домой в тишине весеннего вечера, когда даже коты молчат, а попискивают лишь противоугонные сигналы на «Мерседесах» — но тут уж ляльки ни при чем.

* * *

Со всех концов света поступали тревожные сигналы.
Человечество разделилось на две части.

Первая часть — владельцы лялек, бескорыстно и нежно привязанные к ним и готовые ради них на любые жертвы, а также их ляльки, готовые на все, чтобы сохранить привязанность любимых хозяев. Вторая же половина человечества полагала, что от этой эпидемии любви исходит опасность для всего человечества.

Разумеется, существовали и переходные группы населения, и особенные слои. Например, число российских граждан, подписавших петиции за возвращение Японии Южно-Курильских островов, приближалось к двадцати процентам населения нашей державы.

Следующее тревожное сообщение пришло из Колумбии.

Наркобарон Эскобар Хуанито развел у себя на вилле шестьдесят хуаниточек, как именовали лялек в тех краях. Они ходили за ним стайкой, глядели в глаза и любили куда больше, чем его подчиненные. И вот однажды на виллу к Эскобару пожаловал прокурор Боготы, чтобы в спокойной обстановке вручить тому ордер на арест.

Произошел обмен репликами между прокурором и Эскобаром, после чего прокурор отправился к своей машине. Но дойти до нее он не успел.

Шестьдесят хуаниточек набросились на него, как стая ос, и в минуту обгрызли прокурора до белых косточек. К несчастью для хозяина виллы, полностью одоббившего действия своих крошек, сцену наблюдали шофер прокурора и охранник, которые заперлись в бронированной машине и смогли вырваться с территории виллы под пулеметным огнем.

Вечером виллу штурмовали вертолеты, всех хуаниточек захватили как вещественные доказательства, а сам наркобарон убежал.

К утру он, движимый благодарностью к любимицам, совершил налет на прокуратуру и скрылся в лесах вместе с хуаниточками.

Банда Эскобара, к которой постепенно примыкали все новые отряды головорезов и приبلудных лялек, вскоре превратилась в армию, претендовавшую на то, чтобы установить в Колумбии свою власть.

В Гусяре некоторые верили в эту историю — например, Минц. А некоторые, как семейство Савичей, считало все происками ляльконенавистников. Так что когда начали раздаваться в прессе голоса о том, что лялек надо ликвидировать, возмущению мирных владельцев этих крошек не было предела. Они готовы были лечь на рельсы.

Потребовались новые драматические события, чтобы общественное мнение мира начало склоняться к враждебной лялькам позиции.

В Болгарии стайка лялек, объединенная нежной любовью к воспитательнице детского сада в Пловдиве, уничтожила младшую группу, потому что дети шумели и не слушались воспитательницу.

На танковых учениях в Южной Корее три ляльки, принадлежащие командиру полка, сожрали экипаж танка во время учений, ибо члены экипажа нелестно отозвались о душевных качествах полковника Ким Сен Ира.

Пробравшись на американский космический корабль «Атлантис», парочка долли — любимиц астронавтов — убила штурмана Блэки Брауна, который по рассеянности занял спальное место хозяина долли, первого лейтенанта Конолли.

Можно не повторять примеры — их тысячи, и с каждым днем они множились. Любовь этих милых созданий была убийственна, как любая идеальная любовь.

И тогда в начале сентября, когда уже не только подмосковные леса, но и джунгли Вьетнама кишели ляльками и их родственниками, не оставившими в лесах ни единого живого существа, ООН большинством голосов при шести воздержавшихся приняла решение о прекращении производства лялек, долли и хонки, а также истреблении тех, что еще живы.

О, какие драматические сцены разыгрывались, когда специальные международные команды проходили по домам, извлекая и увозя зверьков! Происходили и вооруженные схватки. Австралиец Бен Костелло держался против полиции шесть суток, и его пришлось разбомбить с вертолета.

Наконец безумно дорогая операция завершилась.

Удалов заглянул к Минцу и сказал с порога:

— Ну что, пошли в лес, будем слушать птиц?

— Ангел мой, — ответил Минц. — Откуда ты возьмешь птиц? Они вымерли, как динозавры.

— Разведем, — ответил Удалов.

Они пошли гулять. Всюду было тихо, а люди ходили потерянные, мрачные, обездоленные.

Гуляя, они дошли до огородных участков, что тянулись вдоль леса.

Там увидели Савича. Он как раз подходил к участку. В одной руке он нес лопату, в другой — дорожную сумку.

— Привет, Никита, — сказал Удалов. — Тоскуешь по своей ляльке?

— Ох, тоскую! — ответил Савич и прибавил шагу.

И вдруг Удалов увидел, как сумка в его руке шевельнулась.

— Никита! — закричал он вслед Савичу. — Ну что ты делаешь! Неужели ты не понимаешь, что нельзя оставлять в живых ни одной ляльки?

Никита злобно поднял лопату.

— Если донесете, — сказал этот мирный и робкий провизор, — убью на месте. Мне нужна любовь. Я получаю и дарю ее!

Минц с Удаловым не стали сражаться с Савичем, тем более что именно тогда Минц предположил, что по крайней мере половина лялек осталась у своих хозяев, которые их умело спрятали. А это значит... Ну вы понимаете: или цивилизация, или любовь!

И тогда Минц уселся за изготовление средства против лялек.

Каким-то образом сильно поумневшие и живущие теперь все больше по лесам ляльки прознали про опасность, и дом № 16 трижды подвергался штурму, но, к счастью, устоял. Убили только последнего в городе упорного, могучего мрачного кота Василия, который на своем боевом счету имел штук двадцать лялек.

Наконец Минцу удалось создать средство от лялек.

Как всегда, ход мыслей ученого был необычным.

Он понимал, что травлей или иным способом истреблять лялек не только антигуманно, но и опасно. Исторических примеров тому в России достаточно. Вы только попробуйте раскритиковать политика, уличить его во мздоимстве и воровстве, а еще пуще — посадите в тюрьму за то, что он ограбил приют и убил нескольких бабушек. И вот

тогда в сердцах людей поднимается сочувствие, жалость к этому мерзавцу и острое желание избрать его губернатором.

Как только вы напустите на лялек мор, любовь к ним утроится. А к чему это приведет — неизвестно. И не исключено, что через год-два какая-нибудь лялька станет у нас президентом.

Так что Минц придумал способ безболезненный, хоть и очень обидный для ляльководельцев.

Ему удалось создать аэрозоль, безопасно заполнивший околосемное пространство. Люди ничего не почувствовали, а ляльки почувствовали — отвращение к людям. Включая любимых хозяев.

Лялька просыпалась утром, смотрела, как встает, потягиваясь, хозяин и спешит на кухню подогревать молоко для возлюбленной ляльки.

Пока он суетится, лялька вдруг испытывает приступ нелюбви к хозяину, к его домочадцам и к людям вообще. Такой сильный приступ, что кидается в форточку и несется в густой лес, в пустыню, в горы, только бы не видеть опостылевшие людские морды.

Это была дудочка крысолова, но как бы наоборот. Ляльки шли не за крысоловом, а бежали от него и его друзей.

Это массовое бегство лялек сопровождалось трагедиями, потому что хозяева убегали в леса за своими любимцами, метались по чащобам, взбирались на лавины и кричали:

— Лялька, иди сюда! Лялечка, я тебе морковку принесла! Лялечка, Дашенька и Машенька тоскуют по тебе!

Но никакого ответа. Лишь шуршит сухая листва — ляльки убегают все глубже в чащу, только бы глаза их на людей не смотрели!

Так завершился первый акт драмы, чуть не погубившей человечество.

* * *

Но за ним, как оказалось, последовал второй акт, так как фирма «Мицубиси-энималз», закрытая постановлением японского правительства, сменила вывеску и выдумала новую каверзу.

И свидетельством тому — совсем недавняя история в нашем Великом Гусяре.

Коля Гаврилов, недавно разошедшийся с Римкой, сидел у себя дома и думал, то ли спать пойти, то ли про Меченого Бешеного почитать. И вдруг в дверь позвонили.

Коля доплелся до двери и увидел, что за дверью стоит девушка в темных очках, плотно закутанная в платок.

— Николай Гаврилов здесь проживает? — спросила она.

— Это буду я, — признался Гаврилов, которому понравился низкий с хрипотцой голос девушки.

— Холост? — спросила девушка.

— Разведен.

— Тянешься к настоящей любви? — спросила девушка.

— А то! — сказал Гаврилов.

— Тогда вам письмо от фирмы «Мицубиси-лаверс».

Письмо было написано на пишущей машинке, крупным русским шрифтом.

«Дорогой друг! — сообщалось в нем. — Мы узнали о вашей проблеме и решили помочь. Мы посылаем вам на пробу генетически выведенную идеальную любовницу и жену, добрейшее существо, вашу сексуальную мечту Галину Г. Познакомьтесь с ней, поговорите. Если понравится, оставляйте себе. А нам пришлите обратно подписанную вами бумагу о возвращении Японии Южно-Курильских островов. Получение письма будем считать началом нашего доброго сотрудничества».

Пока Гаврилов, шевеля губами, читал письмо, гостья сняла черные очки, сбросила платок и скромно села на стульчик в углу комнаты, прикрыв ладонями колени.

Гаврилов кинул на нее взгляд, потом посмотрел внимательно, опустился перед ней на колени и попросил руки и сердца.

— Я готова быть тебе идеальной любовницей и женой, — сказала Галина на пристойном русском языке. — Но сначала подпиши письмо.

Говорят, что в Гусяре уже появилось около сорока идеальных женщин из Японии.

Они всем хороши, но ходят слухи, что ревнивы.

Шпионский бумеранг

Драматические события, связанные со строительством в Москве нового американского посольства, постепенно уходят в прошлое. А многими уже и забылись.

Так что я их вам напомню.

Ввиду размножения сверх разума посольских чинов США и СССР согласились построить громадные, вместительные посольства на взаимной основе. Мы — в Вашингтоне, они — в Москве.

Чтобы не ввозить каменщиков и штукатуров, обе высокие стороны решили воспользоваться туземной рабочей силой. Трудилась она под наблюдением сотрудников безопасности враждебной стороны.

Когда возвели стены, Советский Союз выступил с пресс-конференцией, на которой были показаны всяческие жучки, трубочки и лампочки, которые американцы насовали в кладку.

Американцы ответили неадекватно. Они сказали, что из-за обилия подслушивающих устройств в их посольстве даже кирпича почти не видно.

Пошли взаимные оскорбления и обиды, строительство прервалось, американцы решили строить заново, верхние этажи разобрали. А тут у нас власть сменилась, и стали править страной люди откровенные и честные. И новый министр безопасности Бакатин возьми да и отдай американцам все наши планы: где что воткнуто.

Представляете, что после этого началось в Америке! Американцы решили, что Бакатин дьявольски хитер, и принялись разрушать свое посольство активнее прежнего. А наши сочли поведение министра чрезмерно честным и отправили Бакатина на дачу — разводить розы.

Американцы оставили от посольства только фундамент и на нем воздвигли корпус руками проверенных морских пехотинцев.

Это все история.

Но она имеет продолжение.

* * *

В кабинете нового министра Федеральной безопасности раздался телефонный звонок. Звонил прямой телефон начальника контрразведки.

Министр спросил:

— Чего тебе?

Начальник контрразведки ответил:

— Это не телефонный разговор. Спускайся к девятому подъезду. Буду ждать тебя снаружи. Узнаешь меня по красной гвоздике в петлице и газете «Слово и дело».

— Добро, — сказал министр, он по тону угадал, что дело предстоит важное. — Только с цветком измени ситуацию. Нас уже во всем мире по красным гвоздикам расшифровывают. Каких людей на этом потеряли!

Через десять минут, спустившись вниз, министр увидел у подъезда начальника контрразведки с журналом «Плейбой» и белой гвоздикой в петлице. Впрочем, он узнал бы его и без этой маскировки.

— Куда идем? — спросил министр, одетый скромно, но со вкусом.

Начальник контрразведки не ответил, перевел шефа по подземному переходу в кафе-стоячок на месте бывшей пионерской организации.

Заказали по капуччино.

— Сегодня, — сказал начальник контрразведки, — в девять сорок две перехвачен разговор между резидентом разведки США советником Робертсом и не известным пока агентом.

— Молодцы, — сказал министр. — Но капуччино здесь дерьмо.

Они перешли в соседнее кафе. Министр заказал себе эспрессо, а начальник разведки — капуччино.

— Где они беседовали? — спросил министр.

— В центральном корпусе нового посольства.

— Да ты что!

— Вот именно. А капуччино здесь отменный.

— Они здание разобрали по кирпичику? — спросил министр.

— Разобрали.

— Снова построили?

— Построили.

— Бакатин им документацию отдал?

— Отдал.

— Так как подслушали? Неужели Орнитолог?

Начальник контрразведки отрицательно покачал головой.

Орнитологом прозвали одного настырного изобретателя, который разработал метод впаивания микрофонов в головки ворон. Но оказалось, что снабдить передатчиком всех ворон Москвы технически неосуществимо и дорого, а если ограничиться избранными экземплярами, то они летят подслушивать куда угодно, только не к американцам.

— Говори, — попросил министр.

— Они оставили фундамент. Простучали его, прозвенели, сняли все что можно, но основу оставили.

— От фундамента до кабинета резидента не добраться, — сказал министр. — Звук не дойдет.

Начальник контрразведки кивнул. Он знал это не хуже министра.

— Так в чем же дело, докладывай!

— Грубин, — назвал начальник контрразведки короткую фамилию.

— Неужели?

— Он самый.

— Буди! — приказал министр.

* * *

Грубин для министра был агентом спящим, то есть незадействованным. Вроде бы не мертвым, но и не живым.

Впрочем, его трудно было назвать агентом, потому что он сам считал себя патриотом, но никак не агентом.

Но уже через сорок минут после разговора министра с начальником контрразведки скромный «Ауди» начальника городской безопасности Великого Гусляра со страшным скрипом тормозов остановился возле дома № 16 по Пушкинской улице.

Начальник по фамилии Полицеймако, пробегая по двору мимо окна грубинской скромной квартиры, постучал в него условленным стуком: «Спар-так-чем-пи-он».

Шесть лет Грубин не слышал этого стука.

Он вздрогнул.

Собрался с духом и пошел к двери. Открыл дверь. Впустил майора Полицеймако. Поздоровался.

Майор с ним тоже поздоровался.

Городок маленький, все друг друга знают.

— Чай, кофе? — спросил Грубин.

Полицеймако отрицательно покачал головой.

Он смотрел на худого взъерошенного человека средних лет, сутулого и узкогрудого. На Александра Грубина, известного в городе изобретателя и чудака.

Грубин достал из шкафа начатую бутылку «Гусярского абсолюта».

Они выпили с Полицеймако за встречу, за прошедший Новый год, за День независимости.

— Твоя-то сработала, — сказал Полицеймако.

— Ты откуда знаешь, майор? — спросил Грубин.

— Если я прав, то быть мне генерал-майором, — сказал Полицеймако.

Выпили за это.

Помолчали.

Грубин вспоминал.

* * *

Пять или семь лет назад, когда еще строительство посольства только планировалось, профессору Минцу, что проживает в соседней квартире, попалась выпавшая из космоса бактерия. Или, даже вернее, спора.

Профессор по-хорошему заинтересовался пришельцем и стал его изучать.

Что обнаружилось?

Оказалось, эти бактерии носятся в открытом космосе и им трудно отыскать друг дружку. Вот они и научились в процессе эволюции читать мысли, слышать их на диких расстояниях. Иначе как отыскать любимую?

Поделился как-то Минц своим открытием с Грубиным. А Грубин ведь страшный умелец. Еще давно он написал на рисовом зерне «Слово о полку Игореве». Но поэма погибла — кто-то ее склевал.

В Грубине никогда не утихала склонность к блохизму. Блохизм — это качество русского народа, вернее — умение подковать блоху, которая после этого не сможет прыгать. Читали? Типичная русофобия, сочиненная писателем Лесковым.

Когда Грубин увидал у соседа под микроскопом космические бактерии, которые подавали усиками сигналы, а сигналы были такими четкими, что особо чувствительный приемник Минца, переделанный Грубиным из простого «Сони», громко пипикал, откликаясь на призыв минцевских пленников, то у Саши созрел план.

Надо приспособить к бактериям ножки или колесики, чтобы они могли передвигаться по Вселенной и встречаться с подругами не по воле космических струй, а по собственному намерению.

Работа оказалась сложная, не хватало материалов и опыта. Как-то, уставши, Грубин сидел со своим знакомым чекистом Полицеймако и рассказал ему о проблемах. Полицеймако, хоть и был в стельку, профессионально отложил беседу в мозг и послал отчет о ней в Центр.

В Центре запись попала на глаза светлой голове (она потом убежала к врагам, но в пути была застрелена на границе проводниками-таджиками). Светлая голова Геннадий отвечал за снабжение аппаратурой стройки американского посольства. «Если, — подумал он, направляясь к начальству, — этот чудак Грубин приделает к бактериям ноги, то не исключено их использование в оперативных целях».

Начальство посмеялось, но встретилось на банкете с начальником контрразведки и, чтобы повеселить генерала, рассказало о чуде из Великого Гусяра.

Начальник контрразведки отличался от своих подчиненных. Он знал, что великие изобретения появляются из мест, для них не приспособленных. А шпионы попадают на мелочах.

— Предоставить условия, — приказал начальник контрразведки опешившему полковнику, и на следующий день Грубина взяли прямо в подъезде, привезли в Вологду в «воронке», оттуда — «черным рейсом» в Москву. Там его уже ждали лаборатория и все бактерии,

конфискованные у Минца. Минц получил принудительную путевку в ведомственный санаторий Академии наук.

Надо признаться, что к тому времени, когда посольство уже было напичкано достойной аппаратурой, Грубин многого не достиг. Если и сделал он бактериям ботинки, то эти ботинки оказались бактериям как кандалы. Они всё норовили стащить их с ножек или даже сожрать. А сдавшиеся передвигались так медленно, что стыдно их было запускать к американцам.

Грубину срезали смету, потом сделали предупреждение о несоответствии. В штат его даже не пригласили, а он был счастлив. Не хотелось ему в штат.

Чтобы совсем уж не кидать на ветер казенные деньги, отступая из посольства, чекисты кинули весь запас бактерий в щель в подвале.

Вот и вся история.

С тех пор прошло лет пять или семь, все остальные средства подслушки были ликвидированы или разоблачены, а бактерия мало-помалу проползла щелями на пятый этаж и распахнула ушки, стараясь услышать, нет ли поблизости самки.

А так как в той организации ничего не выкидывают, даже ваше личное дело с детства там лежит, то сигнал пошел на ленту в Центре. Начальник контрразведки пригласил погулять министра. Полицеймако пошел к Грубину. Они с Грубиным напились.

* * *

Уже из Москвы, из автомата, Грубин дозвонился до Минца. В трубке шуршало, попискивало и дышало. Ведомственный санаторий плотно контролировался органами.

— Лев Христофорович, — спросил Грубин. — Вы тоже думаете, что бактерия доползла до пятого этажа? По моим расчетам, ей еще ползти и ползти.

— А что предполагаешь? — спросил Минц.

— Может, у нее течка началась, так сказать, брачный период.

— Почему такое мнение?

— Интуиция, — сказал Грубин.

Минц понял, что не только интуиция. Но это не телефонный разговор.

Он вышел в санаторский сад, стал гулять и думать. За ним гуляла служба внешнего наблюдения и все время стреляла у Минца спички: свои кончились, да ведь не побежишь за ними в корпус — а вдруг Минц сорвется?

В тот же вечер Грубина вызвал к себе начальник контрразведки.

— Премию тебе выпишем, — сказал он, — в размере десяти зарплат.

— В долларах? — спросил Грубин.

— Постыдись, — сказал начальник контрразведки. — Даже я не каждый день получаю. Ты лучше скажи мне, чего ты Минцу не договорил? Я весь день пленку крутил. Чую — замысел, а в чем — не понимаю.

Грубин попытался ускользнуть от ответа.

— А как там у противника?

Так они называли американцев.

— Много интересного. Личные беседы. Служебные разговоры. Просто клад! Так будешь признаваться, что тебя тревожит?

И тут Грубин догадался: начальника контрразведки великой державы, генерала с тремя звездочками на погонах тоже что-то тревожит.

Тогда Грубин махнул рукой и сказал:

— Я с бактериями работал, не думал, заразные они или нет. Минц мне сказал, что у них метаболизм инопланетный, мало шансов, что заразные. Я успокоился. И когда под микроскопом ножки им привинчивал, перчаток не надевал, воздух вдыхал и не считал их, сами понимаете.

— Не понимаю, — строго сказал начальник контрразведки.

— Забыл я о них. Пока вы не напомнили. И вдруг вчера слышу... Простите, трудно говорить.

— Мы проверили, — сказал генерал. — У тебя есть увлечение, зовут Вероника, работает кассиром в книжном магазине. Есть соперник...

— Не надо, гражданин генерал, — взмолился Грубин. — Не терзайте.

Генерал отошел к окну. За окном была обыкновенная улица, обыкновенные дома, для любопытных глаз — обыкновенная виртуальная реальность.

— Мне ведь тоже нелегко, — сказал он глухо. — У меня жена молодая. Третья. Хорошо еще, что теперь партии нет, а то могли бы исключить за аморалку. Я вчера задержался — знаешь ведь, какая у нас работа: ни графика, ни расписания — и понесся мыслями к Ларисе. Сажу в кабинете, несусь мыслями, вдруг слышу в сознании: «Отстань, старый козел, разве не видишь, кто на мне лежит?» Мне прямо дурно стало. Все прошел — и Корею, и Афганистан, и Анголу. Думаю — померещилось. Вызываю машину, рву домой... А ее нет. Приходит через полчаса. И говорит: «Только не подозревай меня ни в чем, мы играли в дурака у подруги Люси».

— Значит, был контакт? — спросил Грубин.

Генерал молча кивнул и сплюнул на паркет.

— Ты тоже послал своей привет?

— Нет, получил от нее, — сказал Грубин. — Примерно так: «Мой возлюбленный. Если ты еще будешь в своей командировке торчать, не выдержу и отдамся».

— А моя еще намылилась квартиру разменивать, — сказал генерал. — Вчера я ее любовную мысль перехватил.

— Минца вызывать будем? — спросил Грубин.

— А может, сам подтвердишь мои худшие подозрения?

— Могу подтвердить, — сказал Грубин. — Значит, так, эти споры развиваются. К нам они попадают молоденькими, а через пять-семь лет достигают половой зрелости, понимаешь?

— К сожалению, да.

— Потому они и молчали в американском посольстве. Чего им волны посылать, если еще страсть в организме не накопилась?

— А ты, гад, их руками хватал, — сказал генерал.

— Кто их не хватал!

— Значит, они не только в ихнем посольстве?

— Какой там в посольстве! Подозреваю, что в нас с вами — не говоря о спутницах жизни — их десятки.

— Но ты понимаешь, мерзавец, что это значит?

— Не обзывайтесь, генерал, теперь надо лекарство искать.

В дверь без стука заглянул сотрудник особой секретности. Не глядя на Грубина, он сказал шифром: «456328 998776 654432 198878 999976 784787 767777».

— Ладно, — ответил генерал, — иди.

Он обернулся к Грубину и сказал:

— Только что американский посол говорил с ихним президентом. Завтра на рассвете будут снова бомбить Ирак.

— Наверное, надо министру сказать? Орден получите?

— На хрен нам теперь Ирак?

И точно в ответ на его грустные слова в комнату опять же без стука ворвалась секретарша:

— Иван Иеронимыч! — закричала она. — Полковник Вуколов из шестерки кинулся в пролет лестницы с криком: «Я не могу больше слышать, как скрипит твоя койка!»

Генерал вытолкнул секретаршу и сказал Грубину:

— А ты — Ирак, Ирак трахнутый!

Грубин понял, что не прав.

Позвонил старый белый телефон с гербом СССР.

— Сомневаюсь, — ответил на звонок начальник контрразведки. — Очень сомневаюсь.

Он повесил трубку и сказал Грубину:

— Министр звонил. Умный он у нас, чертяка! Спросил, не пригласить ли срочно преподавателей языка глухонемых? Умница, но ограниченный.

— Не поможет, — согласился Грубин.

Внутри него что-то засвербило, засосало под ложечкой, и существо его наполнилось далеким голосом Вероники:

— Я не могу, я бегу, я бегущая по волнам... Он ждет меня после работы... Прости, Грубин.

— Отпусти домой, генерал, — взмолился Грубин. — Срочно отпусти.

— Сначала придумаешь противоядие...

— Но ведь теперь не будет войн. Не будет тайн...

— Ты с ума сошел, Грубин! — рассердился генерал. — При ихнем уровне науки они противоядие через месяц сделают, а мы так и останемся даже без семейных секретов.

Тут генерал замер, прислушиваясь к голосу бактерии.

Прислушиваясь к голосу своей молодой жены...

И не говоря более ни слова, распахнул окно и шагнул в него, как в дверь. С седьмого этажа.

Грубин был спокоен. Он подошел к столу, нашел свой пропуск к генералу. Написал на нем генеральской ручкой время ухода, расписался за генерала, очень похоже. Окно закрывать не стал — снизу уже слышались голоса.

Вышел. Секретарша рыдала — у нее были свои проблемы.

Грубин спустился, вышел, отдав пропуск ошалевшим от тревоги часовым, перебежал площадь, из первого же автомата — слава богу, карточка была — позвонил в Гусяр, на службу Веронике. Сказал ей только:

— Буду дома ночью. Жди и не мечтай!

— Ой, — сказала Вероника. — В самом деле? Ради меня?

— Ради тебя.

— Милый, а то у меня просто страшные мысли...

Второй звонок был в санаторий, Минцу.

— Я заеду за вами на такси, — сказал он. — И сразу к вам в лабораторию.

— Правильно, — сказал Минц, — у меня уже появились кое-какие мысли, как ограничить этих бактерий сферой внутренней политики...

Чего душа желает

Профессор Минц ждал водопроводчика Кешу, который шел к нему уже вторую неделю. За это время Кешу видели в ресторане «Гусь», где он обмывал новый «Мерседес» бывшего Коляна, а нынче президента фонда «Чистые руки» Николая Тиграновича, встречали Кешу на демонстрации либерал-радикалов, где каждому участнику выдавали по бутылке «Клинского», видали его и в заплыве через реку напротив краеведческого музея, в котором он участвовал и побеждал, потому что приехало вологодское телевидение. Много где встречали Кешу, но не на работе.

Профессор Минц, хоть и добрый, гуманитарный (так теперь принято говорить) человек, замыслил уже страшную месть. Где-то у него хранилась бутылочка со средством «Трудолюбин». Принявшего средство охватывало неудержимое желание трудиться. Двадцать четыре часа без передыху.

Но тут открылась дверь, которая никогда не запиралась, о чем в городе знала любая бродячая кошка, и вошел сантехник — нет, не Кеша, а другой человек. Немолодой, приятный лицом и манерами.

— Вызывали? — спросил он.

— Ох и вызывал! — ответил профессор. — Вы водопроводчик?

— Сантехник, — сдержанно поправил его мужчина. Был он одет в скромный, но чистый комбинезон и кроссовки «Адидас». В руке чемоданчик — потертый, но целенький и чистый. Все в водопроводчике вызывало доверие.

— Заходите, — попросил его Минц.

— Спасибо, Лев Христофорович, — ответил водопроводчик и принялся вытирать ноги о коврик у дверей.

Профессора не удивило то, что сантехник его знает. Великий Гусляр не столь велик, чтобы в нем мог затеряться ученый с мировым именем.

Профессора смущало другое — он этого сантехника уже видел, знал, даже был с ним знаком. Но нечто мешало его узнать.

— На что жалуемся? — спросил водопроводчик. — Что беспокоит?

Профессор провел сантехника в ванную, где из крана текла вода струей с палец, а на полу стояла лужа.

— Так-с, — сказал сантехник. — Надо менять. И не мешает почистить.

— Только прошу вас, — сказал проницательный Минц, — не говорите мне, что прокладки кончились и их можно достать только за тройную цену, что краны исчезли из продажи...

Сантехник весело рассмеялся и, поставив на пол чемоданчик, присел возле него, раскрыл жестом фокусника, и внутри обнаружили разнообразные запасные части, прокладки и даже краны.

— А вы говорили! — улыбнулся сантехник, подняв лицо к профессору.

— Илья Самуилович! — воскликнул Минц. — Как же я вас сразу не узнал! Вы же наш зубной врач!

— Все в прошлом, — сказал зубной врач.

— Что же случилось? Какая беда?

Илья Самуилович вытащил из чемодана нужные прокладки и самый красивый из кранов. Потом завернул воду и принялся за работу. Все это время Минц задавал вопросы, а Илья Самуилович на них с готовностью отвечал.

— На пенсию вам рановато...

— Не стесняйтесь, — отвечал дантист. — Вы меня не травмируете. И если вы считаете, что я потерпел жизненное фиаско, то, заверяю вас, — ничего подобного. Мне просто сказочно повезло.

— Как так?

— Мне предложили хорошую работу, и я на нее согласился.

— Разве у вас была плохая работа?

— Мне казалось, что она была неплохой, но я ошибался.

— Но вы недурно зарабатывали?

— Я не жаловался.

— К вам записаться было нелегко.

— Знаю, знаю, но это происходило от того, что в нашем городе нет хороших дантистов. На фоне остальных я выглядел лебедем.

— Вы хотите сказать, что добровольно изменили свою... специальность?

— Говорите прямо — судьбу!

Минц смотрел на то, как сантехник трудится. Его руки так и летали над ванной. И весь жизненный опыт Минца говорил ему, что он видит перед собой мастера своего дела, человека талантливого, влюбленного в профессию, пускай скромную и недооцененную современниками, но такую нужную!

— Как же это произошло? — спросил Минц.

— В этом нет секрета, — сказал Илья Самуилович. — Площадь Землепроходцев, дом два.

— И что там?

— В случае если вы сами не поймете, — ответил сантехник, — я буду рад вам все объяснить, но только в нерабочее время. Поймите, меня ждут страдающие люди! И многие из них проклинают сантехников в целом, потому что в нашей среде еще немало таких типов, как некий Кеша.

— О, Кеша! — воскликнул Минц со злодейским английским придыханием. Иначе произнести это имя он был не в состоянии.

Быстро и качественно завершив свой труд, зубной врач покинул Минца, решительно отказавшись взять чаевые. Причем Минц и не настаивал, потому что его не оставляло ощущение какого-то розыгрыша. Будто зубной врач ему почудился. Хотя краны работали нормально, не пропуская ни капли воды, а лужу на полу Илья Самуилович сам вытер перед уходом.

Когда дверь за сантехником закрылась, профессор Минц уселся в продавленное кресло и принялся размышлять. Как настоящий мыслитель он не выносил сомнительных ситуаций. Всему должно быть объяснение. Это и есть принцип гностицизма, который исповедовал Лев Христофорович. А если объяснения нет, значит, либо мы его плохо искали, либо оно недоступно на современном примитивном уровне развития нашей науки.

Имеем удачливого, умелого, уверенного в себе зубного врача. Имеем подчеркивающего свое счастье сантехника. Один и тот же человек. А тайна хранится на площади Землепроходцев.

Профессор Минц натянул пиджак и вышел на улицу. Время было полуденное, теплое, августовское, птицы уже отпели свое и учили птенцов летать.

Послышался рев мотоцикла. Лев Христофорович еле успел отпрянуть к воротам, и ему показалось, что в седле мотоцикла сидит

плотная пожилая дама, бывший директор универмага Ванда Савич. Это было столь невероятно, что Минц покачал головой и подумал, не возраст ли подкрадывается к нему. И пора, пожалуй, позаботиться о лекарствах от маразма.

Отдышавшись, Минц направился к площади Землепроходцев, но дойти до нее не успел, потому что столкнулся с фармацевтом Савичем, мужем Ванды. И увидев его, Минц рассмеялся и сказал:

— Ты не поверишь, Савич, если я тебе скажу, что мне сейчас померещилось.

— Поверю, — ответил Савич. — Тебе померещилось, что моя жена Ванда промчалась мимо тебя на гоночном мотоцикле.

— Удивительно! Но это именно так.

— Потому что тебе ничего не мерещилось, а ты видел то, что я наблюдаю с утра. Моя жена Ванда готовится к первенству Вологодской области по спидвею.

— Вот именно, — согласился Минц.

На самом деле он сказал «вот именно» только для того, чтобы утешить тронувшегося умом Савича. Но тот вовсе не расстраивался.

— Мне дешевле, — заявил он.

На удивленный взгляд профессора он ответил:

— У нас было отложено на старость. Чтобы проводить свободное время на берегу острова Кипр. Ну кому нужен остров Кипр? Грязь, суета, новые русские, мафия и, главное, что?

— Что?

— Корысть! Нажива! Разврат! Сексопатология. Вы со мной согласны?

Савич схватил Минца за рукав и дернул к стене, потому что мимо них в обратную сторону промчался дикий мотоциклист, и теперь уж Минц не сомневался — это Ванда Савич. Да и как усомнишься, если, перекрывая рев мотора, она кричит Минцу:

— Физкульт-привет, мальчики!

— Давай, давай, — негромко ответил Савич. — Недолго мы будем топтать одни и те же мостовые. Завтра улетаю.

— Куда?

— В Чандрагупту. На берега Ганга. Там меня ждут в ашраме полного безмолвия, именно там я найду спокойную нишу для достижения нирваны.

— А как же служба? Как же семья?

— Мою семью вы только что видели, так что можем уже сейчас попрощаться. Больше не встретимся.

— А квартира?

Минц понимал, что задает неправильные вопросы — не в этом дело. У людей случилась беда, но они не расстраиваются и ищут новую жизнь. Почему? Как можно прожить всю жизнь в Великом Гусляре, ни к чему не стремиться и вдруг, в одночасье...

— А я счастлив! — вдруг воскликнул Савич. — И можете всем об этом сказать! Всеми прогрессивному человечеству. Да здравствует Шива и его жена Лакшми!

И громко распевая гимны на каком-то из индийских языков, провизор Савич направился к туристическому агентству «Мейби». Минц растерянно смотрел ему вслед и старался привести в порядок свои мысли. Заподозрить Савича в склонности к индийской философии было не менее удивительным, чем Льва Толстого в юморе.

Мотоцикл остановился перед Минцем, и Ванда, Вандочка, сорок лет назад красotka, откинула на лоб тяжелые очки и прищурилась:

— Ну как, Лева, а ты не думаешь последовать моему примеру?

— Нет, не думаю, — с душевным трепетом ответил Минц.

— Это может каждый, — сказала мотоциклистка. — Скорость, ветер в лицо, смертельные столкновения!

— Я никогда раньше не подозревал в тебе...

— Сходишь на Землепроходцев, два, еще не такое про себя узнаешь.

Вандочка дала газ и умчалась. Минц долго откашливался от пыли.

Тайна усугублялась.

Минц в очередной раз вышел из подворотни и зашагал к площади.

И наверное, он добрался бы до нее, если бы не кролик.

Обыкновенный кролик, довольно упитанный.

Он свалился на Минца с неба, тяжело подпрыгнул и уселся, глядя на профессора.

— Простите, — сказал профессор. — Чем могу вам помочь?

Кролик вытащил из-за спины черный цилиндр и лихо нахлобучил на голову. Уши прижало полями, и они торчали, как крылья моноплана.

— Он дурак, — ответил Саша Грубин, сосед Минца по дому № 16. — Даже странно, что при таком небольшом уме — такие артистические способности.

Саша Грубин обогнул Минца.

Он присел на четвереньки перед кроликом и положил на асфальт брезентовый мешок.

Кролик послушно прыгнул в мешок, Грубин завязал его бечевкой и перекинул через плечо.

— Что с вами, Саша? — спросил профессор.

— А ничего! Призвание.

Грубин пошел по улице, словно всю жизнь носил кроликов в мешке.

Минц все же старался уговаривать себя: «Ничего особенного не произошло, вчера объявляли — пятна на Солнце, магнитная буря, старайтесь не выходить из дома без головного убора...» Минц потрогал поднятыми пальцами поля своей шляпы. Ну с ним-то все нормально, а вот с другими-то?

Сверху послышался голос:

— Лев Христофорович, прокатить тебя или как?

Господи, этого еще не хватало! Из корзины самодельного воздушного шара свешивалась оживленная физиономия Корнелия Удалова, старого друга и соседа.

— Что с тобой, Корнелий? — крикнул Минц.

— Нашел себя! — откликнулся Корнелий Иванович. — Чего и тебе желаю.

— А куда намылился? — спросил Лев Христофорович.

— Говорят, археологи отыскали столицу Александра Македонского в долине Вахша, — ответил Корнелий. — Если ветры будут благоприятствовать, слетаю туда.

Порыв ветра подхватил воздушный шар с большой надписью через всю округность: «Россия — щедрая душа» и понес к облакам, что спешили на юго-восток.

И исчез старый друг Удалов.

Минц не сомневался, что центр интриги лежит на площади Землепроходцев, и предчувствие чего-то зловещего терзало чуткую душу ученого.

И он бы продолжал держать себя в руках, давать отчет в каждом своем шаге и вздохе, если бы не встреча на углу Пушкинской и площади.

У Гостиного двора, у магазина «Все для вашей буренки» стояла известная своей суровостью к распущенным нравам гусярок Клара Самойленко, бывшая комсомолка и вожатая, а ныне заведующая сектором борьбы с асоциальным поведением подростков в Гордуме.

Минц сталкивался с ее принципиальностью на заседании Гордумы и даже безуспешно пытался склонить даму к разумному компромиссу. Ведь и в самом деле трудно будет запретить юбки выше колен и отсутствие лифчиков под блузками — бывает такое, что поделаешь!

И вот — представьте себе — Лев Христофорович увидел госпожу Самойленко, стоящую на углу с белой гвоздикой в лапке, одетую лишь в кожаный передничек, заимствованный у папуаски, с грудью разве что не обнаженной и в золотых туфельках на дециметровой шпильке. А уж что было нарисовано на лице Клары, не поддается переводу на литературный язык.

Но Минц уже смирился с тем, что живет в сумасшедшем доме, и хотя все внутри у него перевернулось, он произнес:

— Здравствуйте, Клара Георгиевна. Вам не холодно?

— Привет, мужчина, — ответила заведующая сектором. — Не желаешь получить удовольствие?

— В каком смысле? — растерялся профессор.

— В сексуальном, — сказала женщина. — Я такие штучки умею делать, что ты до завтра в себя не придешь. От меня некоторых на «скорой» увозят.

— Простите, — сказал Минц. — Немного попозже. Мне хотелось сначала заглянуть в дом два.

— А что, правильно, — согласилась Самойленко легкого поведения. — Я прошла сквозь это чистилище. Меня изнасиловали шестеро сотрудников. Я думала, что не переживу позора.

— Врет она, — сказала бабушка в белом платочке, проходившая мимо. — Она сама бросалась на наших ребят. Многие устояли.

— А вы там работаете? — спросил Минц.

— Следуйте за мной, молодой человек, — сказала бабушка, — и вы достигнете цели.

В доме два по площади Землепроходцев находилось несколько учреждений. В том числе Гусллярское отделение ансамбля «Березка», Госприемизвозснаб, салон красоты «Галатея-2», фонд «Малютка и отчим», а сбоку прямо к стене был приклеен лист картона, на котором неровно, но внятно было написано фломастером:

«ТЕПЕРЬ У НАС ОДНО ЖЕЛАНЬЕ»

И никакого объяснения.

Когда Минц вошел в дверь, то увидел черную стрелу, которая указывала вверх по лестнице. А там в коридоре стояли в ряд стулья, и на стульях сидели смирные люди из городских жителей. И хоть освещение в коридоре было невнятным, они узнали Льва Христофоровича, и кто-то в кепке удивился и спросил:

— А тебе, профессор, чего не терпится?

— У профессора тоже проблемы бывают, — откликнулась Гаврилова, несчастная мать неудачного сына.

— Здесь по очереди или по записи? — спросил Минц.

— Живая очередь, — сказал Кепка. — Я с семи часов записывался.

Кепка показал Минцу ладошку с номером «2».

Минц присел на свободный стул рядом с Гавриловой.

— Вы тоже? — спросил он.

— Нет, — сказала Гаврилова. — О сынишке хотела посоветоваться.

Сынишке было под тридцать. Сынишка уже дважды развелся и собирался наняться в какую-нибудь бездействующую армию, чтобы не ранили.

— А как вы узнали об этом?

— Разве вы в «Гусллярском знамени» не читали?

— Я только Интернет читаю, — сказал профессор. — За остальным следить не успеваю. И что же в нашей газете было написано?

— Ничего. Только два слова: «Ваш шанс» и адрес. Первым Косолапов пошел. Думал, что угостят. Вы Косолапова не знаете?

— Не встречал.

— А он бомж. По помойкам ходит и бутылки сдает.

— У нас в городе настоящий бомж есть?

— У нас, говорят, даже группировка есть, — прошептала Гаврилова.

Минц кивнул, но не понял, какая группировка. Гаврилова же между тем продолжала:

— Он пришел, а его никто не останавливает, никто не гонит, но и не угощает. Ольга Казимировна спрашивает, на что жалуетесь? Смешно, правда?

— А кто такая Ольга Казимировна?

— А вот зайдете и увидите.

Человек в кепке нервничал — то вскакивал, старался заглянуть в щелку белой стандартной двери с бумажкой: «Без вызова не входить», то бегал по коридору, наступая людям на ноги. А когда дверь открылась, оттуда выдвинулась бородатая физиономия и рывкнула:

— Следующий!

Кепка кинулся бежать.

— Кто хочет или никто? — спросила физиономия.

Гражданка Гаврилова широко, как верующий парашютист, перекрестилась и ринулась к двери.

Наступила тишина.

Возвратился человек в кепке и скромно сел на стул.

Открылась другая дверь, напротив, оттуда выплянула очаровательная женщина средних лет и произнесла:

— Лев Христофорович, вас ждет зав. отделением.

— Мы первые стояли! — закричал было Кепка.

— Вам к другому доктору, — сказала очаровательная женщина.

В кабинете было скромно, тесновато, за белой занавеской стояла койка. Очаровательная женщина средних лет уселась за ученический стол. Ее темные волосы были забраны назад, в тяжелый узел. Одна прядь нарочно или случайно падала на лоб.

— А я все думала, — сказала очаровательная женщина, — неужели вы сознательно игнорируете?

— Я газету не читаю, — ответил Минц. — А как ваше имя-отчество, простите?

— Ольга, называйте меня просто — Ольгой, я вам в племянницы гожусь.

— Польщен, — ответил Минц. — И чем же вы здесь занимаетесь?

— Во-первых, я должна вам сказать, — ответила Ольга, — что мы не шарлатаны, не волшебники, не колдуны и даже не космические пришельцы.

— Последнее меня очень радует, — улыбнулся Минц, сделав вид, будто о космических пришельцах и не думал. Что было неправдой.

— Больше того, — продолжала Ольга, — мы не являемся агентами ЦРУ и даже Моссада.

— Что делать в нашем городке агентам ЦРУ!

— Не лукавьте, — возразила Ольга. — Они рады бы протянуть свои щупальца в каждую российскую деревню. Мы же являемся опытной лабораторией Министерства здравоохранения, которая развернула в Великом Гусяре свой полигон.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил Минц.

— Как будто вы не догадались!

— Объясните. Зачем нам догадки?

— Хорошо. Проблема проста. Чаще всего человек ошибается, потому что у него нет возможностей выбрать тот путь в жизни, ради которого он появился на Земле. Условия жизни, воспитание, материальное положение, случай — все объединяется для того, чтобы отрезать человека от его настоящей судьбы. Только единицам суждено соответствовать предназначению. Может быть, вам, Лев Христофорович?

— Мама хотела, чтобы я играл на скрипке, — признался Минц.

— А вы?

— Я хотел стоять в воротах нашей городской футбольной команды, но я был толстым мальчиком, и меня не брали.

— Представьте себе, что биология добилась того, чтобы соединить, казалось бы, несоединимое — человека и его призвание.

— А если поздно?

— Никогда не поздно, — сказала Ольга.

За стеной послышался шум. Кто-то кричал, рычал — мучился.

— Не все так гладко, как хотелось бы, — сказала Ольга.

— Если вы предлагаете человеку выполнить его желание...

— Не совсем так, Лев Христофорович. Мы не можем исполнять желания. Мы можем показать человеку, к чему лежит его душевная склонность. Ведь каждый из нас рожден выполнить какую-то функцию в муравейнике, именуемом человечеством. И когда он выполняет эту роль, он счастлив. Или почти счастлив. Но знает ли человек об этом? И я вам должна сказать, что величайшим изобретением Гургена Симоновича и было проведение черты между тем, что человеку кажется, и тем, к чему он на самом деле предназначен. Вот вы мне сказали, профессор, что хотели стать вратарем. Но разве вы знаете, ради чего вы родились на свет? Да вы можете и не подозревать.

— Значит, — догадался Минц, — если я приду к вам и скажу, что чувствую в себе извечное стремление стать вратарем, вы не обязательно со мной согласитесь?

— В подавляющем большинстве случаев мы с вами не согласимся... Но не будем спорить.

— И на самом деле, — величие и простота идеи поразили Минца, — вы дадите человеку возможность проявить себя не в том, в чем он хочет, а в том, к чему он рожден.

— Гениально! — воскликнула Ольга.

Из-за стены донесся рев.

— Но что это?

— Это ошибка, в жизни всегда есть место ошибкам. В медицине тоже.

— Это человек?

— Почти. — Ольга отвернулась к окну. Ей не хотелось отвечать.

— Ну нет, голубушка! — вспыхнул Минц. — Извольте открыть ваши карты. Что случилось?

— Пойдемте посмотрим, — сказала Ольга. Она поднялась и открыла незаметную дверцу за спиной, что вела в соседний кабинет. Половина того кабинета была отгорожена крепкой железной решеткой, как в полицейском участке Лос-Анджелеса.

За решеткой метался почти обнаженный растрепанный гражданин, который надрывно лаял и кидался на медбрата,

пытавшегося угостить его бутербродом с красной икрой, нанизанным на конец шампура.

— Он полагал, — шепотом сообщила Ольга, — что всю жизнь мечтал стать дрессировщиком диких животных. А оказалось, что внутри него заложена программа сторожевой собаки. Мы не смогли этого определить заранее. Вот и попались. Теперь придется сложным путем превращать его обратно в воспитателя детского сада.

Человек оскалился и зарычал.

— Но он счастлив? — догадался Минц.

— Счастлив, — сказала Ольга.

— Может, пускай он останется...

— Вы с ума сошли! Он же полгорода перекусает!

Минц с Ольгой вернулись в ее кабинет.

— Ох, и устала я, — призналась женщина. — У нас уже капсул не хватает, мы с ног валимся...

— Каких капсул?

— За ухо каждому пациенту мы вшиваем капсулу в шесть миллиметров длиной. Она дает постоянное безвредное излучение и вскоре рассасывается в организме.

— И в ней?

— В ней освобождение от комплексов и заблуждений, а также элементарный набор навыков и умений в выбранной области поведения.

— Как же вы можете заранее определить?

— Если бы вы знали, как мало у людей вариантов поведения!

Больной за стеной жалобно таякал.

— Проголодался, бедненький, — вздохнула Ольга.

— А еще бывали неожиданные превращения? — спросил Минц.

— Врачебная тайна, — ответила Ольга.

— Значит, бывали...

Вместо ответа Ольга бросила на Минца пронизывающий взгляд и спросила:

— А не желаете ли, профессор и почтенный член-корреспондент, проверить на себе действие капсулы?

— И окажется, что я на самом деле мечтаю разводить золотых рыбок?

— Может быть, имеет смысл переключиться?

— Я никогда не соглашусь с вами! — резко возразил Минц. — Моя деятельность приносит пользу миллионам людей. Мои изобретения занесены во все реестры. Не исключено, что меня вот-вот выдвинут на Нобелевскую премию. А из-за какого-то мелкого генетического дефекта вы лишите меня любимого дела, а народ — моих изобретений?

— Вы не правы, — ответила Ольга, — потому что если открытия и изобретения в мире биологии и есть ваше призвание, никуда оно от вас не уйдет.

— Нет, — сказал Минц. — А то еще начну мяукать.

Ольга улыбнулась. Скорее печально, чем жизнерадостно.

— Мне жаль, что вы не стали с нами сотрудничать, — сказала она. — Но по крайней мере обещайте мне, что будете заходить к нам, помогать добрым советом и делиться опытом.

— С удовольствием, — сказал Минц и задумался.

Прошла минута, а он все не уходил.

Ольга подняла вопросительно брови.

— Черт с вами, — сказал Минц. — Дезинфицируйте свою капсулу. Будем пробовать.

Через два с половиной часа Минц вышел на улицу.

За ухом чесалось. Организм еще не растворил чужеродное тело.

Настроение было приподнятое.

Высоко в небе летел воздушный шар. Вдруг от него отделилась черная точка. Затем над ней раскрылся парашют. Удалову надоело летать по небу, он возвращался домой ужинать. Клара взяла Минца под руку.

— Ну как, мальчонка? — спросила она.

Минц кинул на нее взгляд.

Клара присела и на четвереньках побежала за угол.

Навстречу шел новый председатель городской думы, человек властный и нахальный. Он толкнул Минца. Он всегда и всех толкал на улицах.

Минц взял его за пуговицу, повернул к себе и тихо сказал:

— Попрошу ключик от кабинета. Мне твой кабинет будет нужен.

— Разумеется, — оробел председатель. — Конечно, Лев Христофорович. Как прикажете, Лев Христофорович.

Минц пошел дальше, крутя на указательном пальце кольцо с ключами.

И тут он увидел провизора Савича, который уже достал где-то розовую скатерть, завернулся в нее и стал похож на Шиву.

— Савич, — сказал Минц. — Беги на полусогнутых ко мне домой, захвати мой любимый ноутбук и ночные туфли. Пошевеливайся, а то я тебе такое ненасилие покажу!

Сжавшись под новым и страшным взглядом Льва Христофоровича, кришнаит помчался исполнять приказание.

Сказав так, Лев Христофорович спохватился и как бы кинул на себя взгляд со стороны.

Взгляд встревожил.

Посреди Пушкинской улицы стоял пожилой лысый мужчина с выдающимся животом и обводил окрестности гневным взором. Никогда раньше его эти окрестности не раздражали.

Лысому мужчине почему-то неумолимо хотелось повторить судьбу Наполеона Бонапарта, только без скорбных ошибок завоевателя с Корсики. Лысый мужчина понимал и знал, как следует обходиться с человечеством, чтобы оно жило правильно и плодотворно. Лысому человеку страстно хотелось загнать человечество к счастью железным кулаком, невзирая на жертвы.

Лев Христофорович Минц, человек крайне добрый, даже робкий, мечты которого никогда не распространялись дальше Нобелевской премии, был потрясен происходившими в нем переменами, но оказался бессилён их предотвратить.

— Вот не предполагал, — произнес вслух Минц, и лицо его на мгновение озарилось доброй улыбкой, — что в шкуре такого гуманиста, как я, таился деспот. Но ничего не поделаешь. Генетика — это судьба!

Лукавил великий в прошлом ученый, а ныне — Проклятие человечества. Обнаружив в себе страшную язву, он не сделал и малейшей попытки...

Впрочем, нет!

Беру свои слова обратно.

Громадными шагами Минц кинулся на площадь Землепроходцев. Он ворвался в дом, где таилась лаборатория Минздрава, прошел

строевым шагом по коридору, и ждущие очереди вскакивали, вытягивались во фронт, ибо чувствовали, кто идет.

Ногой распахнув дверь к очаровательной Ольге, Минц вошел в кабинет.

Ольга мерила давление Кепке.

— Ах! — воскликнула Ольга. — Вы передумали?

— Мне нужен пресс-секретарь, — рявкнул Минц. — Читать-писать-врать умеешь?

— Как вам сказать...

— Снимать сапоги, греть постель, подавать кофий с коньяком...

Ольга поднялась, одним легким ударом послала в нокаут Кепку, сорвала с себя белый халат, провела розовой ладонью по высокой груди и ответила:

— Яволь, майн дженерал!

И Минц пошел наружу, уверенный в том, что верной собакой, гремучей змеей, безвольной и страстной подстилкой за ним следует женщина-врач.

Такова сила внушения великих завоевателей.

Поход на Москву Лев Христофорович запланировал на сентябрь, чтобы не повторять ошибок Наполеона. Надо было взять Кремль до первых заморозков. И навести порядок в нашем государстве...

И все же человек бывает непоследователен.

Порой вечерами, после митинга или заседания реквизиционного комитета, Минц велел шоферу «Мерседеса-600», конфискованного во время рейда в Вологду, вывезти его на высокий берег реки Гусь. Джипы и БТР с охраной полукругом становились сзади, чтобы не пробрался злоумышленник. С тех пор как одна опасная бабуся с петицией от библиотекарей проникла к самому телу Льва Христофоровича и ее пришлось ликвидировать, охрана категорически настаивала, чтобы со спины Минца всегда прикрывала бронетехника.

Завтрашний диктатор Земли опускал стекло в машине, вдыхал свежий, чуть застойный речной воздух, слушал, как за рекой брешут собачки, гладил послушную коленку Ольги, смотрел, как опускается в мирные облака сельское солнце, и тосковал по прежней, добродушной жизни.

Потом закрывал стекло и говорил:

— К сожалению, больше ни секунды...

— Да, милый, — соглашалась женщина-врач, — ты человек долга.

И они мчались на ночные учения служебных собак.

* * *

Резиденция будущего диктатора Земли занимала психлечебницу. Преимущества этого места определялись высоким бетонным забором и крепкими решетками на окнах обоих этажей. Резиденция была окружена парком, оставшимся с дореволюционных времен. В парке щебетали воробьи, так как к осени остальные птицы замолкают.

Минцу не спалось. Наступал день «П», что означает: «Поехали!»

С рассветом Лев Христофорович навсегда покинет этот городок, в котором прошел ряд лет его жизни, и вскоре забудет местных жителей, людей ничтожных, недостойных сожаления, но в чем-то привычных и даже приятных.

Остаток жизни Льву Христофоровичу придется провести на командных пунктах, в походах и бомбоубежищах.

Не в силах сопротивляться сентиментальному душевному порыву, столь опасному для диктаторов, Лев Христофорович тихонько поднялся с кровати, раздвинул бронированные шторы, защищавшие от случайного злоумышленника, натянул галифе, сапоги, китель без знаков различия, перекрестился на портрет Калигулы и спустился в сад по водосточной трубе.

Охрана этого не заметила, потому что смотрела наружу и не ждала опасности изнутри.

Неприступных крепостей не бывает.

Минц поднял с травы забытую малярами стремянку, прислонил ее к забору и перебрался на улицу.

Рассвет только подбирался к Великому Гуслиару, и воздушная синева была густой, как в чернильнице минцевского детства.

Звук шагов профессора легко понесся над примолкшими садами и зелеными крышами.

За несколько минут профессор дошел до дома № 16 по Пушкинской улице.

Знакомый двор. Стол для игры в домино под кустом сирени. Куст разросся, стол покосился — увлечение этим видом спорта осталось в прошлом.

У двери в двухэтажный дом сверкала медная доска.

Мемориальная.

На ней были выбиты буквы:

«В ЭТОМ ПОДЪЕЗДЕ В КВАРТИРЕ № 2 ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА ПРОЖИВАЛ ПОКОРИТЕЛЬ ЗЕМЛИ ЛЕВ ПЕРВЫЙ НЕСГИБАЕМЫЙ.»

«Лакеи, челядь, блюдолизы! — с тоской, свойственной великим завоевателям, подумал Минц. — Какая убогая фантазия!»

Минц вошел в общий коридор и остановился перед своей дверью. Он опасался, что они успели соорудить здесь музей, но на его счастье, руки до этого не дошли. На двери была сургучная печать.

Минц сорвал печать и отворил дверь.

Странное предчувствие опасности охватило его. Настолько, что он замер, протянув руку к выключателю. И лишь сделав над собой усилие, смог на него нажать.

В комнате были гости. Шестеро гостей.

Трое сидели в ряд на постели. Один на стуле, один в кресле за этажеркой, еще один стоял у окна.

Минц потянулся за пистолетом, который был прикреплен под мышкой.

Другая рука потянулась за пазуху, за мобилем.

Гости смотрели на резкие и даже суетливые движения диктатора без страха и удивления.

— Не узнаешь? — спросил один из них.

Единственное знакомое лицо! Корнелий Удалов!

— Что ты здесь делаешь? — строго спросил Минц. И добавил, обведя ледяным взглядом остальных: — И вы все что здесь делаете?

— Лев Христофорович! — Удалов развел руками. Он был в пижаме. Пижамы разъехалась на животе. — Ты ж меня с молодости знаешь. Зачем тебе все это?

— Уходите, а то буду стрелять, — приказал Минц.

— Еще неделю назад ему бы такое и в голову не пришло, — заметил мужчина средних лет с величественным лицом римского

императора. — Поднять руку на ближних — нет, настоящий ученый так не поступает!

И тогда Минц хладнокровно навел удар. Спасенья нет. Пустое сердце билось ровно, в руке не дрогнул пистолет.

Первая пуля пронзила Удалова, вторая попала в грудь величественному гостю.

Следов на их одежде не обнаружилось.

Минц выпустил остатки обоймы в молодую женщину, стройную, как тополь.

— Щекотно, — сказала она.

— Татьяна! — строго произнесла другая женщина, постарше. — Ты не на вечеринке.

Выпустив все пули, Минц со злобой бросил на стол дефектный пистолет. И стал отступать к двери.

— Погодите, Минц, — сказал величественный мужчина. — Что вам нужно от жизни?

— Это я вас должен спросить — что вам нужно?

— Мы испугались за вас, — ответил величественный мужчина. — Мы испугались за ваш рассудок и за наших читателей. За свою жизнь в науке и Гусяре вы совершили немало добрых дел. Да и люди, прочитавшие о ваших делах, стали лучше и добрее. Неужели вы теперь перечеркнете все усилия, которые вложил в вас автор?

— Кто?

Удалов показал на пожилого, даже старого мужчину с седой бородой и красным лицом гипертоника:

— Ты что, своего автора и создателя не узнаешь? Это же Кир Булычев! Писатель!

— Не имею чести, — сказал Минц. — Пули бы на тебя не пожалел. А эти, остальные, кто?

— Таких людей тоже полезно знать в лицо, — сказал Удалов. — Это редакция журнала фантастики в полном составе, во главе с редактором.

Величественный мужчина склонил благородную голову.

— Бред какой-то! — возмутился Минц. — Мы, простите, находимся в различных измерениях. Вы — жители Земли, я — существо высшего, литературного порядка. И вообще я не понимаю, кто вас сюда пустил.

— Я! — сказал Кир Булычев. — Когда слухи о перемене в вашем характере достигли нас, мы решили с вами связаться. Остановитесь, профессор! Я вас таким не придумывал, читатели вас таким не знают. Прекратите проявлять инициативу, помогайте людям, не вредите им.

— Не могу, — обреченно сказал профессор. — Пока на земле остается хоть один жулик, взяточник, убийца, насильник или демократ, я не прекращу борьбы за счастье моего народа. До последнего олигарха! До последнего масона! Огнем и мечом!

— У вас большое и доброе сердце, — с чувством произнесла женщина постарше, — об этом знают читатели и критики. Неужели вы хотите, чтобы в литературоведении появилась фраза: «В конце жизни профессор Минц переродился в банального злодея»?

— Я не переродился, — ответил Минц. — Я таким родился, только не знал об этом раньше.

— Тогда сделай над собой усилие, — вмешался в разговор Удалов. — Ради людей. Ради читателей, наконец!

— Это выше меня! Слышишь, как танки разогревают двигатели? Слышишь, как режут моторы истребителей? Слышишь, как бьются в унисон сердца смелых борцов за мои идеи?

— Ах, у него и идеи есть! — воскликнул тут человек с грубоватыми, но привлекательными чертами лица по имени Эдуард. — Вы посмотрите на бандита с идеями!

— Да! У меня есть идеи! — прокричал Минц. — Мои идеи — очистить мир от скверны демократии!

— И дальше? — спросил Эдуард.

— А дальше все будут счастливы.

Пока присутствующие, к негодованию профессора Минца, предавали осмеянию его идеи, вошла привлекательная женщина-врач по имени Ольга.

— Лев Христофорович, — сказала она, — войска построены. История ждет у порога.

— Вот видите! — обрадовался подмоге Минц. — А вы говорили!

И тут, когда все, включая автора, поняли, что битва за Минца проиграна, Удалова посетила мысль.

— Простите, доктор Ольга, — произнес он. — Но мне кажется, что вы еще не добрались до истинной сущности Льва

Христофоровича. Вижу я в нем некоторую неуверенность и даже внутреннюю слабость...

— Да как ты смеешь! — взревел будущий диктатор.

— А так смею, что ты сюда пришел, на свое моральное пепелище. В свой дом. Значит, осталось в тебе что-то человеческое. И я уверен, что для завершения образа придется тебя еще поглубже копнуть, до самого дна.

Доктор Ольга была человеком строгих логических правил.

— И что вы предлагаете, товарищ Удалов? — спросила она.

— Еще одну капсулу, — ответил Удалов. — И тогда мы посмотрим.

— Ни в коем случае! — закричал Кир Булычев. — Вы нам тогда такого монстра сделаете, что у меня рука не поднимется его описать.

— Ты прав, но истина дороже, — ответил Удалов.

— Истина дороже! — поддержал его Минц. — Хочу быть заверренным, как гранитная плита.

— Что ж, попробуем, — согласилась доктор Ольга и приложила к уху профессора небольшую розовую капсулу.

— Дорогие друзья, — сказал главный редактор. — Я попрошу всех женщин покинуть помещение. Мы не знаем, кто вылупится из бывшего профессора. Даже в людях, нам известных и на вид достойных, таятся порой настоящие монстры. Но кто таится в монстре... Уйдите, женщины!

И женщины покорно, но с внутренним трепетом, покинули комнату.

Минц заметно волновался. Он подхватил со стола разряженный пистолет и стал почесывать им за ухом. Кир Булычев взял том энциклопедии и как бы невзначай прикрылся от возможной пули. Даже доктор Ольга отступила к двери.

Минц положил пистолет на место.

Затем обвел странным, почти детским взглядом комнату и шмыгнул носом.

Далеко-далеко прогревали моторы танки и доносились резкие звуки строевых команд. Наступал рассвет.

— Неловко вышло, — произнес Минц. — Людей побеспокоили, шумим, моторы греем. Нехорошо.

— Неужели получилось! — воскликнул Удалов. — Неужели ты к нам вернулся?

Минц сел на свободный стул.

— Твоя идея была верной, — сказал он Удалову. — И в самом деле душа неординарного человека бездонна. Диктаторские замашки были свойственны мне лишь на определенном этапе душевной организации. Теперь я докопался, спасибо тебе, доктор Ольга, до моей истинной сути.

И Минц задумался, как бы прислушиваясь к себе.

Затем в тишине прозвучал его твердый и уверенный голос:

— Никакого насилия. Никаких танков на улицах. Я выставляю свою кандидатуру на пост губернатора, а затем и президента России демократическим путем, в рамках конституции. Мы с вами, друзья, будем строить правовое, дисциплинированное, патриотическое общество. Все для человека, все ради человека! Гражданин писатель Кир Булычев, а также остальные мужчины, прошу вас, останьтесь. Вы мне пригодитесь в предвыборном штабе. А ты, Удалов, беги, отпусти танки, пусть возвращаются по полигонам, а охрану вызови сюда. Береженого бог бережет...